

ГЕНРИ КАТТНЕР

Приложение БУАКФ

ПУТЬ БОГОВ

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ГЕНРИ КАТТНЕР

ПУТЬ БОГОВ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ПУТЬ БОГОВ

Генри Каттнер

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2017

БААКФ-приложение 07 (2017)

Клубное издание

ПУТЬ БОГОВ. Генри Каттнер.
Сборник фантастики.
(а.л.: 9,93)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

A SCIENTIFICTION NOVEL COMPLETE IN THIS ISSUE!

STARTLING STORIES

15¢

MAY

A THRILLING
PUBLICATION

A woman with dark hair, wearing a red sleeveless top, red shorts, and red gloves and boots, is shown in a dynamic pose. She is holding a futuristic, blue and silver gun that emits a bright yellow beam of light. She is aiming the gun at a mechanical, tentacle-like creature that is also firing a beam of light. The background is a dark, swirling blue and white, suggesting a sci-fi environment. The overall style is reminiscent of classic pulp magazine covers.

LANDS OF THE EARTHQUAKE

*An Amazing
Complete Novel*
By HENRY
KUTTNER

THE DISC-MEN OF JUPITER

A Hall of Fame Novel
By MANLY WADE WELLMAN

ЗЕМЛЯ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

ГЛАВА I. *Кристаллическое окно*

КОГДА УИЛЬЯМУ Бойсу было тридцать лет, он потерял год жизни. Одним прекрасным августовским утром он шел от библиотеки по Пятой Авеню мимо каменных львов, охранявших широкие ступени, а затем, год спустя, вдруг оказался на больничной койке в госпитале «Бельвью». Патрульный нашел Бойса без сознания на одной из просторных лужаек Центрального Парка. Из «Бельвью» тот угодил прямо в ад.

Амнезия не была чем-то неизвестным. Психиатры сказали Бойсу, что, при надлежащем лечении, память должна к нему вернуться. А пока что, будет лучше всего вернуться в знакомую колею и заняться тем же, чем он занимался до того, как внезапно выпал из течения времени год назад.

Звучало-то это просто. И Бойс попробовал это сделать. Но ему совершенно разонравилось преподавать в университете. Ему казалось, что кто-то его преследует. Он стал одержимым и понял, что должен выяснить, куда подевался целый год, иначе так и не удастся вернуться к прежней жизни.

Изредка к Бойсу, мелькающими обрывками, возвращалась память: чье-то смуглое, усатое лицо, тихий голос, казалось, хорошо знакомый, говорящий на знакомом, но, тем не менее, странном языке.

Однажды, на уроке классических языков, Бойс услышал этот язык — зачитывался средневековый французский манускрипт, написанный на старофранцузском шестивековой давности. Но Бойс понимал его, как родной. Ему показалось это очень странным...

Затем в его памяти всплыли темные фигуры в мантиях,двигающиеся со сверхъестественной гибкостью, заставившей Бойса содрогнуться всем телом от чистого ужаса. Это воспоминание всегда обрывалось практически мгновенно, будто разум позволял Бойсу лишь мельком взглянуть на него. В такие моменты он начинал бояться, что правда о пропавшем годе может свести его с ума от ужаса.

Но что-то постоянно тянуло Бойса к забытому периоду. Он решил, что это каким-то образом связано с кристаллом, который он нашел у себя в кармане после выписки из «Бельвью». Кристалл

Boyce knew before he touched that he how her strong soft body would feel in his arms. (CHAP. XI)

Lands of the Earthquake

By HENRY KUTTNER

William Boyce, in whose veins flows the blood of crusaders, goes on the quest of a lost memory and a mysterious woman in an odd clime where cities move and time stands motionless!

был небольшим, но обработанным доселе невиданным способом. Некоторые грани были выпуклыми, другие — вогнутыми. Он был совершенно прозрачным. И Бойс чувствовал себя... некомфортно... когда не носил кристалл у себя в кармане. Он даже не понимал, почему.

Прошло много времени — целый год, полный беспокойства и неуверенности. Все больше и больше дней Бойс проводил, слоняясь по городу и разыскивая неизвестно что. Он начал пить — пить слишком много и даже еще больше.

Район рядом с Ист Ривер, расположенный к югу от центральной части города, казалось, больше всего привлекал Бойса. Иногда, напившись виски, он бродил по тихим улицам, сжав в кулаке кристалл, лежащий в кармане, вечно казавшийся холодным и никогда не нагревающимся от прикосновения. Все громче и громче, все настойчивее и настойчивее звал Бойса голос из потерянного года.

Behind his tiger-beasts, leaning on the spear, the huntsman came in his tiger-striped garments. (CHAP. XVI)

Темное лицо, вместе со множеством других образов, появлялось у него перед глазами чаще, чем раньше. Он начал понимать, что само по себе лицо не имеет значения. Оно, скорее всего, лишь ключ к какой-то тайне. И оно было даже не живым лицом, а нарисованным...

Однажды Бойс увидел это лицо наяву. И пошел за человеком, держась на некотором расстоянии, по улицам, постепенно становящимся очень знакомыми... Наконец, он очутился у древнего, узкого здания из коричневого камня рядом с Ист Ривер — и действительно, окна с противоположной стороны, наверняка, выходили на реку. Прямо на глазах Бойса, человек открыл дверь и вошел в дом, и Бойс, не в силах понять почему, сразу же узнал место, которое тянуло его так долго.

Он стиснул зубы, взбухли желваки под густой щетиной. Он перешел через улицу, поднялся по короткой лестнице и стал ждать, не смея позвонить в звонок. Затем, накупившись, протянул руку.

ЧЕРЕЗ секунду дверь открылась.

В груди Бойса захлопала крыльями паника. Он шагнул вперед, и человек, смотрящий на него, посторонился, подозрительно нахмурившись.

Взгляд Бойса прошел мимо него. Он почему-то знал этот длинный, темный зал так же, как и знал лестницы: одну, уходящую во мрак, а вторую, ведущую вниз.

— Вам кого? — резко спросил человек. — Кого вы ищете?

Бойс уставился на странно знакомое лицо.

— Я... меня зовут Бойс, — неуверенно ответил он. — Вы... не помните меня?

— Бойс? — Человек пристально посмотрел ему в глаза, и его лицо снова вспыхнуло подозрительностью. — Нет, черт побери! Послушайте, мистер... что вам нужно? Я вас не знаю.

У Бойса пересохло в горле.

— Два года назад... Я, наверное, сильно изменился, но не настолько, чтобы вы не смогли меня узнать.

— Я первый раз в жизни вас вижу.

— Сколько вы тут живете?

— Лет десять, — сказал человек. — Не считая...

— Я знаю этот дом! — отчаянно воскликнул Бойс. — Вон там гостиная с камином.

Он вошел так быстро, что хозяин дома остался позади. Через секунду Бойс прошел через занавешенный проход и стал оглядывать загроможденную, мрачную комнату — комнату, которую он знал!

Глаза Бойса остановились на камине, а затем поднялись выше. Там висела чуть затемненная, обрамленная фотография смуглого человека почти в натуральную величину.

Бойс помнил фотографию... но не человека! Он резко развернулся.

— Говорю вам, я знаю этот дом! Я уверен в этом! — Он снова почувствовал необъяснимую, крайнюю необходимость спешить ... но куда?

— Послушайте, — ответил смуглый, — я уже сказал, что живу тут десять лет, не считая того времени, когда я сдавал дом. И сдавал я его некому Холкомбу, а не Бойсу.

— Холкомбу? А кем он был?

— Я его никогда не видел. Всем занимался мой адвокат. Я уехал и через год вернулся. Так ни разу и не встретился с Холкомбом. Но его звали именно так.

Бойс застыл на месте, пытаясь понять хоть что-нибудь в этой темной истории. Внезапно он направился к двери и прошел в зал.

— Эй, — окрикнул смуглый, но Бойс не остановился.

Он знал, куда идет.

— Там ничего нет! — прокричал ему вслед негостеприимный хозяин, когда он начал спускаться по лестнице. — В подвале пусто. Мистер, я вызову...

Но Бойс уже пропал из виду. От сильного предвкушения какого-то открытия у него участилось дыхание. Он не знал, что найдет тут, но чувствовал, что, наконец, находится на верном пути. Этот необъяснимый зов вызывал у Бойса дрожь во всем теле, подталкивал его, приказывал сделать то, что он должен был сделать давным-давно.

Он открыл дверь, и комната за ней оказалась тесной и пыльной. В растрескавшихся дощатых стенах не было окон, и единственный тусклый свет шел из-за спины Бойса, пока он стоял в проходе и оглядывал странно знакомую комнату. Это помещение походило на любую другую квадратную пустую комнату, — но, тем не менее, Бойс вздохнул с глубоким, хотя и непонятным удовлетворением.

Вот она. Вот эта комната. Именно тут находится... что?

Бойс сделал шаг вперед и ступил на пыльный пол. Комната была такой пустой, что, когда он шагнул внутрь, его взгляд мог притянуть лишь единственный предмет. На полке на стене стоял дешевый стеклянный подсвечник, из которого торчала оплывшая свеча. Только свечной воск выглядел немного странно. Почти чистый воск с нежным зеленовато-голубым оттенком, точно вечернее небо, и такой прозрачный, что через его полурасплавленное основание просвечивал фитиль.

Над головой послышались шаги. Бойс подошел к свече и дрожащим пальцем коснулся нее.

— Я помню это, — прошептал он. — Я уже видел это раньше. Но комната... Она одновременно изменилась и не изменилась. Такой

пустой и грязной она никогда не была. Все же, мне кажется, что-то изменилось. Но она выглядит... так, как нужно, даже сейчас.

Было слишком темно, чтобы разглядеть какие-то детали. Бойс зажег спичку и поднес ее к свече.

Комната... должна была быть немного другой. Обставленной более богато. Где шторы? Украшения? Шелк? Но она по-прежнему выглядела именно так, как должна была выглядеть. Как...

Фитиль загорелся и медленно расцвел золотистым овалом.

Бойс затаил дыхание.

— Чего-то не хватает, — тихо произнес он. — Чего-то...

Кристалл, который он носил с собой два года, буквально заморозил его пальцы, когда он чисто рефлекторно поднял его. Бойс поднес камень к свече, и пламя начало выбивать искорки с его граней. Комната на секунду наполнилась скачущими светлячками, а на полу, стенах и потолке безумно заплясали огоньки. Рука Бойса затряслась.

Теперь он вспомнил, что в этот потерянный год уже подносил кристалл к свече, пока она... она...

ВНЕЗАПНО на стенах появились тени. Они шевелились, становились все гуще, пока Бойс смотрел на них округлившимися глазами. Вокруг него собиралось и росло странное, тусклое убранство, теневые занавески принялись развеваться, словно призраки на призрачном ветру, дуновения которого он не чувствовал. Из несуществующих складок сверкнули драгоценности.

Бойса все еще окружали голые доски, серые, пыльные и потрепавшиеся, но декоративные занавески уже начали принимать теневую форму, бесшумно шелестя на ненастоящем, беззвучном ветру. Тени становились все гуще и гуще. Доски уже практически скрылись под призрачным убранством, словно голые кости скелета, обрастающие эфемерной плотью иллюзорного мира.

С каждым трепетанием пламени свечи, gobелены становились все плотнее и реальнее, а драгоценности сверкали все ярче. Под ногами был богато расшитый ковер, похожий на слой толстой, мягкой пыли. Словно паутина, сплетенная сказочными пауками, потолок покрывали волны бледного шелка, куда были вплетены цветочные гирлянды. И, тем не менее, сквозь всю эту красоту Бойс по-прежнему видел голые ребра комнаты, серые доски, пыльные и неухоженные.

Он снова поднес камень к свету, его рука уже почти не дрожала. И теперь пламя свечи, пройдя через множество граней неправильной формы, отбросило на одну из стен паутину света, вовсе не

иллюзорную. И там исчезли голые доски. Там, куда упал свет, на стене образовался кристаллический узор замысловатой формы, такой тонкий и чистый, как снежинка.

Казалось, узор становился все ярче прямо на глазах Бойса. На стенах колыхались призрачные занавески, над головой волнами вздымались шелковые гирлянды, но узор на стене был неподвижен и становился более и более насыщенным и ярким. Свет от пламени свечи мощно лился через кристалл, словно усиливаемый линзой, и падал на стену некой материальной субстанцией. Он пропитывал стену, растворял ее и вытравлял на ней узор кристалла, словно какой-то странной, яркой кислотой, оставлявшей вечный след на поверхности, куда падал рисунок света.

Через узор дует ветер... — смутно заметил Бойс. Занавески развевались от сложного узора на стене в обе стороны, будто свет вырезал проход наружу, и из другого мира дул легкий ветерок.

Но это было дыхание другого мира, поскольку Бойс не ощущал его.

Внезапно его рука задрожала. Это было невозможно. Этого не могло быть. Это была галлюцинация, рожденная алкоголем, и через секунду он очнется в каком-нибудь тусклом уголке бара с громкой металлической музыкой в ушах и толпой вокруг — а не с этими бесшумными занавесками на стенах, выглядящих так пугающе знакомо.

Руки Бойса задрожали — да. Но не свет на стене. Не веря своим глазам, Бойс медленно опустил кристалл. Свет не изменился. Бойс стиснул кристалл — камень был еще холоднее, чем прежде, от чего его рука замерзла, — и положил гладкий, блестящий предмет обратно в карман, не сводя глаз со стены.

Красивый, светящийся узор перестал быть только игрой света. Он стал реален. Стал большим сверкающим хрустальным рисунком, холодным и совершенным, как снежинка, и таким же хрупким. Бойс знал это. Но откуда — он понятия не имел.

Однако, узор был единственным, что осталось настоящего в комнате. Обнаженные кости стен, пыльные и растрескавшиеся доски, куда-то исчезли. Гобелены, развевающиеся на ароматном ветерке, дующем из хрустальной стены, были более реальными, чем он сам. Но ни гобелены, ни неосязаемый ветер не обладали неоспоримой реальностью узора.

Тут было еще что-то — и Бойс изо всех сил попытался понять, что.

Она ушла до него. Вот что это было! Вот что преследовало его так долго, подводя окольными путями к этому моменту и к этой волшебной комнате.

Бойс видел, как он стояла тут несколько месяцев назад — мгновение назад, — потому что время потеряло какое-либо значение, пока он вспоминал. Но он не видел ее лица. Она стояла к нему спиной в этой богато украшенной, светящейся комнате, — лишь силуэт на фоне большого блестящего узора на стене. Высокий силуэт, прекрасный силуэт, опасный...

В разуме Бойса вспыхнул свет. Он вдруг увидел ее, словно внезапно распахнулись ставни, на секунду она повернулась, оглянулась через плечо и взглянула ему в глаза.

Она улыбнулась. Бойс увидел, как изогнулись ее алые губы, как вспыхнули ее белоснежные зубки и как лиловым огнем на затемненном лице засветились ее глаза. В ее улыбке была опасность и яркий, ослепляющий свет. Приглашение и угроза. А затем она шагнула вперед и... и...

Да, это было приглашение. Возможно, это произошло год назад... а, может, прошло только мгновение. Время ничего не значило для *нее*. А она означала ужас и нечто еще худшее. Она означала, что разум Бойса опустеет навсегда. Но, куда бы она ни пошла, он должен идти следом.

Он совершенно забыл все, кроме этого.

И слепо шагнул вперед. Вытравленный бесконечным числом крошечных хрустальных граней, узор стены навис над Бойсом. Он видел, как за стеной что-то шевелится, и понял, что его ждет опасность, но ему было все равно. Перед глазами у него стояло яркое, смеющееся, ужасное лицо, загораживающее все остальное. Кроме нее, он не видел ничего.

Бойс инстинктивно поднял руки, чтобы защитить себя... и вслепую прошел сквозь стекло.

Он услышал, как оно раскалывается вокруг со звуком тысячи крошечных звенящих колокольчиков. Ощутил, как в руки вонзаются острые грани. Почувствовал порыв пронизывающего, холодного воздуха, и затем мир под ногами провалился, и он полетел вниз.

После этого Бойс не помнил уже ничего.

ГЛАВА II. *Охотник*

ВДАЛЕКЕ КТО-ТО смеялся. Бойс открыл глаза и сонно посмотрел на голубовато-серую дымку, плывущую перед ним. За ней и выше он увидел туман, слоями висящий в прохладном воздухе, а

еще дальше — что это, горы? — огромную каменную стену, исчезающую в облаках.

Снова послышался смех. Уже не издалека, а с более близкого расстояния, и в нем было какое-то рычание. Бойс неуклюже сел, пытаясь понять, что с ним случилось.

Вокруг лежали сверкающие обломки стекла. Глядя на них, Бойс стал вспоминать.

Но сейчас он сидел на каменном выступе, холодном и слегка влажном, а обернувшись, видел за собой серую каменную стену, отвесно уходящую в облака. Окно? Тут не было никакого окна. Тем не менее, каким-то образом он оказался на этом выступе, поскольку тут лежало стекло, разбитое от его прохождения через узор.

Выступ был узким. Каменный карниз спускался в обе стороны от того места, где сидел Бойс. Волны тумана скрывали то, что лежало внизу. Но впереди, далеко за проплывающими облаками, виднелись башни огороженного стеной, имеющего странную форму города. Бойс поморгал, всматриваясь во влажный воздух.

Облака соединялись, разрывались и соединялись вновь над всей долиной, но крыши города поднимались слишком высоко, чтобы их можно было скрыть. Бойс увидел, что некоторые из них были из камня, а другие из чистого стекла. Они, — полосатые, узорчатые или одноцветные, — походили на палатки, колышущиеся на ветру.

В долине было полутемно, и Бойс увидел огни, сияющие среди крыш. Одни огни лились словно из хрустальных шаров, а другие, как из фонариков, из разноцветных матерчатых навесов, таких же ярких, как сами крыши. Словно в городе проходил карнавал. Но тут было кое-что еще, что не понравилось Бойсу. Воспоминание ли это, попытался понять он, нечто, зарытое более глубоко, или инстинкт, предупреждающий о том, что за высокими стенами таится опасность?

За стенами в дальнем конце долины были опять облака тумана, а за туманом — горы. Они поднимались все выше и выше, — одна вершина громоздилась над другой, один перевал нависал над другим, — пока не скрывались в низких облаках.

На одном из ближайших пиков расположился гигантский замок. Бойс прищурился и тщетно попытался разглядеть форму этого здания. Туман на секунду поредел, будто над сценой приподнял занавес.

Бойс увидел огромные зубчатые башни с алым знаменем, похожим на язык пламени, поднимающийся из самой высокой части замка — главной башни. Все это походило на старинную картину, — мощное нагромождение укрепленных стен и башен. Замок пока-

зался Бойсу удивительно знакомым, как и весь этот сон, эта невероятная земля тумана и гор.

Затем облака накрыли снова, и замок исчез вместе со своим пламенным знаменем, словно на мгновение всплыло утраченное воспоминание, а потом исчезло снова, или будто туман прошлого навсегда поглотил эти древние башни.

Бойс медленно поднялся на ноги.

И когда он уже встал, снова раздался смех, теперь уже более звучный, радостный, но с каким-то предупреждением, скрывающимся за этой радостью.

Бойс повернулся. Казалось, смех шел сверху, а через секунду туман отступил, и Бойс увидел того, кто смеялся. Стоя чуть повыше на выступе, с туманом, кружащимся вокруг него, на Бойса смотрел какой-то высокий человек. Бойс уставился на него с округлившимися глазами.

С первого взгляда он не понял, на самом ли деле человек зарос тигриным мехом, поскольку его длинные мускулистые ноги и гибкое тело были рыжевато-коричневыми и отливали бархатистым блеском. Но улыбающееся лицо человека было бледным, а из-под капюшона из тигриной шкуры выбивались черные волосы.

Человек обеими руками ухватился за кожаный ремень, и Бойс смутно видел контуры гладких тел у его ног. Ремень оказался поводком, но созданий, которых человек держал на нем, не было видно в тумане.

Верхняя губа человека в тигриной шкуре приподнялась в улыбке, больше похожей на оскал, и он убрал одну руку с поводка, чтобы дать Бойсу странный знак — замысловатые, быстрые движения пальцев, размазавшиеся в тумане. Животные на поводке у его ног тут же завопили, человек яростно засмеялся и снова схватил обеими руками поводок, борясь со своей сворой. Но его глаза вопросительно смотрели на Бойса.

Он просто стоял и удерживал животных. Улыбка пропала. Человек снова сделал быстрый, таинственный жест и снова принялся бороться со сворой, ожидая ответа. На этот раз он нахмурился, но прежняя улыбка все равно была яростней.

Бойс поднял обе руки ладонями вверх, сделав универсальный жест мира. Больше он ничего не мог сделать. У него не было никакого ответа на таинственный знак, хотя он смутно чувствовал, что должен знать нужный ответ.

ЧЕЛОВЕК КРОВОЖАДНО рассмеялся, словно ожидал этой неудачи. На долю секунды Бойсу показалось, что бледный человек

со страшным выражением лица узнал его. Он подумал, что человек питает к нему враждебные чувства, надеялся встретиться с ним и теперь радостно, но утрашающе засмеялся, потому что у него появилась такая возможность.

Смех перерос в триумфальный рев, в котором слышалось тигриное рычание, и человек прокричал, как охотник, повелевающий своре напасть. При этом он предупредительно взмахнул полосатой, рыжевато-коричневой рукой, жестом велел Бойсу бежать, указывая на узкую тропу, ведущую к долине, и невидимые животные запрыгали вокруг него, почти освободившись от поводка.

Бойс неуверенно развернулся, растерянность затуманила его ум. Все случилось слишком внезапно, он еще не был уверен, что не спит и не видит сон, где кошмар в тигриной шкуре призывал его бежать от рычащих созданий, рвущихся на поводке. Бойсу не понравилась мысль о бегстве. Он не...

Последний раз крикнув, Охотник отпустил поводок. За каменным выступом Бойс увидел гладкие тела, бросившиеся на него, пять, шесть, семь зверей с прилизанной шкурой, размером с мастиффа и гибкие, как змеи. Одно из них подняло почти человеческое лицо, чтобы зарычать на Бойса.

Это было красивое, безумное лицо, полутигриное, полукошачье — странное получеловеческое выражение лица, как у животных со средневековых гобеленов. Но зверь не был ни кошкой, ни собакой. Бойс раньше никогда такого не видел. Подобные морды могли быть у зверей Цирцеи.

Он развернулся и побежал.

Тропинка была узкой. Туман окутывал его, пока Бойс неслился вниз, не будучи уверенным, что следующий шаг не перенесет его над какой-нибудь невидимой бездной. Сзади доносился бешеный смех Охотника, рассекающий туман, скалы отражали его и, казалось, вся долина смеется вместе с ним. Звери низко, гулко рычали, но больше ничего не было слышно. Возможно, они остались далеко позади, а, может, уже наступали Бойсу на пятки. Он не смел обернуться.

Крутая тропинка извивалась вокруг скалы и медленно опускалась в долину. Спотыкаясь, задыхаясь и не веря в происходящее, Бойс продолжал бежать.

Когда спуск заканчивался, и сквозь летящий туман стало видно подножие скал, Бойс на секунду остановился, чтобы сориентироваться. Сзади не доносилось ни звука. Стих даже смех Охотника, а туман больше не сотрясало рычание.

Бойс остановился на песчаной равнине среди скопления низкорослых кустов. Далекое и слабое разноцветное свечение подса-

звало, в какой стороне находился город, но Бойс совсем не был уверен, что осмелится добраться до него. Ему нужно было время подумать и порыться в таинственно закрывшейся памяти, чтобы найти сведения, в которых он так нуждался.

Куда Бойс попал... в какую невероятную страну? Что ему тут было нужно? Зачем он прошел через хрустальное окно, следуя непреодолимому желанию... чего-то. Желанию пойти... за ней... чтобы быть с ней? Эта безымянная, безликая женщина, носящая железную корону, память о которой была словно цепь, тянувшая Бойса за ней, куда бы она ни отправилась.

Откуда Бойс знал ее? Кем она приходилась ему? Почему его всякий раз бросало в дрожь, когда он позволял воспоминаниям о ней всплыть у него в голове? У него не было ответов, как на эти вопросы, так и на все остальные. Он только знал, что потерялся в тумане на неведомой земле, и не смел даже думать о том, чтобы добраться до города, являющимся единственным знакомым ориентиром.

Город Колдунов. Название само пришло в голову Бойса. Это был злой город, полный странного колдовства и еще более странных мужчин и женщин. Он ощутил внезапное желание взглянуть на него и бросился через туман на возвышение, видневшееся невдалеке.

С пригорка город было видно отчетливее, бесшумные серо-голубые облака то открывали его, то закрывали. Огромные стены загадочно возвышались, окружая скопления освещенных башен с хрустальными крышами и матерчатыми навесами, светившимися от горящих внутри ламп, как фонари.

Из тумана донесся тихий звук. Бойс повернулся. Вдалеке, по тропинке, извивающейся по затянутой облаками равнине, к городу тянулась какая-то процессия. Длинную, дрожащую колонну окутывала странная темнота. Через нее пробивался свет тусклых фонарей, а звон колокольчиков периодически стихал, пока процессия пробивалась через туман. Бойс оказался достаточно близко, чтобы немного разглядеть тех, кто шел в колонне...

Он не помнил, что случилось потом. Только понял, что сидит на песке, закрыв руками лицо, пока медленно стихают волны тошноты. Бойс дрожал всем телом.

Потом он вспомнил, что уже видел этих... существ... раньше. Где-то в ее компании. Но что касается того, как они выглядели и кем являлись... тут его память оказалась бессильна. Бойс подумал, что никогда этого не узнает. Эти существа были слишком чуждыми всему, что считалось человеческим. Он только знал, что они ходили на двух ногах, как люди, но, тем не менее, они не являлись людьми,

и Бойса охватывало такое отвращение при одной мысли о них, что его разум отключался...

КОГДА ОН услышал в тумане смех Охотника, то почти обрадовался. Он неуверенно поднялся на ноги. Темная процессия, вместе с огоньками и колокольчиками, исчезла в городе, и туман снова опустел. Охотник засмеялся вновь, уже ближе, и при последних звуках его смеха раздался первый крик, услышанный Бойсом от своры Охотника – пронзительный вопль, от которого волосы на затылке у Бойса встали дыбом.

Он побежал.

На этот раз охота была настоящей. Он дважды слышал, как свора сопит прямо у него за спиной, а их тонкий, пронзительный вой не стихал надолго. Бойс неся, сломя голову, казалось, бесконечно долго, а под ногами мелькал самый обычный песок. Бойс лишь знал, что ему нельзя приближаться к городу и к тем, кто в него вошел.

Постепенно до Бойса начало доходить, что Охотник просто гонит его, поскольку свора давала ему время перевести дух. Периодически в тумане раздавался крик Охотника, вой зверей стихал, и Бойс падал на влажный песок, а затем поднимался и, хромя от усталости, брел дальше.

Если они бы хотели настичь его, то смогли бы сделать это уже раз десять за то время, что длилась охота. Его гнали в каком-то определенном направлении по какой-то непостижимой причине, известной одному Охотнику.

Теперь земля под ногами начала подниматься к подножиям скал, и Бойс понял, что скоро снова попадет в горы. Свора нагоняла. Задышавшись, он забирался по крутому склону, слыша голос Охотника и ужасный вой зверей, гулко расходящийся эхом в тумане.

Затем Бойс внезапно оказался у крутого обрыва. Он остановился и отчаянно посмотрел по сторонам. Если Охотник специально загнал его сюда, то, возможно, лишь для того, чтобы легче было убить. Поскольку Бойс не мог ни бежать дальше, ни вернуться назад.

В тумане появился новый звук. Глухой, ритмичный стук, странным образом знакомый. Бойс всмотрелся в ту сторону, откуда шел этот звук, и попытался успокоить свое шумное дыхание. Но туман скрывал источник стука и искажал его.

Пронзительный вой, от которого стыла кровь в жилах, раздался так близко, что Бойс невольно развернулся. Из серой массы тумана появилась приземистая гибкая фигура и подняла оскалившуюся

морду, пристально глядя на Бойса. Кошмарные существа бесшумно выходили вперед один за другим.

Стук стал громче. Внезапно Охотник громко закричал. Красивые, рычащие создания замешкались. Охотник крикнул еще раз, и свора разом исчезла. Туман сомкнулся вокруг них, и они пропали, как кошмарный сон после пробуждения.

Снова раздался смех Охотника, вызывающий, с оттенком нечеловеческого рыканья. Затем стих и он.

Остался лишь ритмичный, полуметаллический стук. Бойс повернулся.

Из тумана, откатившегося назад, точно занавес, выступил огромный черный конь. На нем сидел человек – глаза Бойса округлились – человек, выехавший прямо из древних времен. На его огромном теле складками висела кольчуга, поблескивающая от влаги. Суровое лицо прикрывал конический шлем с металлической решеткой, а бледно-голубые глаза, не моргая, пристально смотрели на Бойса. Рыцарь выхватил с пояса меч.

Еще один враг, подумал Бойс. Он оглянулся назад, но там не осталось и следа от Охотника и его своры.

ГЛАВА III. Землетрясение

ВСАДНИК ЧТО-ТО сказал. Бойс с изумлением осознал, что понимает язык. С трудом понимает, это был старофранцузский, язык, на котором французы разговаривали шестьсот лет назад. Слова и интонации были архаичными, искаженными... но понятными.

– Я друг, – медленно, осторожно сказал Бойс. – Я пришел с миром.

Но его напряженные мышцы не расслабились. Если рыцарь бросится на него, то, возможно, Бойс сможет увернуться и каким-то образом выбить его из седла.

– Если ты бежишь от Охотника, значит, ты не друг городским псам, – ответил рыцарь, а его суровые губы чуть-чуть расслабились. – Можешь, по крайней мере, пойти со мной. Где твой дом?

Бойс заколебался. О чем скажут названия современных мест этому древнему человеку?

– Я из другой страны, – наугад ответил он. – Думаю, далеко отсюда.

– За горами? – Голубые глаза округлились. – Или... не из страны ли голубого неба и яркого солнца? Не с земли под названием... Нормандия?

Бойс все еще колебался. Рыцарь подался вперед в седле.

— Судя по твоей одежде, ты не из этого проклятого мира. Но ты говоришь на нашем языке. Во имя Креста, отвечай, незнакомец! Ты знаешь Париж и Рим? А Византию? Отвечай! Из какого мира ты пришел?

— Да, я знаю Париж с Римом, — продолжая удивляться, сказал Бойс. — Но я не понимаю...

Рыцарь хлопнул рукой в металлической перчатке по ноге.

— О, именем всех богов! Даже если бы ты был илотом Охотника или слугой Сатаны, я бы взял тебя с собой в Керак! Забирайся на лошадь — быстрее! Свора может вернуться, или случится что-нибудь еще. Мы патрулируем эти топи. Забирайся, говорю тебе!

Бойса схватила защищенная броней рука. Рыцарь затащил американца на лошадь и посадил позади себя. Огромный конь был прекрасно обучен и стоял неподвижно, пока человек в кольчуге не приказал ему идти. Животное поскакало легким галопом, привычно пробиваясь через туман.

— Я Годфри Морель — еще меня зовут Длинноногий

"Look up, stranger," Godfrey said. "This is Kerak of the Crusaders!" (CHAP. 111)

Годфри, — раздался грубый, твердый голос. — На моей памяти из-за перевала не приходил ни один человек. Мы были последними. Великие небеса, как же моя душа болит и жаждет дыхания свежего нормандского ветра! Даже адски-жаркий сирокко стал бы настоящим благословением, вместо вони этого жилища Сатаны! Может, ты шпион или предатель, — мы это узнаем позже. Но сначала расскажи мне, что творится в мире — удерживаем ли мы Антиохию, и до сих пор ли Красный Лев ведет турков-сельджуков в бой против наших армий.

Уже собираясь ответить, Бойс открыл было рот, но тут рыцарь ткнул его локтем в бок.

— Пока помолчи, — тихо сказал Годфри Морель. — Керак в осаде. Он всегда в осаде, но в последнее время стало куда жарче. Мы должны соблюдать осторожность. И тишину.

Боевой конь продолжал рассекал сгущающийся туман. У Бойса пересохло в горле. Византия? Антиохия? На Земле прошло более шестисот лет с тех пор, как знамена крестоносцев развевались над крепостями Антиохии!

Бойс глубоко вздохнул. Это было не более странно или фантастично, чем фантастический вопрос, бурливший у него в голове. Этот мир не был Землей — теперь он знал это наверняка. Хрустальные ворота, которые он разбил, привели его... куда? Да в *ее* мир!

Но зачем и что здесь происходит? Бойс знал, что это неважно. Достаточно того, что она была тут — девушка, которую он не мог ни забыть, ни вспомнить, чей образ стал шрамом в его памяти. Но что касается остального, то вопросы должны были оставаться без ответов еще какое-то время.

Броня Годфри Мореля скрипела и звенела. Величественный галlop огромного боевого коня под ними качал в едином ритме их, Бойса и человека, спрашивающего про Антиохию и судьбу сражений, проигранных или выигранных шесть веков назад. Пока он не должен думать о загадке Длинноногого Годфри. Его голова и так кружилась от безответных вопросов.

Туман перед ними рассеялся, и Бойс увидел высоко на скале башни и бастионы огромного серого замка, который он заметил еще с другой стороны долины. На главной башне развевалось алое знамя. Бойс недолго подивился тому, что все-таки оказался рядом с замком. Неужели таково было намерение Охотника? И если да, то зачем ему это?

Бойс увидел, как перед ним выпрямилась могучая спина Годфри. Он услышал, как крестоносец затаил дыхание. Затем гортанный рев заставил окружающий туман задрожать.

— Взгляни... взгляни, преисподняя открывается снова! — закричал Годфри.

Конь под ними пошатнулся. Нет — не сам конь, а сама земля. Бойс увидел, как длинный участок песчаной почвы быстро поднялся, будто вся равнина вздохнула. Между ними и горами с замком на вершине, земля на секунду освободилась от тумана, и стало видно, что все пространство страшно колыхалось. Это было нечто большее, чем землетрясение — нечто, имеющее какую-то недобрую цель.

А ЗАТЕМ ЗЕМЛЯ раскололась. К основанию скал, служащих основанием замка, точно гигантские змеи, поползли длинные, неровные трещины.

— Керак! — заревел Годфри Морель и огромной рукой махнул в сторону замка, будто его крик мог спасти гарнизон от страшной угрозы.

Затем он пригнулся в седле и пришпорил верховое животное. Боевой конь собрался с силами на качающейся земле, пошатнулся, затем прыгнул вперед длинным скачком.

Бойс ухватился за пояс крестоносца и закашлялся от пыли, поднятой копытами. Казалось, теперь затрясся весь мир, их бросало из стороны в сторону, как корабль в сильную бурю.

Трещины расползались по всей равнине, сходясь на горах, подобно змеям, направляющимся в одну точку, будто земля собиралась поглотить Керак целиком. Открылись и начали быстро удлиняться огромные расщелины. Равнина у подножия скал, на которых возвышался Керак, стала походить на тающую весной ледовую корку.

— *Колдуны!* — взвыл Годфри.

Он поднялся на стременах и завопил древний боевой клич, слепомчась на коне по содрогающейся равнине. Бойс отчаянно вцепился в крестоносца, не смея ослабить хватку.

Он увидел, как равнина перед ними внезапно разверзлась. Взглянул в темную пропасть, куда сыпалась земля, и почувствовал, как жеребец задрожал вместе с равниной. Мощные мышцы под ними напряглись, затем их сила высвободилась, и конь с двойной ношей перемахнул через расширяющуюся трещину.

— *Dieu lo vult!* — внезапно вырвалось у Годфри, когда они снова оказались на трясущейся земле.

Это был боевой клич крестоносцев, как знал Бойс, но что-то в голосе рыцаря подсказало ему, что в этот раз клич значит нечто

больше — облегчение, молитвенную благодарность — «Да будет Божья воля!»

Бойс поднял голову. Дрожащий свет на вершинах Керака расширялся, как гало вокруг самой высокой башни. Он продолжал мерцать и увеличиваться, точно кольца на воде, расходящиеся от падающих камней. Кольцо за кольцом расширялось и медленно опускалось, пока весь замок не был объят падающими кругами огня...

Они не остановились у основания замка. Они падали дальше, окольцовывая скалы. Круги опускались все ниже и ниже, медленно, беззвучно и постепенно расширяясь, пока самая высокая башня продолжала их рождать.

Где первые из них коснулись равнины, земля там перестала содрогаться... и как раз вовремя. Поскольку к тому моменту уже сам Керак начал понемногу раскачиваться, как громадный галеон, попавший в бурю. От страдающих скал донесся вибрирующий стон трущихся друг о друга камней. Еще чуть-чуть, и Керак бы растрескался, как и равнина.

Но прикосновение огненных колец было подобно попаданию масла на бушующую воду. Земля успокоилась, стон скал стих. Керак продолжал крепко стоять на огромных серых скалах. И, пока ниспадающие кольца огня медленно опускались, расширяясь, приближаясь к наблюдателям, трещины на равнине начали закрываться.

Всюду, где движущиеся кольца касались расщелин, земля исцелялась. Огромные разрывы срастались, точно закрывающиеся пасти. Бойс подумал о ртах гигантов, молчащих, но не умиротворенных этой беззвучной магией. При взгляде на оседающую равнину возникало какое-то ощущение угрюмости. Кольца равномерно расходились вокруг скал, заживляя и успокаивая равнину, но земля не была довольна.

Она безмолвно поддалась, но не покорилась. Бойс каким-то образом почувствовал это по наступившей тишине. Огромные земляные пасти закрылись, но только под угрозой. Они решили подождать лучшего момента.

Годфри остановил запыхавшегося коня. Он подождали, пока первая волна огня не накрыла их мягким свечением и поползла дальше. Затем крестonosец тряхнул разукрашенными поводьями, и конь размеренно зашагал вперед, проходя через одну волну бесшумного огня за другой.

Годфри довольно засмеялся глубоким, грудным смехом.

— Старый маг еще не растерял свою мудрость. Керак в безопасности в руках Танкреда. Но когда-нибудь настанет день... — Он

оглянулся через плечо. — Может быть, ты шпион Охотника... или еще хуже, — прибавил он. — А, может, ты честный человек. Я гадать не буду. Есть только пара мест, откуда может прийти человек... не считая Города. Если ты шпион, то по возвращении скажи колдунам, что Танкред по-прежнему не слабее их.

— Я не шпион, — неуверенно сказал Бойс, неловко подбирая слова странного, но, тем не менее, знакомого языка. — Ты видел, как Охотник преследовал меня...

— Никто не знает, что движет Охотником, — заметил Годфри. — Ну, вот и башни Керака. Подними голову, незнакомец. Услади глаза, если ты пришел шпионить. Перед тобой Керак — крепость крестоносцев!

Могучие бастионы огромными гранитными блоками возвышались на недостижимую высоту. При взгляде на сходящиеся вершины кружилась голова. И зная словно пыталось сорваться с древка, борясь за свою свободу, когда ветер заставлял алую ткань трепыхаться. Она развевалась над огромными зубцами башни, как знамя огня, воем отвечая ветру на своем языке.

— Теперь ты должен встретиться с Оракулом, — сказал Годфри. — Она решит, жить тебе или умереть. Но даже если она вынесет смертный приговор, незнакомец, ты расскажешь мне, что случилось с моим старым домом, прежде чем умрешь от Копья. Это я пообещал себе.

Железные ворота Керака заскрипели на железных петлях, и конь Годфри прошел через кольца падающего огня. Итак, Бойс впервые попал в Керак, где жили последние крестоносцы.

Глава IV. Оракул

В ОТКРЫТЫХ дворах Керака висела дымка.

Слуги в старинной одежде подбежали к всадникам, чтобы помочь им слезть с коня, Бойс и Годфри прошли по невидимой в тумане дорожке, мощеной каменными плитами, с трудом разглядели дверь, открыли ее и попали в какое-то здание. Холодный запах камня и аромат каминов окружал их, пока они шли по коридору в большой зал, такой высокий, что под далеким потолком виднелись миниатюрные облачка.

Это помещение было из другого века. Бойс много раз видел изображения подобных залов, но уж точно никогда не предполагал, что окажется в одном из них и будет смотреть в его дальний конец, где стояло возвышение с ярким огнем, ревушим в камине, и люди в одежде шестисотлетней давности отдыхали перед ним.

Бойс проследовал за Годфри по покрытому тростником полу к возвышению. Там были женщины в бархате и с украшениями на поясе. Внезапно у него перехватило дыхание. Кроме очертаний ее тела на фоне хрустального окна и моментного взгляда на ее лицо, когда она оглянулась через плечо, Бойс ничего о ней не знал. Но если она сидит на возвышении, он узнает ее. И, возможно, она тут и сидит. Возможно...

– Ну, вот и Годфри! – внезапно прогремел чей-то голос. – Кого ты привел нам с болот на этот раз?

Бойс вздрогнул и остановился посреди тростника, уставившись на того, кто это сказал. Он узнал голос. Он был знаком ему не хуже своего. Он где-то совсем недавно слышал этот голос, – без самодовольства, с которым он говорил сейчас, но с теми же интонациями, тем же тембром и темпом речи, – тот же самый голос.

Годфри взял Бойса за руку, они поднялись на возвышение и остановились перед тем, кто обратился к Годфри. Бойс глянул вперед.

– Думаю, незнакомца с нашей страны, сир Гиллеам, – ответил Годфри. – Незнакомца, заблудившегося тут... или шпиона. Я нашел его на болотах, он убежал от своры Охотника.

Человек сидел, развалившись, на почетном кресле с высокой спинкой у камина, и свирепо взглянул на Бойса из-под густых бровей. Это был крупный человек с огромной силой, чувствовавшейся в каждом движении тела, скрытого под длинной бархатной мантией. Его загорелое лицо покрывали шрамы от старых ударов мечом, но голубые глаза были очень яркими, а рот под свисающими желтыми усами изогнулся с высокомерием, рожденным командованием в течение всей жизни.

И это лицо Бойс где-то уже видел – совсем недавно. Пугающе знакомое лицо. Оно никак не было связано с забытыми воспоминаниями. Он *знал* это лицо.

– Как тебя зовут, незнакомец? – повелительно спросил сир Гиллеам.

Бойс осознал, что внезапно покраснел. Ему не понравился этот человек. И это была не просто поверхностная неприязнь, а самая настоящая вражда. Он увидел это на лице крестоносца и ощутил сам.

– Меня зовут Уильям Бойс, – коротко ответил он.

Чернобровая женщина в зеленой одежде, сидевшая рядом с сиром Гиллеамом, подалась вперед. Она смотрела то на лицо рыцаря, то на лицо Бойса.

— Секунду, сир Гиллеам, — тихо сказала она. — Не могу понять — мне только кажется, мессирь, или между ними действительно есть какое-то сходство?

Остальные zaseвелились в своих креслах и тоже начали переводить взгляд с одного лица на другое. Но Бойс все понял, еще пока женщина говорила. Он понял, — и это стало вспышкой, чуть не лишившей его чувств, — почему голос и лицо сира Гиллеама были такими знакомыми. Это было невозможно... и могло случиться только в кошмарном сне, в котором и находился Бойс.

Сир Гиллеам был им самим, только чуть старше и гораздо выше. Но голос и лицо были его собственными!

Гиллеам продолжал пристально смотреть на Бойса. Потом он встал и свирепо взглянул ему в глаза. Оказалось, что и рост у них одинаковый. Голубые глаза, нахмурились, глядели в голубые глаза. Одинаковые губы сердито сжались.

— Даже ваши имена, сир Гиллеам! — воскликнула женщина в зеленом. — Его зовут так же, как и вас, только по-английски, Уильям дю Бойс...

— Точно, я Гиллеам дю Бойс, — проворчал рыцарь, все еще пристально смотря в глаза незнакомца. — Но если тут есть сходство, то я его не признаю!

Молодой паж, стоящий на коленях на краю возвышения, полировал большой нормандский щит. Годфри наклонился и взял его.

— Взгляните, сир Гиллеам, — сказал он.

Тот долго смотрел на свое отражение в стальном щите. Он перевел взгляд на Бойса, затем обратно, лицо его залилось яростью и чем-то похожим на ужас.

Внезапно он ударил по щиту. Раздался гулкий звон.

— Колдовство! — заревел Гиллеам от гнева, заглушив грохот. — Именем Копья, этот человек колдун! Схватить его!

ГОДФРИ СХВАТИЛ Бойса за руку своей большой ладонью. Сам Бойс, слишком ошеломленный, чтобы думать ясно, с бешеной яростью вырвался из хватки. От гнева он позабыл старо-французский язык и смог завопить только на английском.

— Отпустите меня, глупцы! Я не колдун! Я... — Голос Бойса утонул в криках, поднявшихся на возвышении, когда остальные бросились к нему, чтобы схватить. Две женщины завопили, и борзые, отдыхающие у камина, вскочили с пола с возбужденным лаем. На секунду на возвышении воцарился хаос.

— Отпустите его, мессирь! — донесся сквозь шум громкий властный голос. — Отпустите его, я вам говорю.

Суматоха нехотя стихла. Бойс, подняв глаза вместе с остальными, увидел высокого человека в черной мантии, стоящего в дверном проходе рядом с возвышением. Даже несмотря на то, что ему не представили этого человека, он сразу понял, кто это — маг Танкред.

На темной мантии колдуна были таинственные символы, а на его голове покоился тюрбан, как у восточного принца, но лицо выглядело совсем не так, как ожидал Бойс. Борода Танкреда была белой и длинной, но брови — черными и сходились над переносицей в вечном повелительном, хмуром взгляде. В ушах он носил изумруды, а на пальцах сверкали другие драгоценные камни. Он походил на того, кто был способен командовать людьми, даже не прибегая к силам, которыми наделила его магия.

— Неужели в Кераке никогда не бывает мира? — настойчиво спросил он низким голосом. — Даже когда замок все еще качается на скалах после атаки колдунов, вы деретесь на возвышении.

— Колдовство не только снаружи этих стен, Танкред, — громко ответил сир Гиллеам. — Взгляни на этого человека, потом на меня и скажи, разве это не еще один шпион, посланный Городом...

Танкред засмеялся и медленно поднялся на возвышение.

— Может, он и шпион, Гиллеам. Но людей делает похожими друг на друга не только колдовство. Ты уверен, Гиллеам, что по земле не ходят твои родственники?

Гиллеама это не успокоило.

— Я знаю магию, когда вижу ее. А в такие совпадения я не верю.

Танкред остановился перед Бойсом и задумчиво подергал себя за белую бороду. Черные глаза принялись сверлить лицо Бойса.

— Возможно, ты прав, — кивнул маг. — Но драка не даст нам ответы. Есть другие способы распознать городских шпионов.

Он оглядел возвышение, его глаза прошли мимо Бойса и остановились на чем-то. Бойс повернулся.

У каминной полки сидел молодой человек в меховой накидке. В помещении было не холодно, и Бойс увидел, что на лбу юнца выступил пот, то и дело, он содрогался, а трясущиеся руки прижимали воротник к шее.

— Это молодой Хью, — строгим голосом сказал Танкред. — Большинство из вас знает историю Хью де Мандо. На прошлой неделе он ушел на разведку, и Городские схватили его. Он прожил в Городе целую неделю. — В слове «город» послышалась ненависть. — И вернулся Хью в таком же состоянии, как и все остальные — те, кто возвращается из Города. Он сошел с ума, после всего, что увидел.

Танкред прошел по возвышению и нагнулся над юношей, дрожащим под накидкой.

— Хью... Эй, Хью! — Юноша поднял голову. — Хью, у нас к тебе вопрос. Посмотри на человека, стоящего рядом с сиром Гиллеамом.

Бойс встретился с парой безумных голубых глаз и увидел в них мрак. На секунду он узнал этот взгляд. Он много раз видел его в зеркале в собственных глазах, когда тщетно пытался восстановить воспоминания потерянного года. Та же самая полубессознательная пустота, а за ней темнота.

Неужели он тоже побывал в Городе и видел то, что сводит людей с ума?

— Скажи нам, парень, — продолжал голос Танкреда. — Ты уже видел этого человека? Люди в такой одежде посещают Город? Этот человек шпион, Хью?

Хью из Мандо поднял осунувшееся лицо, чтобы посмотреть на Бойса, и на секунду Бойс был уверен, что тот узнает его. Был уверен, что в течение потерянного года он, действительно, ходил по улицам Города и встречал на них молодого Хью.

За последние пару часов с Бойсом случилось слишком много странного, чтобы чувствовать себя уверенным хоть в чем-то. То, что он, как лицом, так и именем, был похож на Гиллеама, стало последней каплей. Теперь Бойс ощущал себя готовым верить или не верить во все, что Танкред расскажет ему о себе, если это хоть как-то объяснит происходящее вокруг.

Хью де Мандо на секунду позволил своим темным, полубезумным глазам остановиться на Бойсе. Затем он снова опустил их, плотнее завернулся в накидку и тупо покачал головой.

— Не знаю, — сказал он тонким голосом. — Не знаю.

Хью охватила дрожь, и он повернулся к камину.

Танкред пожал большими плечами под черной мантией.

— Как бы я хотел, чтобы Хью мог все вспомнить, — сказал он почти что про себя. — Жаль, что ты не можешь его пробудить. Ну...

— Он оценивающе посмотрел на Бойса. — он, разумеется, должен идти к Оракулу. Он...

— Подождите минутку, — перебил его Бойс.

РАЗДАЛСЯ ВСТРЕВОЖЕННЫЙ шепот. Люди на возвышении повернули головы, сердито и с подозрением уставившись на Бойса, Гиллеам был ближе всех, и в глазах у него сверкала свирепая ненависть, инстинктивно ощущаемая обоими людьми с одинаковым именем и одинаковыми лицами.

— Я не шпион, — с трудом подбирая слова на старофранцузском, сказал Бойс. — Охотник должен был вам это доказать, — он пытался убить меня. Но я пришел сюда не по своему желанию. И я не...

Танкред засмеялся.

— Докажи свои слова тем, как дует ветер, — сказал он, — но не тем, что делает Охотник. Его поведение более непредсказуемо, чем поведение облаков. Тем не менее, если он охотился за тобой и не убил, будь уверен, у него на это были причины.

— Кто такой этот Охотник?

Лицо Танкреда потемнело. Он нахмурил темные брови над черными глазами.

— Возможно, ты знаешь это лучше нас.

— Ладно, — ответил Бойс с внезапным гневом. — Тогда ведите меня к Оракулу. Давайте покончим с этим, чем бы оно ни было, и потом я задам кое-какие вопросы, на которые требую ответа.

— Хорошо сказано, незнакомец. — Танкред снова улыбнулся. — Идем.

Маг развернулся, его таинственная черная мантия описала дугу, и он жестом велел идти за ним.

Бойс подчинился с некоторым сомнением. Но Гиллеам, по-волчьи ухмыльнувшись из-под свисающих усов, пошел бок-о-бок с Танкредом, а Длинноногий Годфри зашагал с другой стороны.

— Теперь мы узнаем о тебе всю правду, шпион, — сказал Гиллеам. — Марш!

За дверью, через которую первым прошел Танкред, была узкая лестница, уходящая в толстые стены. Оглянувшись, Бойс увидел, что за ними идут все, кто отдыхал на возвышении. Женщины изящно ступали по ступенькам, держа длинные юбки руками с браслетами и кольцами. Следом, перешептываясь и теснясь, шли мужчины. От стен эхом отражались их голоса и звуки шагов.

Они поднимались довольно долго. Бойс начал подозревать, что они, наверное, идут на самый верх главной башни, возвышающейся над всем Кераком. Через узкие щели окон он видел небольшие участки туманной равнины, раскинувшейся внизу, и последние кольца магического огня, расходящиеся от подножия скал, как угасающая радуга в тумане. На другой стороне долины виднелся Город — пятно разноцветных огней, появляющееся и исчезающее по мере того, как над ним проплывали зеленовато-голубые облака. Свет совсем не изменился с того момента, как Бойс тут очутился. Его заинтересовало, есть ли в этой загадочной, невероятной земле день и ночь, или над туманом и горами царят одни и те же не яркие и не темные сумерки.

Перед процессией открылся сводчатый коридор. Бойс, шагая между двумя стражами, преодолел последние ступеньки и последовал за широкой спиной Танкреда. К этому моменту толпа пере-

стала шептаться. Стихли даже звуки шагов. Все шли практически на цыпочках, и Бойс слышал частое дыхание Годфри, идущего рядом ним. Кем бы ни являлся Оракул, обитатели замка явно боялись его.

В конце коридора был занавешенный дверной проход. Фиолетовые бархатные портьеры, расшитые серебряной паутиной, скрывали, что ждало в следующем помещении. Танкред взялся за тяжелые складки. Затем повернулся и стал обыскивать толпу глазами. Снова послышался шепот, кто-то резко затаил дыхание.

— Выйди вперед, незнакомец, — грубым басом велел Танкред. — Выйди вперед и предстань перед Оракулом!

ГЛАВА V. *Шпион из Города.*

БАРХАТНЫЕ портьеры сомкнулись. На мгновение Бойса охватило удивление и невольный ужас, когда он понял, что Гиллеам и Годфри отпустили его и быстро отошли назад так, что он остался один, глядя на Танкреда и на дверь. Потом Бойс увидел, куда ведет эта дверь, и все остальные мысли покинули его.

Он не знал, чего ожидал. Но точно не этого — ни этой каменной комнатки за портьерами, ни то, что находилось в ней. Тонкой паутины огня...

Именно она первой привлекла его внимание. Огненные нити были вплетены в полый каркас причудливого вида, изменяющийся прямо на глазах. Живой каркас — живая клетка.

И в клетке ожившего огня находилась... женщина. Нет, мраморная статуя. Нет — все-таки женщина. Из воска, мрамора или плоти — Бойс не мог понять. Она была неживой. Так он решил, взглянув на нее на долю секунды. Клетка была живая и огненная, но женщина внутри не излучала ни жизнь, ни тепло.

Она стояла, как статуя, так же неподвижно, и смотрела на толпу, сомкнув руки перед собой. Ее длинная мантия была не блее лица, а волосы ниспадали бледным мраморным каскадом, даже не изгибающимися на плечах.

Лицо обладало чистотой линий, что казалось, совершенно лишало его всяческой человечности. Ни одно лицо смертного не имело подобной безупречности линий. Глаза женщины были закрыты. Как и губы, сомкнувшиеся прекрасной линией, выглядевшей так, словно никогда и не разделялась. Бойс подумал, что не видел еще столь холодной статуи, статуи, совершенно лишенной жизни.

Долгое мгновение стояла полная тишина. Находясь так близко, Бойс едва смог расслышать мелодичное, тонкое жужжание, доносившееся из клетки, словно пели сами огненные прутья. Но толпа, затаив дыхание, молчала, а женщина – статуя – в принципе не могла издать ни единого звука.

– О чем вы просите меня?

Бойсу пришлось взглянуть дважды, чтобы убедиться, что голос выходит из мраморных губ. Они почти не шевелились. Веки не двигались совсем. Но не было никакого сомнения в том, что никакие другие губы в мире не могли заговорить таким холодным голосом. Бесконечно спокойным и бесстрастным. При звуке этого ледяного голоса Бойса охватила дрожь.

Голос Танкреда стал мягким и странно нежным.

– У меня есть причина считать, что среди нас шпион, – ответил он. – Мы привели его к тебе, чтобы ты решила, можно ли ему верить.

Когда Танкред замолчал, наступила полная тишина и неподвижность. Мраморная девушка с закрытыми глазами и сомкнутыми в замок руками не шевелилась и даже не дышала. Все ждали хоть какого-нибудь звука. Даже Бойс затаил дыхание, несмотря на доводы разума, частично поверив, что эта восковая статуя может ответить на вопрос – если захочет.

Ожидание продолжалось. Оракул неподвижно стояла, бледная и словно мертвая – нет, не так, потому что то, что никогда не жило, не может и умереть, а было невозможно поверить, что эти мраморные ноздри когда-либо шевелились при дыхании, или кровь пульсировала под мраморной кожей.

Затем, с едва заметным движением, восковые губы разделились.

– Да, человек лжет.

Бойс услышал за собой триумфальный рев Гиллеама, который, правда, тут же стих. По толпе прошла волна недовольства, послышался шорох ног и скрежет стали выхватываемых из ножен мечей.

– Подождите, – холодно сказала Оракул. – Подождите.

Все затихли.

– Один из вас – посланник Города, – произнес в тишине ледяной голос. – Он пришел, чтобы убить. Он выжидает время, чтобы убить.

Гнев, охвативший толпу, вспыхнул снова, и яростный шум заглушил тонкий, ледяной голос. Бойс широко расставил ноги и страстно пожелал, чтобы у него в руках оказалось хоть какое-нибудь оружие.

– Это неправда! – отчаянно прокричал он. – Я не шпион! Я не собираюсь никого...

Рев толпы заглушил его голос, и на секунду сокрушающего самосомнения он понял, что и сам не знает, какой может оказаться правда. Но сейчас на это не было времени. Гиллеам с торжествующей, яростной ухмылкой подняв обе огромные руки, уже был в пяти шагах и быстро приближался, а толпа за ним сверкала свирепыми глазами и разинутыми в криках ртами.

— Подождите! — Чистый голос, словно ледяной хлыст, разрезал шум в зале.

Лицо мраморной девушки не изменилось. Губы разделились не больше, чем прежде, глаза все еще были закрыты. Но голос стал громким, словно крик, хотя и оставался холодным шепотом.

Бойс увидел, как толпа перевела взгляд с него на белую фигуру в огненной клетке. Люди остановились, покрасневшие и рассерженные, но все-таки остановились.

— Я еще не назвала имя шпиона, — напомнил холодный голос.

В ответ послышался изумленный шепот.

— Он стоит среди вас, и вы его давно знаете, — сказала Оракул. — Он не незнакомец. Это не тот, кто сейчас находится передо мной. — Она снова замолчала, но затем добавила с таким нажимом, что Бойс почувствовал, как его обжег холод. — *Мне назвать твое имя, шпион?*

То, что случилось дальше, поразило их всех. Бойс увидел это лучше остальных, поскольку стоял лицом к толпе. Другим пришлось повернуться и потесниться, когда из дальнего конца коридора донеслись первые дикие звуки.

Звуки смеха.

У ЛЕСТНИЦЫ стояла фигура в накидке, трясущаяся от внезапной, отчаянной радости, а потом подняла на толпу бледные, дикие глаза. Это был Хью де Мандо, полусумасшедший, сбежавший из ужаса Города.

В первые секунды Бойсу показалось, что парня трясло в истерике или чем-то таком, возникшем от напряженности происходящего. Затем он увидел, как ссутулившееся тело распрямилось под тяжелой мантией — распрямилось и стало расти. Глаза Бойса отказались воспринимать высоту его фигуры. Секунду они не передавали никакой информации испуганному разуму. Он тупо уставился на то, что стояло в дверях.

Потому что Хью де Мандо стал намного выше даже самого высокого крестоносца. Накидка упала на пол. Одежда молодого Хью порвалась и развалилась, а на его месте оказалось существо, совершенно не похожее на человека.

Но что это было, Бойс не знал. Он видел его лучше остальных обитателей замка, но даже он не мог дать существу имени. Никто из них не видел его дольше, чем секунду. За этот короткий промежуток времени, оно возникло перед ними, ужасное, чудовищное, смеющееся создание, облаченное в то, что могло быть поблескивающей чешуйчатой броней, чем-то таким странным, что глаз мог описать это только подобными понятиями.

Смех существа трубил под сводчатым потолком, наполняя зал шумом. И затем оно прыгнуло...

После одни говорили, что оно сражалось мечом, а другие — что огнем вместо меча. Но перевязанные раны выглядели так, словно их нанесли огромными когтями. Кроме того, в зале пахло не только кровью, но и горелой плотью. Битва была ужасной, пока они не победили шпиона, которого им подослал Город.

Бойс сражался вместе с остальными. Казалось невероятным, что одно существо, хотя и очень большое, могло напасть на всех одновременно. Оно двигалось с быстротой молнии, а сила была невообразимой. Но, в конце концов, после отчаянной схватки, они смогли победить это странное существо.

Бойс запомнил только то, как холодные, гладкие конечности швыряют его на пол и падают следом, а затем пытаются раздавить мощными, бесцельными ударами. Он забыл, как дрался. Голые кулаки казались бесполезными против невероятного существа, но, тем не менее, Бойс запомнил ощущение того, как костяшки пальцев входили в чешуйчатое тело, как за этим следовали стоны и вонь палящего дыхания.

Бойс запомнил вызывающий онемение холод чего-то острого, проникающего в его тело, звук рвущейся кожи и теплый поток собственной крови, текущей по груди, он запомнил сильный удар в основание черепа, после чего погрузился в море кружащихся звезд и вскоре опустился на самое дно...

— И твое появление здесь не случайно, Уильям Бойс. — Танкред сидел на подоконнике и пронизательными черными глазами смотрел на Бойса из-под сросшихся бровей.

Бойс глядел в другую сторону. Его взгляд блуждал по комнате, по балдахину над постелью, на которой он лежал, по гобеленам на стенах, и теперь, после этого очень-очень долгого выздоровления это стало для него знакомым. Но он все еще был слаб. Ему не хотелось погружаться в тайны, которые привели его сюда.

Глубокий шрам на плече еще не зажил, но разум был травмирован сильнее. Возможно, виной этому был вид проплывающего за

окном тумана, неизменных серых облаков, вечно движущихся над утомленной землей.

Бойс видел и миражи. Туман за Танкредом принимал форму башен восточного города. Поначалу он подумал, что бредит, когда увидел, как эти видения появляются и исчезают. Но другие наблюдали ту же картину. И никто не мог с уверенностью сказать, были ли эти башни реальными.

— Никто не смеет уходить далеко от Керака, — однажды предупредил его Годфри. — Земля... меняется. Возможно, это колдовство создает в тумане образы. Возможно, это миражи, как и те, что мы видели в пустыне перед Иерусалимом. А возможно, — *Dieu lo vult* — все это настоящее. Города, движущиеся подобно облакам. Сады и огороды, проплывающие, как корабли в море тумана. Невозможно сказать наверняка — или, узнав самому, вернуться оттуда.

Бойс не размышлял о миражах. Танкред говорил, и ему приходилось слушать.

— Я сказал, что тебя, с лицом и именем Гиллеама, послали к нам не случайно, — подергав бороду пальцами с драгоценными камнями, повторил Танкред. — Ты рассказал странную историю, но я склоняюсь к тому, чтобы поверить в нее. Поверить, потому что я знаю много такого, что мои спутники сочтут ересью.

Маг заколебался, покрутил кольцо на пальце, затем бросил острый взгляд на Бойса, лежащего на подушках.

— Я даже могу предположить, — сказал он, — что скрывается в потерянном году, о котором ты говоришь. Но я не могу свободно поделиться своими подозрениями. Скажу только, что, думаю, ты был инструментом кого-то более сильного и менее добросовестного, чем я. Возможно, этой женщины, о которой ты говорил. Если ты был инструментом, то им и остался! Поскольку еще не исполнил своего предназначения, чем бы оно ни было. И, кажется, тебя выбрали из-за сходства с Гиллеамом. — Танкред прищурил черные глаза. — Как ты понимаешь, это значит, что за всем стоит Город. Кто-то выбрал тебя из всех людей твоего мира, кто-то использовал тебя там целый год, причем таким ужасным способом, что твой разум закрылся от этого. И, в конце концов, кто-то позволил проследовать за забытыми воспоминаниями в наш мир, где все еще идет вечная борьба между Кераком и городом Колдунов.

Танкред на некоторое время замолчал и задумчиво наморщил лоб, пока его большие пальцы с кольцами неосознанно, но равномерно теребили белую бороду.

ЧТО-ТО ВНУТРИ Бойса не хотело воспринимать эту мысль. Будто нечто чужое пробралось в центр его сознания и пыталось отгородиться от того, что говорил Танкред. Что-то чужое? Какой-то другой разум, стремящийся достать его через туман и заглушить рассудок, чтобы держать в неведении относительно того, что чужое существо не желало дать ему вспомнить?

— Скажите, — медленно спросил Бойс, будучи не совсем уверенным, что слова родились в его собственной голове, а не в разуме едва ощутимого чужака. — Как ваши люди попали сюда? Я... Годфри задает так много вопросов о странах, которые помнит, а мне сложно ответить на них. Понимаете...

— Знаю, — засмеялся Танкред. — Думаю, я один знаю все правду. Уже прошло очень много времени с тех пор, как Крестonosцы добрались до Иерусалима, ведь так? Ты мудро поступил, что не рассказал Годфри все, что знаешь. Сколько лет назад по времени нашего старого мира это было, Уильям Бойс?

Бойс взглянул в глаза старому магу.

— Шесть сотен лет.

На бородатом лице читались трепет и усталость. Танкред кивнул.

— Так давно? Да, это и в самом деле очень долгий срок. Я не совсем понимал, сколько веков мы провели на этой проклятой земле, где время стоит на месте. — На секунду он снова замолчал, затем пожал плечами и прибавил. — Ты должен знать всю историю, Уильям Бойс. Ты первый из нашего мира, кому удалось пробиться через туман к воротам Керака. Были и другие — всего пара человек — из иных времен и земель. Пойми, ты не единственный, кого Город пытался использовать против нас! Но, думаю, ты скоро все узнаешь об этом. Мы жили в Нормандии незадолго до Судного Дня. — Танкред засмеялся. — Возможно, ты знаешь, что, когда приближался тысячный год, мир верил, что конец близок, и Дьявол готов забрать нас в свои владения. Отец моего отца тогда был еще мальчишкой. Он много раз рассказывал мне эту историю. В те времена мы были легковверными и принимали близко к сердцу все, что говорили нам другие, если у них была власть. Ну, мы прожили Судный День и стали придерживаться наших собственных странных взглядов и до сих пор их придерживаемся, думаю, так будет всегда. Сир Гиллеам был нашим лордом и предводителем. Когда в Нормандии начал собираться Крестовый поход, мы приняли крест и отправились освобождать Иерусалим от неверных. Возможно, ты знаешь историю нашего похода. Мы шли очень, очень долго по странным чужим землям, где все было против нас. Мы много страдали. Многие погибли в надежде увидеть Иерусалим. Но мы так и не добрались до

него. Сбились с пути, как и многие другие, но в долине Хеврон мы встретили судьбу, думаю, более странную, чем ту, с которой доводилось встречаться любой другой группе людей. В долине стоял замок. Гиллеаму он понравился, и ему захотелось стать правителем этой крепости. В те дни мы так и ходили по восточным землям: захватывали, что могли, и удерживали, пока не появлялся кто-то сильнее. Итак, мы напали на замок. Я все еще помню его — черный от основания до зубчатых стен, с алым знаменем, развевающимся с главной башни. — Танкред кивнул. — Да, с тем же самым знаменем, которое хорошо видно и в наши дни. Ужасным знаменем, другом мой. Мы осадили черный замок. Много дней мы стояли лагерем у его стен, намереваясь взять крепость измором, если не силой. Мы не предполагали, кто тут обитает, и какими силами он обладает. Одной ночью к нам пришел из замка человек и предложил за деньги провести нас в крепость тайным путем. Мы согласились. На следующее утро мы вооружились, сели на лошадей и в утренних сумерках выдвинулись за предателем по холмам, туда, где по его словам находился секретный вход. Он вел нас на расстоянии, неся на древке алое знамя, чтобы мы могли видеть его. С нами поехало множество женщин. Все, кого ты тут видишь, — это тот проклятый караван. Следуя за красным флагом в тусклом свете, мы ехали и ехали по извилистой тропинке, уходящей в горы. В течение очень, очень долгого времени ничего не менялось, и нас стало удивлять, что солнце не поднимается выше. Мы начали подозревать, что тут замешана магия. Даже тогда я был умелым магом, хотя мне еще предстояло многому научиться. Вскоре я понял, что в воздухе витает зло, и убедил Гиллеама остановить караван. Мы послали вперед оруженосцев, чтобы узнать у того, кто несет флаг, куда мы идем и почему так долго. Через некоторое время оруженосцы вернулись с белыми лицами и алым знаменем. Там никого не было, сказали они. Флаг сам вел нас через сумерки, словно огромная алая птица. На этих холмах, в этом тумане, мы не нашли никаких людей, кроме нас самих. Ну, делать было нечего. Мы попытались вернуться, но заблудились. Больше нам было не суждено увидеть нашу землю и друзей, которых мы оставили внизу. Не суждено увидеть ни Иерусалим, ни наши дома, ни голубые небеса. В здешних туманных сумерках солнце не встает никогда. Мы построили этот замок, каким ты видишь его. Вся земля вокруг нас, думаю, — верю, — медленно проплывает мимо якоря этих холмов. В те дни тут жил странный, смуглый народ, приходивший через туман, с этими людьми мы торговали: за безделушки покупали пищу, а рабочие руки — за пару лошадей. Мы не говорили на их языке, а они не говорили на нашем.

Со временем они перестали приходить. Думаю, их земля оказалась слишком далеко. К тому моменту я узнал больше, чем мой народ мог предполагать. Поскольку тут правили странные силы, Уильям Бойс. Поскольку для того, кто знает, как, куда и когда смотреть, доступна огромная мудрость. Я сумел накормить и одеть нас благодаря возможностям, о которых дома и мечтать не мог. Тут находится мир магии.

— Магии? — спросил Бойс с оттенком недоверия в голосе.

— Для нас, да, — кивнул Танкред. — Потому что мы знаем лишь часть законов, позволяющих творить такое. Если бы мы знали все эти законы, то это стало бы наукой, а не магией. Я многому тут научился... Думаю, существует много миров. И у каждого свои законы. Что возможно в одних, невозможно в других. Но может быть так, что мы находимся в центральном мире, в котором сливаются остальные миры, где объединены знания множества миров, где нет времени и где может двигаться само пространство. Потому что мы мало знаем об этой чужой, странной науке, которую мы называем... колдовством.

БОЙС КИВНУЛ. Он понял Танкреда. Даже на Земле в разных местах законы действуют по-разному — если не знаешь первопричину. На уровне моря вода кипит при одной температуре, а в горах — при другой. Резина податлива при нормальных условиях, но становится жесткой при минусовой температуре и тает в Долине Смерти. Если знаешь физические законы, вызывающие феномен, то называешь это наукой.

А если нет — это становится магией!

— Вы построили замок, — сказал Бойс. — А что было потом?

— После того, как мы закончили, — красноречиво пожал плечами Танкред, — однажды утром мы проснулись и увидели, что алое знамя развевается над нашей главной башней. В нем заключена магия, но я не знаю, как с ней бороться. В некотором смысле, она, возможно, защищает нас. Трое человек, пытавшихся снять знамя, лишились жизни. Его красный цвет, вероятно, обусловлен кровью тех, кто пытался снять его в прошлом. Мы так и не узнали, чья сила послала нас сюда. Маг черного замка — еще одна загадка среди множества тайн наших жизней. И по большей части наши люди перестали задавать вопросы. Здесь нет ни дня, ни ночи, хотя мы считаем часы и дни, и называем ночью то время, когда спим. Но само время стоит на месте. Нет возможности объяснить это тебе, вместе с тем, как мы считаем часы и дни, но при этом не замечаем пролетающие годы. Нечто в воздухе стирает память, когда пытаешься понять

время таким, каким знал его когда-то давно. Это вечное настоящее. Мы не стареем. Не умираем от старости или болезней.

Танкред глубоко вздохнул и перестал дергать себя за бороду. Черные глаза словно покрылись непроницаемой пленкой.

— Должны быть способы попадать и покидать этот мир, — заметил Бойс. — Я же как-то оказался тут. И вы говорите, я не первый. Значит, кто-то каким-то образом выбрался отсюда и пришел в мой мир и мое время.

— Да, такие способы существуют, — кивнул Танкред. — После того, как мы прибыли тут — не знаю, как долго — и после того, как ко мне пришла мудрость, я обнаружил путь наружу. Если бы я узнал об этом раньше, то, возможно, спас бы нас. Но я опоздал. Двое наших парней пошли туда, несмотря на мои предупреждения, и, когда они прошли через ворота, то превратились в пыль. Все эти годы прошли для них в мгновение ока, и они превратились в то, чем стали бы в нашем мире, если бы прошло столько же лет. Так мы поняли, что нам отсюда не выбраться. Тебе, возможно, удастся вернуться, если не прождешь слишком долго. Но, думаю, тебе мало чем это поможет. Твоя проблема здесь, Уильям Бойс. И именно тут ты должен решить ее.

Бойс заснул. Что-то в его разуме приказало ему заснуть и не слушать рассказ мага. Он все еще был очень слаб и быстро погрузился в сон. И как человек может бороться приказами, идущими из центра сознания?

Его разбудили какие-то голоса.

— Шшш... дю Бойс спит, — сказал Танкред. — Говори тихо. — В ответе он узнал хриплый шепот сира Гиллеама и продолжал неподвижно лежать, пытаясь решить, должен ли он дать им понять, что не спит.

— Гиллеам, ты безрассудный глупец, — сказал Танкред, судя по всему, все еще сидящий на подоконнике. — Ты знаешь, что этого нельзя делать.

— Я делаю, что хочу, — прорычал Гиллеам. — Если план сработает, возможно, мы все спасемся. А если нет — то поплачусь за это я один.

— Возможно, и не один. Ты не подумал о том, что можешь вернуться к нам, как Хью де Мандо? Откуда ты знаешь, что они с тобой сделают, если поймают в Городе?

— Говорю тебе, Танкред, я знаю, что делаю. Это будет уже не первый мой поход в Город. Теперь у меня есть там друзья. Те, кто знают меня — или думают, что знают, — под другим именем. Перебежчик из Керака — настоящая находка для шпионов Города. Они с радостью покупают информацию и умоляют выдать им больше. Ты

же знаешь, что я там делаю, Танкред. Раньше ты никогда не говорил «нет». Почему говоришь сейчас? После происшествия с Хью, мне еще сильнее захотелось попробовать сделать это.

— Из-за Хью, друг мой. Я понял, насколько они сильны. Никогда прежде их шпионы так сильно не походили на нас. Как мы сможем тебе доверять, Гиллеам, если ты, правда, вернешься?

— У вас есть Оракул, — хрипло ответил Гиллеам.

Танкред помолчал пару секунд. А когда снова заговорил, его голос стал тихим, и Бойсу показалось, что в нем слышалась печаль.

— Да, — сказал он. — Да... у нас есть Оракул.

— Ну и отлично. Не вижу причин тянуть дальше. Два нападения из Города за такое короткое время, вероятно, означают, что они хотят атаковать нас всеми силами. Говорю тебе, нужно научиться у них как можно большему, вне зависимости от цены. Если я хочу рискнуть своей жизнью, никто в Кераке не может мне запретить это сделать. Никто, даже ты!

— Ты рискуешь не только своей жизнью, Гиллеам, — заметил Танкред.

В ответ Гиллеам только фыркнул.

— Ладно. — Голос Танкреда был спокойным. — Ты тут главный.

Раздались тяжелые шаги. Дверь открылась и закрылась. Лежа с закрытыми глазами, Бойс услышал, как Танкред вздохнул. Он хотел кое о чем его спросить, но, казалось, сейчас не совсем подходящий момент. Его интересовало, откуда взялась эта бледная, как лед, девушка, которую крестоносцы называли Оракулом, и почему Танкред говорил с ней с такой нежностью и грустил при ее упоминании.

ГЛАВА VI. Заклинание сна

В ЗАМКЕ КЕРАК время стояло на месте. Но окружающее пространство потихоньку двигалось. Теперь Бойс понял, почему ему казалось, что за окном все медленно плывет. Даже сам Город, как объяснил Танкред, попал в долину из какой-то далекой туманной земли. Со временем — нет, с ходом пространства, а не времени — он уплывет дальше, и обе крепости позабудут друг о друге.

Но пока, как вражеские корабли, встретившиеся в нейтральных водах, они находились в состоянии боя, и только уничтожению одного из них — или сразу обоих — или увеличение расстояния, разделяющего их, может положить конец этому конфликту.

Гиллеам ушел. Бойс понял это только потому, что больше не слышал самодовольного баса во время оздоровительных прогулок по

замку. Никто не отвечал ему, когда он спрашивал, куда делся его тезка. Годфри тоже исчез. Даже Танкред уже не ходил по коридорам и проводил большую часть времени, запершись у себя в башне и занимаясь собственными секретами. Ни одна женщина, ни один мужчина, за исключением самого Танкреда, не знали, что находится за дверью в эту башню.

— У него там бассейн, — прошептала ему одна из женщин замка, когда он между делом упомянул про комнату Танкреда. — Никто не знает, как, но он использует бассейн в магии. И говорят, что у него там зеркала, показывающие человеку его собственные мысли. Из комнаты доносятся чьи-то голоса, хотя мы знаем, что он там один, а иногда сладкое пение, похожее на голоса ангелов. И однажды странное небольшое создание ярко-золотистого цвета с окружающим его голубым гало прошмыгнуло через открытую дверь и побегало вниз по ступенькам. Поймавший его мальчик обжег о гало руки.

Бойс понятия не имел, сколько прошло времени до утра Тишины. Было очень странно, что в этом сером мире не получалось измерить время. Можно было считать часы и все равно не удавалось отмерить неделю или две. Время было слишком скользким для разума.

Но одним утром — хотя в Кераке не существовало ни утра, ни вечера — Бойс проснулся и осознал, что вокруг стоит глубокая тишина. Он сел на кровати с балдахин и растерянно прислушался, странным образом поняв, что разбудила его именно эта тишина. Тишина и... ощущение давления в воздухе.

Бойс быстро оделся и побежал по винтовой лестнице в главный зал замка, где в этот час обычно воздвигались столы, и обитатели крепости шумно завтракали.

В зале, действительно, были мужчины и женщины, но они не шумели. Они тихо лежали и вели себя, как марионетки, брошенные посреди представления, после того, как кукловод не справился с задачей. Некоторые лежали на кучах дров, принесенных для огромного огня, который уже должен был реветь в камине вместо того, чтобы уныло тлеть в нем.

Другие лежали рядом с разбитыми тарелками и рассыпанной едой. Собаки, вытянувшись, тихо спали на тростнике. Ястребы в капюшонах из перьев сидели на жердях, идущих вдоль стены, неподвижные, словно каменные изваяния.

Бойс растерянно оглядел молчаливый зал. Ничего не шевелилось — и, тем не менее, ему показалось, что двигался сам воздух. Будто мимо него ходили невидимые люди, задевая его плечами, не имеющими веса, как и воздух, который они перемещали. И в замке витал

странный, сладкий, острый запах — едва заметный и не похожий на ни что другое.

— Магия, — прошептал Бойс себе под нос без всякой на то причины. — Запах магии!

Ему не нужна была причина так думать. Эта мысль пришла ему в голову, будто незваный гость, и он знал, что не ошибся.

Люди в зале не умерли. Они спали. С тревогой Бойс шел через них, тряся спящих за плечи и выкрикивая их имена. Никто не пошевелился. Он даже плеснул холодной водой в лицо девице, разносящей еду и напитки, и теперь развалившейся рядом с кувшином. Она даже не вздохнула. Это был магический сон, и, наконец, понял Бойс, ничто, кроме силы того, кто наложил это заклинание, не пробудит жителей замка от магического сна, в глубинах которого они оказались.

Тревога Бойса нарастала по мере того, как он продолжал обходить погрузившийся в тишину замок, не находя ни единого бодрствующего существа: ни мужчины, ни женщины, ни животного. Только сам Бойс ходил и не спал. Это само по себе очень пугало. Во всем, что случилось с ним с тех пор, как он прошел через хрустальное окно и услышал смех Охотника, точно был какой-то мрачный смысл. Нет — еще раньше. С начала потерянного года.

На протяжении всего этого времени, почувствовал теперь Бойс, он неумолимо двигался по пути, предначертанном ему каким-то невидимым планировщиком. С ним не случалось ничего, что не приближало бы его к той необъяснимо важной цели, для которой он был предназначен.

И сегодня, подумал Бойс, я достиг нового этапа. Сегодня я один не погружился в сон, чтобы исполнить волю кого-то другого. Пока он этаж за этажом обыскивал безмолвное здание, воздух беспрестанно шелестел при проходе невидимых людей.

Танкреда, находившегося в самой высокой башне, Бойс не проверял до самого конца. Насчет мага он был не уверен. В этой магической комнате, наверняка был защитный экран, охранявший самого мудрого человека в замке от нападения из Города.

БОЙС ПОДНИМАЛСЯ все выше и выше по лестницам спящего замка.

Спящая красавица, — подумал он. — Спящая красавица в заколдованном замке — как-то так, наверное, называется это заклинание. Интересно... возможно, такой замок действительно существовал. Может, сюжеты других старых сказок тоже возникли не на пустом месте. Спящая красавица...

Бойс остановился на ступеньках. До этого момента, ему не приходило в голову, кто в этом замке спит по-настоящему. Бодрствовал Керак или спал, или находился под всеобъемлющим заклинанием, Оракул точно стояла на своем месте, запертая в удивительной огненной клетке.

Танкред ничего не рассказывал Бойсу о ней. А остальные обитатели замка слишком трепетали при упоминании о мраморной девушке, чтобы поделиться тем немногим, что им было известно.

В любом случае, попытаюсь, решил Бойс. — Пойду к ней и спрошу...

Казалось, что в его разуме снова ожил маленький, свернувшийся кольцом, охранник. Слабость не давала ему слушать то, что говорил Танкред, когда это касалось определенных вещей. *Нечто* не желало позволить Бойсу поговорить с Оракулом.

Но на этот раз он будет сражаться. На этот раз он не сдастся. Пока он поднимался по лестнице, его руки и ноги охватила смертельная усталость, но он стиснул зубы и упорно продолжал идти.

Ты, подумал он, кем бы ты ни был — на этот раз тебе придется биться со мной.

Было ли оно безымянным, бесформенным существом, двигавшим его, как пешку на шахматной доске на протяжении всего забытого года и несчетных дней, проведенных в этом мире? Неужели этот шахматный игрок построил крепость прямо в центре сознания Бойса?

— Если да, — смело пообещал он, — теперь у тебя будут со мной проблемы.

Слабость, словно смерть, повисла у Бойса на плечах. Теперь он убедился, что предположил правильно. Его оставили бодрствовать с какой-то целью, в то время как весь Керак погрузили в сон. Но, если он собирался сражаться, то тогда тоже должен спать, пока враг не совершит зло, которое запланировал.

Однако Бойс не собирался спать. Лестница под его спотыкающимися ногами стала склоном крутой горы. В его разуме всплыли обрывки снов. Но мрачно, шаг за шагом, его ноги тащили качающееся тело. И, наконец, после некоторого времени, еще более текучего, чем то, что считалось нормальным в этом плавающем мире, ступеньки закончились.

Бойс оказался в зале Оракула. И там, вдалеке, висели фиолетовые портьеры, расшитые серебряными нитями. Далеко, очень далеко, в бесконечном коридоре, растворяющемся перед ним...

Он не помнил, как прошел по залу. Понял только, что его упрямое тело, должно быть, продолжало нести кружащуюся голову впе-

ред, но он не знал, что происходило за это время. В конце концов, Бойс осознал, что его вытянутой руки коснулось что-то мягкое и вывело его из беспокойного кошмара.

В этот момент он понял, что, наконец, снова стал самим собой. Резко и ясно, миру вернулась четкость, и Бойс проснулся еще раз. Замок все еще был наполнен сном и запахом магии, а воздух то и дело кружился, когда мимо проносились невидимые существа. Но Бойс, в конце концов, оказался самым, что ни на есть, живым.

Он уверенно вытянул руку и отодвинул портьеру.

Там стояла огненная клетка, живая, тихо жужжащая сама по себе — и внутри находилась мраморная девушка. Бойс совсем не удивился, найдя ее там. Она казалась ему такой же неподвижной, как статуя в какой-нибудь нише, и он не посчитал странным то, что на первый взгляд, с тех пор, как враг напал на обитателей Керака в этом самом зале, Оракул не пошевелилась, не сделала ни единого вдоха и не произнесла ни слова.

Теперь, снова в присутствии врага, в зале, наполненном чужой магией, Бойс тихо стоял, тяжело дышал и ждал.

Казалось, это длилось довольно долго. Мраморная девушка стояла лицом к нему, сомкнув руки перед собой, а снежно-белые волосы и такая же мантия ниспадали неизменными линиями к ее ногам. Бойс на мгновение ощутил почти непреодолимое желание протянуть руку и прикоснуться к мантии, соединенным ладоням, чтобы узнать, действительно ли Оракул и ее мантия сделаны из мрамора, статуя это, скульптура из полуживого воска, или женщина, невероятным образом лишенная жизни?

Бойс не посмел. Он просто смотрел на закрытые глаза и сомкнутые губы, являющимися линией идеальной, безупречной красоты, такой же нечеловеческой, как и само каменное изваяние. А затем он увидел, как губы едва заметно шевельнулись.

— Что ты хочешь узнать у меня? — спросил чистый, холодный, далекий голос.

И на секунду, услышав эти слова, он поразился невероятному одиночеству, в котором оказался, так, как еще не поражался до этого. Потребовался ледяной голос, исходящий из безжизненных губ, чтобы лучше всего напомнить Бойсу о том, что он остался единственным живым, не спящим человеком в Кераке — если не считать Танкреда, находящегося неизвестно в каком состоянии.

В окружающем воздухе витала враждебная магия. Замок стал огромной чашей, наполненной сном, гробницей для полумертвых обитателей Керака, чьи жизни зависели от милости загадочного Города. Только Бойс был живым и неспящим, и все его надежды

держались на мраморном создании, которое не спало, но и не было живым.

— Скажи мне, что сделать, чтобы спасти Керак, — попросил Бойс неуверенным голосом.

ЕСЛИ ОРАКУЛ и услышала его, то не подала виду. Неизвестно, почему он предположил, что она знает о происходящем вокруг, и ей не нужно обычное зрение, чтобы мраморная голова узнала об опасности, в которой оказался Керак. Бойс не мог понять, было ли Оракулу до этого какое-нибудь дело.

В тишине, глядя на опущенные веки, Бойсу показалось, что воздух немного задрожал в каком-то ритме. Это было слабейшей пульсацией, но его чувства напрягались, как никогда прежде, и он был почти уверен в том, что ощутил.

Затем заговорила Оракул.

— Услышь меня, — сказала она четким, безразличным голосом. — Услышь меня. В Керак кто-то идет.

Теперь Бойс был уверен в этом. Мощный размеренный ритм не прекращался, и воздух содрогался в ответ. Значит, кто-то все таки остался жив. Тот, кто... кто надвигался на Керак? Поскольку ритм походил на топот тяжелых ног, неторопливых, безжалостно приближающихся с каждым новым стуком.

— Идет один человек, — сказала Оракул. — Вместе с ним идет и магия. Он — тот, кто должен умереть, иначе Керак падет. — Она замолчала, а потом добавила с ледяным безразличием. — Человека зовут Гиллеам дю Бойс.

Дверь в келью Танкреда была усеяна железными Звездами. Бойс остановился перед ней, подняв руку, чтобы постучать, и прислушался к тяжелому стуку, похожему на гром в воздухе, отзывающийся эхом в поступи человека, намеревающегося уничтожить Керак. Бойс все еще не мог поверить в то, что сказала Оракул.

Странная, спонтанная ненависть к Гиллеаму заставила его перестать доверять своим ощущениям. Мысль об убийстве Гиллеама — если это вообще возможно — оказалась опасно волнующей. Но ведь Гиллеам ушел, чтобы рискнуть собственной жизнью во имя Керака, Гиллеам был лордом Керака.

Когда Бойс постучал костяшками пальцев по двери, украшенной звездами, раздался гулкий звук, прокатившийся по залу за ним. Ответа не последовало. Он постучал снова и стал ждать, пока приближающиеся шаги — Гиллеама? — сотрясали воздух во всем спящем Кераке.

Затем Бойс поднял защелку двери Танкреда и медленно открыл ее.

Когда дверь распахнулась, мимо него пролетел завиток розоватого дыма. Пахло цветами. Отогнав дым от лица, Бойс оглядел комнату, в которой не бывал никто, кроме Танкреда, с тех пор, как строители закончили ее... шестьсот лет назад? Час, день, век – в Кераке время не имело значения.

Эта комната была магической, но ее магия не спасла человека, лежащего на низком столе, подложив руку под голову, пока его борода свисала с резного края стола. Танкред спал вместе со всем Кераком. На раскрашенной поверхности стола перед ним стояло черное блюдо, на котором медленно тлела кучка серебристого пепла, испускающая цветочный дым, слоями витающий в воздухе. Дым ритмично содрогался в такт приближающимся шагам того, кто шел к Кераку.

– Танкред! – безо всякой надежды прокричал Бойс. – Танкред!

К его удивлению, лежащая на руке голова немного пошевелилась. Очень медленно, с бесконечными усилиями, большие плечи расправились, и маг чуть переместил голову набок и простонал.

Бойс осознал, что стоит на коленях рядом с низким столом и трясет Танкреда за плечо.

– Ты слышишь меня? – настойчиво спросил он. – Танкред, ты не спишь?

Маг не бодрствовал. Но и не совсем спал. Каким-то образом, за пару секунд до прихода магии и захвата Керака, Танкред сумел произнести какое-то защитное заклинание, частично нивелировавшее эффект сна. Возможно, подумал Бойс, оно было связано с тлеющим пеплом, наполнившим комнату облачками розоватого дыма и ароматом цветов.

– Танкред! – повторил Бойс. – Ты слышишь меня?

На этот раз Танкред приоткрыл веки, и его черные глаза посмотрели на лицо Бойса сквозь пленку сна. Выглядело так, будто маг взглянул на него через занавес, который он, будучи, живым, бодрствующим и нетерпеливым, никак не мог поднять.

– Я могу доверять Оракулу, Танкред? – встряхнув плечо под темной мантией, настойчиво спросил Бойс. – На Керак наложено заклятие, – ты это знаешь? Оракул велит мне убить Гиллеама. Она говорит правду, Танкред?

ПРИОТКРЫТЫЕ глаза мага ненадолго озарились свет. Губы под густой бородой шевельнулись. Танкред изо всех сил пытался разорвать магические путы, сковывающие его. Бойс увидел, как на

толстой шее вздулись вены, а темное лицо, сильно загоревшее под светилами Святой Земли, тем не менее, еще более налилось краской от напряжения.

Но Танкред не мог говорить. Пелена сна была слишком тяжелой. Маг последний раз судорожно оторвал голову от согнутой руки, и Бойс увидел, что тот кивнул – дважды. Это было достаточно. Он получил ответ.

Затем Танкред тяжело вздохнул и снова погрузился в сон на столе, пока бесполезный, пахнущий цветами дым незаметно окутывал его.

– Убить Гиллеама, – услышал Бойс собственный шепот в тихой комнате.

Окружающий воздух содрогнулся. Нет – на этот раз не только воздух. Пол под ногами тоже стал дрожать. Слышалась поступь тяжелых сапог, каждый их шаг сотрясал заколдованный Керак до самого основания.

Внезапно Бойс ощутил, что сердце громко застучало в такт приближающимся шагам, дыхание стало прерывистым, а волнение окутало его, как сон окутал замок Керак. Ненависть к Гиллеаму стала чем-то осязаемым. Теперь, внезапной вспышкой, Бойс осознал, что вся его жизнь в Кераке вела к этому единственному моменту – к убийству Гиллеама. Ему показалось, что именно для этого он был рожден и жил до этого страшного часа.

Тут не было никакой логики. Смутно Бойс понял, что так наверняка предопределила судьба – иначе, почему он один не уснул, когда в Керак пришел разрушитель? Но сейчас было не время размышлять об этом. Не время раздумывать, почему лорд Керака пришел уничтожить замок. Бойс на какой-то период лишился рассудка. Осталась лишь ненависть и возбуждение перед битвой.

Шаги сотрясали лестницу, словно по ней поднимался гигант, который был уже совсем близко. В воздухе гремело от его поступи. Бойс смутно осознал, что вокруг носятся какие-то невидимые создания, задевающие его одежду. Но у него не было времени думать об этом.

На столе Танкреда, рядом с его обмякшей, вытянутой рукой, лежал меч. Бойс схватил его, вытащил из ножен и покачал в руке. И как только он это сделал, рукоятка словно ударила его током, а Танкред, лежащий на столе, шевельнулся и резко вздохнул. Меч сам двигался в ладони Бойса. Сам описал дугу в наполненном ароматом цветов воздухе и вернулся на место.

Бойс сразу же понял, что это магический меч.

Снаружи донесся смех, глубокий, дикий хохот, который принадлежал Гиллеаму лишь отчасти. Таких необычных звуков Гиллеам никогда не издавал. Затем, впервые с тех пор, как на Керак наложили заклятие, Бойс вспомнил Хью де Мандо и то, как странно он изменился, побывав в Городе крестоносцев.

ГЛАВА VII. *Вероломный крестоносец*

УКРАШЕННАЯ звездами дверь распахнулась с грохотом, дважды отразившимся эхом в комнате Танкреда. Розоватый дым дико закрутился. В дверном проеме появилась огромная фигура Гиллеама. Он порывисто смеялся, сотрясаясь всем телом, и Бойсу показалось, что этот звук разносится по всему опутанному магией Кераку, погрузившемуся в тишину.

Огромный меч Гиллеама был в его могучем кулаке и сверкал в тусклом воздухе кельи Танкреда. Его лицо не было веселым. Да, он смеялся, но только губы весело морщились. Глаза же крестоносца выглядели так же, как и у Танкреда, а на самодовольном, упрямом лице лежала тень, ужасная тень.

– Танкред! – взревел Гиллеам голосом, который должен был разбудить всех спящих в замке. – Танкред, настал час твоей смерти!

Он тяжело ступил вперед – вся комната содрогнулась от этой нечеловеческой поступи – и занес огромный меч над головой мага.

Каким-то дальним уголком разума Бойс внезапно и с абсолютной уверенностью понял, что это не настоящий Гиллеам. Вражда между ними была кровной, связь походила, скорее, на родство, которое нельзя разрушить самостоятельно.

Гиллеам, покинувший Керак и выкрикивающий теперь угрозы Танкреду, никогда бы не проигнорировал Бойса, стоящего с мечом в руке. Нет – этот Гиллеам был уже не тем, кто покинул замок.

По своей собственной воле меч в руках Бойса описал светящуюся дугу. И сделал это как раз вовремя. Меч Гиллеама уже падал, и через секунду голова мага покатилась бы по расписному столу.

В воздухе раздался грохот, словно столкнулись две молнии. Сталь заскрежетала о сталь, посыпались искры. Гиллеам проревел тяжеловесное ругательство на языке, который Бойс никогда не слышал раньше (Бойс безумно предположил, что именно на нем разговаривали в Городе Колдунов), и огромный меч поднялся снова, разрезая кольца дыма над головой Танкреда.

Это был странный бой. В дни крестоносцев жили закаленные люди. Могучие мечи, которыми они размахивали, были такими тяжелыми, что современный человек вряд ли бы сумел поднять один

из них даже двумя руками. Только магия позволила Бойсу отражать ужасные, сокрушающие удары Гиллеама, сыплющиеся один за другим. Магия и ловкость меча, сражавшегося по собственной колдовской воле... и то, что Гиллеам еще ни разу не направил меч на самого Бойса.

Гиллеам — движимый магией, с мрачным лицом, которое было не совсем лицом Гиллеама, — пришел в Керак только с одной целью. Он пришел убить мага Танкреда. Все его удары были направлены на спящего Танкреда. Бойсу приходилось держать стальной щит магического меча между Гиллеамом и магом. Ему приходилось сражаться не за свою жизнь, а чтобы защитить Танкреда от страшной угрозы.

Молния сверкала в келье всякий раз, когда огромные мечи налетали друг на друга. А сапоги Гиллеама оглушительно стучали по каменным плитам, сотрясая каждым шагом весь замок. Он был больше чем человеком — колдовским божеством, хозяином грома и молний. Но это существо сражалось вслепую, как и ходило, и за его высокомерным, мрачным лицом скрывался вовсе не Гиллеам.

Развязка наступила неожиданно. Бойс понял, что не принял в этом участия. Он чувствовал, как меч сам по себе орудует его рукой, а затем оружие внезапно взмыло вверх, словно ликуя, и метнулось молниеносным горизонтальным ударом, нырнув под руку Гиллеама и ударив крестonosца по толстой шее, защищенной кольчугой.

Ужасный был это удар. Он должен был сорвать голову Гиллеама с плеч. Но такого не случилось. Посыпались искры, словно лезвие ударило по стали вместо мышц и плоти. Вспыхнул настоящий фонтан света, раздался оглушительный звон, словно кто-то со всей силы ударил в гонг.

— Такова воля Бога! Такова... — странным, бездыханным голосом завопил Гиллеам, будто это было единственным, чего он хотел добиться.

Затем все необъяснимо и неописуемо изменилось прямо у Бойса на глазах. В келье, еще звеневшей от молний и грома, оставшихся после битвы заколдованных мечей, внезапно наступила тишина. Гиллеам падал.

У него медленно подкосились ноги. Двусторонний меч выпал из ослабевших рук и со звоном упал на каменный пол. Крестonosец опустился на колени и очень плавно, казалось, проплыл вперед и лег ничком. Бойс услышал мощный выдох, когда Гиллеам, наконец, перестал шевелиться.

Затем к Бойсу снова вернулся слух, и — замок Керак пробудился.

А на расписном столе вздохнул и пошевелился Танкред. Тоже самое происходило по всему замку, пока пробуждались спящие. Воздух больше не содрогался от каждого движения Гиллеама. Он снова стал обычным человеком с человеческими возможностями. И взглянув на него, Бойс удивился – но не так уж сильно, – увидев, что толстую шею крестоносца опоясывает сломанное кольцо.

Стеклянное кольцо.

Танкред поднялся на ноги. Бойс, повернувшись к нему, увидел, что маг тяжело дышит, словно он, а не Бойс сражался с Гиллеамом заколдованным мечом. На его коричневом лбу, над сходящимися бровями выступил пот, а грудь часто вздымалась и опускалась.

– Это *был ты*, – тихо сказал Бойс, протягивая меч.

Танкред кивнул. Он все еще мог говорить лишь с большим трудом. Он взял оружие из рук Бойса, провел пальцем по лезвию, и Бойс заметил кое-что еще – какую-то яркость, какое-то странное оживление – то пропадающую, то появляющуюся вслед за движущимся пальцем тень.

– Да, – ответил Танкред. – Но без тебя я бы не справился. Мои благодарности, дю Бойс. – Он всунул меч обратно в ножны и положил его на стол. – А что касается его, – кивнув в сторону лежащего на полу Гиллеама, добавил маг, –... что касается его – я не понимаю.

ТАНКРЕД ВСТАЛ рядом с павшим на одно колено и осторожно поднес руку к разбитому стеклянном кольцу, остановившему последний смертельный удар. Затем прикоснулся к нему – и тут раздался чистый звон, похожий на звук разбивающегося бокала для вина. Кольцо подскочило само по себе, превратилось в блестящий порошок... и исчезло.

Гиллеам пошевелился и замычал.

Танкред осторожно перевернул крестоносца на спину. Голова Гиллеама упала на пол, и толстая шея судорожно запульсировала.

– Это... был не я, Танкред... они послали... – прошептал он.

– Знаю, Гиллеам. Теперь уже неважно. Ты в безопасности.

Гиллеам нахмурился и чуть качнул головой, прилагая невероятные усилия.

– Нет – не в безопасности. Годфри... Я должен вернуться...

Танкред закрыл рот крестоносца рукой с кольцами.

– Тише, Гиллеам. Ты был одержим. У тебя нет сил даже на то, чтобы рассказать нам, что случилось.

Маг медленно поднялся. Наблюдая за ним, Бойс только сейчас осознал странность этой комнаты. До этого момента он был занят

происходящим больше, чем рассматриванием обстановки. Теперь он увидел их — магические предметы.

И действительно, здесь был бассейн, о котором шептала женщина из замка. Он располагался в небольшой нише в дальнем конце комнаты, круглый, обрамленный яркой плиткой, а из его центра кольцами расходился крошечный прилив. И над ним висела магия. Бойс не мог объяснить, с чего он так решил, он просто почувствовал ее в воздухе над бассейном.

Полки на стенах были забиты предметами, которым Бойс не мог дать названия. Он увидел книги на многих языках, некоторые из них были явно написаны на языках неземных. На одной стене висела арфа, ее яркие струны, то и дело вздрагивали, будто их задевали невидимые руки, издавая возможные тончайшие звуки, практически за пределами человеческого слуха. И в одной коробке с прорезями, стоящей в углу, как показалось Бойсу, изредка что-то шевелилось, будто внутри сидело какое-то небольшое существо.

Танкред взял с полки хрустальный кубок. Когда маг дотронулся до него, он был пуст, но к тому времени, как Танкред повернулся и нагнулся над Гиллеамом, кубок наполнился какой-то прозрачной красной жидкостью с резким запахом.

— Выпей, — встав на колени и поднял голову Гиллеама, сказал Танкред.

Крестonosец подчинился. Он казался слишком истощенным, чтобы двигаться по собственной воле или хоть в чем-то не слушаться мага. Это была неестественная усталость. Она каким-то образом напоминала полнейшую опустошенность Оракула.

Но после того как Гиллеам испил из кубка, он немного ожил. Затем с трудом приподнялся на локте и пристально посмотрел на Танкреда.

— Годфри... — шепотом сказал он, — остался... в Городе. Помогите мне, Танкред, я должен вернуться за ним.

— У тебя очень мало сил, Гиллеам, — ответил Танкред. — Но скоро это пройдет. Расскажи нам, что случилось.

Прежде чем заговорить, Гиллеам на секунду закрыл глаза.

— Мы вошли в Город, как и планировали. Там я встретился со своими... своими сообщниками. Они очень хотели купить секреты, которые я предлагал. Мы начали торговаться. Я... знал, что один из них был близок к советникам Короля Колдунов. Я ждал его... слишком долго. Я так и не увидел его лица, но звали его Джамай — он очень злой человек.

Гиллеам замолчал и выждал какое-то время, собираясь с силами.

– В Городе... есть разные фракции, – продолжал он еще более слабым голосом. – Король... не стал бы уничтожать нас полностью. Он ненавидит нас, Танкред, но, по какой-то... странной причине... он хотел бы убить нас одного за другим, а не всех сразу вместе с Кераком. Джамай – главный колдун. Он тоже нас ненавидит, и у него нет совести. Танкред, ты знаешь, что... между Городом и Кераком есть связь? Та, что не дает Городу двигаться? Хотя земли вокруг нас не стоят на месте. У Города есть определенный маршрут, как у корабля. Джамай хочет двигаться по нему. Он намеревается перерезать связь, которая держит Город, чем бы она ни была.

– Думаю, я знаю, что это такое, – кивнул Танкред.

– Он... уничтожит Керак, – продолжал Гиллеам. – Все это – дело его рук. Король... даже ни о чем не догадывается. Я ошибался насчет Джамаи. И пытался торговаться... втайне. Он схватил нас обоих – Годфри и меня. Я должен вернуться за Годфри. – Гиллеам секунду помолчал, его глаза затуманились, когда он мысленно вернулся в прошлое. – Годфри заложник, – сказал он. – Его отпустят, только если я добьюсь успеха. Я должен освободить его, Танкред. Он находится... в странной тюрьме. Странной – не могу объяснить, насколько странной. И жуткой.

– Как они усыпили весь замок? – спросил Танкред. – Тебе это известно?

Гиллеам слабо кивнул.

– Кольцо на шее, – сказал он. – Я мог поклясться, что это невозможно – что я стану носить кольцо хозяина. Но я надел его. И заклинание – оно было простым. Сон распространялся передо мной... пока я шел. Это был не я... Думаю, Джамай – или его разум – управляли мной, как человек правит верховой лошастью. Он видел моими глазами. Пока кольцо не разбилось – это был не я. – Гиллеам попытался сесть. – Теперь мне пора идти, – сказал он. – Годфри...

Танкред вытянул руку и помешал ему встать.

– О Годфри позаботятся, – сказал он. – Но не ты, Гиллеам. Годфри спасут, если это вообще может сделать смертный. Будь в этом уверен.

Гиллеама было не так просто убедить. Он расслабился, покорившись руке Танкреда, но в его глазах горело возражение.

– Кто? – практически беззвучно спросил он.

Танкред переглянулся с Бойсом поверх лежащего крестоносца.

– Ответы на твои вопросы, дю Бойс, находятся не в Кераке, – сказал он. – Я знаю это уже много дней. Станешь ли ты искать их в Городе?

Бойс испуганно посмотрел на Гиллеама и встретил на самодовольном лице, так похожем на его лицо, свирепый взгляд собственных глаз.

— Ты можешь помочь и себе, и нам, — продолжал Танкред. — Если подхватишь легенду Гиллеама, думаю, тебе будет проще. Только тебе придется... стать Гиллеамом.

ПОКА БОЙС медленно шел по песчаным равнинам между Кераком и Городом Колдунов, вокруг его коленей кружилась голубая дымка. Он поплотнее завернулся в синюю накидку, поскольку воздух был влажным и холодным. Под накидкой у него была туника и рейтузы из кладовых Керака, а на груди пылал красный крест крестоносца.

Тот самый крест, который носили люди, шестьсот лет назад глядевшие на Иерусалим. Никто из обитателей замка не носил крест на спине, в знак того, что паломничество завершилось успешно, хотя все, кроме Танкреда, еще не потеряли надежду на это. Для них время застыло, когда они вошли в это облачное забвение, где солнце никогда не восходит и не садится.

Бойс в сотый раз дотронулся до своего лица, чтобы убедиться, что чары Танкреда сумели отпечатать на нем самодовольство, отличавшее Гиллеама от самого Бойса. От золотой бороды, росшей в течение многих дней — недель, возможно, месяцев, — его выздоровления, остались только свисающие усы крестоносца. Внешне Бойс не отличался от Гиллеама.

И я намеренно, как дурак, подумал Бойс — иду в ту же самую ловушку, в которую попал Гиллеам. Ему было непонятно, почему он согласился так рисковать ради этих людей, которые не приходились ему никем, кроме того, что они являлись изгнанниками того же мира. Да, они приютили его в замке. Бойс был им за это благодарен.

Но он оказался в безымянной опасности. Вспомнив Хью де Мандо, Бойс содрогнулся. Быть одержимым чешуйчатым демоном, как Хью... и чтобы тебя порвало, как тряпку, когда демон решить проявить себя...

Нет, ничто не принуждало его так рисковать ради крестоносцев. Он рисковал по собственной воле. Рисковал из-за... благодарности? Родства? Бойс знал, что это было не так. Он бы пошел, даже если бы Керак никогда не стоял на этих скалах, а Годфри с Гиллеамом были просто прахом в мире, где они родились.

Он должен был пойти, и он знал это — из-за женщины, чье лицо он не помнил, женщины, на секунду оглянувшейся через плечо в кусочке воспоминаний и улыбнувшейся из-под железной короны.

Бойс считал, что она жила в Городе. Танкред рассказал ему об этом, а также о связи, соединяющей Керак с Городом.

— Ты спрашивал об Оракуле, — напомнил Танкред час назад, сидя в кресле с высокой спинкой в своей келье и вертя в пальцах кубок с вином. — Прежде чем ты уйдешь, думаю, тебе стоит услышать ее историю. Она... — Маг заколебался и посмотрел в вино. — Она дитя моего единственного ребенка, — наконец, объяснил Танкред.

Бойс выпрямился на стуле, непроизвольно издав звук удивления.

— Значит, она жива! — воскликнул он. — Я думал...

— Жива? — вздохнул Танкред. — Не знаю. С тех пор, как мы оказались на этой земле, я многое узнал о науке и магии, а в зеркалах увидел много тайн Города. Но об этом я почти ничего не знаю. Только то, что случилось все тем, что между Кераком и Городом всегда будет связь. Пока один или другой не будет уничтожен... — Маг отпил из кубка. — Пей, — велел он Бойсу. — Для путешествия тебе понадобится сила. Земли между замком и городскими стенами холмные, а туман похож на вечный дождь. Пей вино и слушай. Город был гораздо дальше отсюда, когда моя дочь, пришедшая к нам из Нормандии вместе с Крестовым походом, однажды заблудилась в тумане. Больше мы ее не видели. — Лицо Танкреда помрачнело, и черные брови сошлись у него над черными глазами. — Те, кто живут в Городе, забрали ее, — сказал он после некоторой паузы. — Ее увидел Король Колдунов и оставил у себя во дворце, потому что она была красивой. У него было много рабов. Справедливости ради, думаю, он держал ее в качестве почетной пленницы. Она была прекрасной женщиной и родила ему ребенка — дочь. А потом умерла. Я так и не узнал, как. Возможно, ее отравили. А, может, задушили тетивой от лука, или использовали более таинственный способ. Или она заболела и умерла от болезни. Не знаю. Однажды мне довелось увидеть ее — совсем недолго, за городскими стенами. Ее дочь жила во дворце отца, выросла и стала женщиной. Очень странно, что... — Танкред покачал головой, и изумруды в его ушах сверкнули под тюрбаном. — Там и здесь время течет по-разному. Думаю, в городе время не стоит на месте, и его можно измерить. — Маг долил себе вина. — Я не знаю, что случилось в Городе. Она была фавориткой отца, наверное, они поссорились, и, возможно, Король, в качестве наказания, сделал ее такой, какая она сейчас. Я только знаю, что она пришла к нам, как призрак, как мраморная статуя, идя с закрытыми глазами и сомкнутыми руками, белая, как снег, и такая же молчаливая. Кажется, какой-то инстинкт привел ее к родной крови, когда она уже не могла выносить Город, где родилась. Мы приняли

ее и попытались вернуть ей прежний облик, но она лишь попросила комнату, где сможет спокойно жить. Мы дали ей ту комнату, где ты видел ее. И когда мы пришли на следующее утро, она уже стояла, где стоит сейчас, в клетке поющего огня. Оттуда она говорит с нами голосом оракула. Она обладает большими силами. Не открывая глаз, она заглядывает в души людей. В ней кроется мудрость, запечатая за печатью ее молчания. Она не всегда находится в клетке. Бывает, что огонь гаснет и исчезает, и тогда она выходит из замка и подолгу гуляет в тумане. Думаю, — не могу говорить с уверенностью, — но мне кажется, она с кем-то встречается на равнинах. Однако, потом всегда возвращается в свою комнату, и огненное убежище, окружающее ее, снова принимает. Я считаю, что, пока она живет тут, между ней и ее отцом, Королем Города Колдунов, существует связь, не дающая им отдалиться от нас, словно она и есть якорь, не позволяющий Городу уплыть по морю тумана. И, если то, что Гиллеам говорит нам, — правда, Король не допустит уничтожения Керака, пока его дитя находится тут. Он с радостью убьет нас всех — но только не свою дочь. Вот почему я думаю, что у тебя есть шанс. Если бы королем был Джамай, являющийся советником Короля, надежды бы почти не было. Больше мне нечего добавить. Я буду наблюдать за тобой, сколько смогу. Возможно, мне удастся тебе помочь. Но мне кажется, ты оказался тут не просто так — тебя ведет магия, которая мне не знакома, и я уверен, что в Городе ты узнаешь свое предназначение. — Танкред снова осушил кубок. — Сделай для нас все, что сможешь, дню Бойс. Помни, что у тебя есть связь с Кераком. Твоя схожесть с Гиллеамом — не случайность.

ЕДВА СЛЫШИМАЯ музыка, донесшаяся из тумана, вывела Бойса из размышлений. Он поднял голову. Над ним возвышалась высокая стена, которые он впервые увидел из каменных ворот, откуда Бойс попал в этот мир. На высокой стене светились огни. Он слышал, как на ветерке, дующем с равнин, шумели тканевые крыши, и туман пятнами окрашивался в яркие цвета там, где на него падал свет.

Бойс повернулся и пошел налево, вдоль основания стены. Где-то там были небольшие ворота, отмеченные кольцом голубого света, в которые ему и нужно было войти. Гиллеам сказал, что это ворота паломников. И добавил, что Город в тумане для многих на этой изменчивой земле был священным городом, наполненным алтарями богов со странными именами. Сюда приходили паломники из дальних мест: по двое, по трое, целыми караванами, а иногда в одиночку.

Гиллеам сказал Бойсу слово, которое выпустит его.

— Скажи, что поклоняешься Найну, — объяснил он. — Тебе нужно одно имя — Найн. Многие паломники не говорят на языке Города, поэтому тебе не обязательно его знать. Тебя поймут и так. Люди на улицах говорят на местном наречии, частью которого стал наш французский язык за то долгое время, что мы живем в Кераке.

Гиллеам заколебался, растерянность на его лице затмила устойчивость, но он не высказал свою мысль вслух. И правильно сделал.

Керак, скрепленный с Городом невидимой цепью, наверное, уже давно стоит на дрейфующих землях, раз старофранцузский стал частью местного говора.

— Ты должен спросить дорогу к храму *Найна*, — продолжал Гиллеам. — Тебя встретят там, если ты все сделаешь, как я сказал. А дальше... — Он пожал плечами. — *Все в руках Божьих.*

В стене справа от Бойса показались ворота. Они были закрыты. На них было нарисовано лицо, желтыми глазами уставившееся в туман. Бойс продолжал идти, пытаясь стряхнуть иллюзию того, что глаза повернулись вслед за ним.

СЛЕДУЮЩИЕ ВОРОТА были открыты, но изображение дракона, стоящего на задних лапах, нарисованное на распахнутых внутрь створках, и что-то еще на этой большой картине внезапно напомнило Бойсу о чудовище, сбросившем личину Хью де Мандо в зале Керака. Ему стало интересно, что он найдет за этими воротами — не в них ли вошел Хью? — и быстро прошел мимо.

Третьи ворота были закрыты. На створках блестело кольцо голубого света. Бойс встал перед ними в накатывающем тумане и сделал глубокий вдох.

Это и были нужные ворота. Через них он должен войти в заколдованный город и найти ответы на вопросы, которые завели его так далеко.

Бойс сунул руку за пояс и дотронулся до единственной вещи, принесенной с собой из внешнего мира — маленький, холодный кристалл, отбросивший на стену паутину света, кристалл, открывший проем для входа в этот мир. Твердый камень все еще был с ним, его холод пробивался даже через одежду. Это была единственная связь Бойса с таинственной женщиной — безымянной и безликой, — а также потерянным годом, который он искал так долго.

Возможно, скоро он найдет ответы. Бойс поднял руку и слабо постучал в ворота. Долго никто не отвечал. Затем голубая дверь со скрипом открылась.

Послышалась музыка и чей-то далекий смех.

Бойс расправил плечи и шагнул вперед.
Он вошел в Город Колдунов.

ГЛАВА VIII. *Дерзкий блеф*

– **ССОРА ИЗ-ЗА** Керака, – объяснял Гиллеам, – произошла только между Королем Колдунов и его приближенными. Простой народ мало что знает об этом, да и знать не хочет. Среди них ты в безопасности – ну, в такой же, как и любой другой паломник. В общем, будь осторожен, дю Бойс. Удачи.

Человек, появившийся из открывшейся двери, подтвердил опасения Гиллеама. Это был смуглый, маленький человечек с хитрыми глазами и повязкой на голове. Он одарил Бойса взглядом бесстрастного безразличия и что-то проговорил вопросительным тоном.

– Найн, – сказал Бойс.

Страж ворот кивнул и отошел. Бойс пригнул голову под низким сводом и оказался на городской улице.

Улица была узкой, по обеим ее сторонам возвышались высокие, узкие дома. Из верхних окон, там и тут, висели разноцветные фонари, а мостовая была мокрой от тумана и отражала свет ламп. Станный город, подумал Бойс, в котором, кажется, всегда темно, даже с учетом фонарей, освещающих улицы.

Судя по звукам, доносящимся из окон, он попал на улицу музыки и веселья. В большинстве, в окнах были стекла в форме алмазов, искажающие происходящее внутри, но Бойс мельком замечал пятна смешанных цветов идвигающиеся тела, а также слышал смех и ощущал запах вина, идущий из всех открытых дверей. Кроме того, оттуда доносилась странная, дикая музыка, чуть ли невольно заставляющая плясать.

Люди на улицах были очень разными. Высокие, светлые люди в полосатых мантиях, развевающихся при быстрой ходьбе, низенькие краснокожие, в тюрбанах и облегающей одежде, женщины с абсолютно прозрачной вуалью на лицах, без разбора улыбающиеся каждому прохожему, женщины с кожей цвета полированного черного дерева, носящие двуручные мечи и расхаживающие с важным видом в алых туниках посреди улицы.

Бойс, высокий и светловолосый, в голубой накидке и тунике с красным крестом, ничем не выделялся в толпе. Без сомнения, на одежде многих других тоже были религиозные символы, возможно, принесенные сюда из миров, таких же неизвестных тут, как и Земля.

Проходя мимо коротышки в серых лохмотьях, который нес на плече полосатый бумажный фонарь на длинной палке, Бойс коснулся его руки.

— *Найн?* — спросил он.

Человек улыбнулся и кивнул, показывая, где нужно свернуть за угол. Бойс поблагодарил его на английском, улыбнулся сам себе, когда услышал, как невероятно звучит знакомый язык на этой тусклой, влажной улице, и пошел дальше.

Еще два раза он спрашивал дорогу: один раз у женщины с мрачным лицом, рогатым шлемом и одетой в зеленую мантию, подметающей землю, а другой — у человека в доспехах, чей нагрудник сиял, как зеркало в свете разноцветных фонарей. С третьей попытки Бойс нашел нужный храм.

Это было большое каменное здание без окон, неосвещенное, стоящее в центре площади. Улицы с шумной, разноцветной толпой огибали площадь, но сам храм Найна пребывал в строгой тишине, даже среди бушующего людя.

Бойс поднялся по серым каменным ступенькам и остановился под сводом, чтобы взглянуть на длинный зал с мерцающими стенами и с возвышающимися друг над другом рядами тысяч разноцветных шаров, словно бумажные фонари с горящим внутри огнем, стоящих на полках вдоль стен. Тут были и другие люди, такая же пестрая толпа, как и на улице, проходящая через большой пустой зал, наполненный шепотом. Если тут и велись церемонии в честь *Найна*, то они, очевидно, еще не начались.

Бойс пошел по залу к прозрачной стене в дальнем конце. Гиллеам говорил, что там растет магическое дерево. Оказалось, что это стеклянное дерево, выращенное на шпалерах у хрустальной стены. Грозди светящихся фруктов и ярких цветов свисали в пределах досягаемости поклонников.

Бойс спокойно вытянул руку и потянул круглый голубой фрукт, размером и формой напоминающий грушу. Секунду плод дрожал у него в руке, словно был живой и упругий, как украшение из выдутого стекла. Затем раздался тихий хлопок, и фрукт исчез, оставив в ладони Бойса лишь каплю голубой жидкости.

Кто-то дотронулся до его руки сзади. Он быстро развернулся. Это была девушка с коричневой кожей, босоногая, с голыми руками и ногами, золотыми браслетами на запястьях и лодыжках, и толстым золотым кольцом на шее.

— Идем, — сказала она на старофранцузском с местным акцентом и повела его по залу к боковой двери.

Они оказались на другой улице, вдоль которой сидели гигантские каменные животные, их поверхность поблескивала от влажного тумана.

На шеях у них висели фонари, а под каменными брюхами ходили в свете качающихся ламп люди. Девушка с коричневой кожей жестом позвала Бойса за собой, быстро и бесшумно спустилась по ступенькам босыми ногами и слилась с толпой.

С людьми было что-то не так. Бойс не мог сказать, что именно, но видел, как они с тревогой оглядывались через плечо. Их шепот стал истерическим. Иногда они поднимали головы и всматривались в туманное небо, и вскоре Бойс услышал над головой тонкий, пронзительный вой, быстро заглушивший шум толпы и становящийся все громче и громче.

Это очень взволновало толпу. Поднятые к небу лица внезапно побледнели в неуверенном свете фонарей. Эхом разнесся тихий стон, казалось, ветром облетевший всю толпу, звук, который издали все люди на улице. И затем, словно под действием заклинания, толпа начала растекаться в разные стороны.

ВДОЛЬ УЛИЦЫ открывались двери, принимая людей. Там и тут кто-то нетерпеливо колотил в уже закрывшиеся, тихо взывая к тем, кто успел войти раньше него. Никто не кричал. Бойсу показалось, что на улице не осталось никого уже через секунду после первого вопля над головой.

Яркая толпа спряталась в каменных статуях, мерцающая, влажная улица опустела, не считая пары отставших, странно посмотревших на неподвижного Бойса и вскоре исчезнувших в ближайшем убежище.

Раздались шлепки босых ног о каменную мостовую. Бойс опустил голову. Коричневая девушка нетерпеливо махала ему рукой.

— Идем, — настойчиво сказала она. — Идем — быстрее. Времени совсем нет!

Он неуверенно пошел за ней по влажному камню. Девушку это не устроило. Она подбежала к нему, схватила за руку и, вынуждая бежать, потащила к двери в одно из каменных животных.

— В чем дело? — строго спросил Бойс. — Я не понимаю...

— Они идут, — ответила девушка. — Быстрее! Сюда — давай, пока они не добрались до этой улицы!

Заскрипели дверные петли. Внутри было темно, и Бойс вспомнил предостережение Танкреда о том, что надо быть осторожным. Он поколебался, не зная, где будет безопаснее: снаружи или внутри.

Затем с улицы на него дунул холодный ветер, и его накидка захлопала. Этот холод обжигал, как огонь. И вместе с ним пришел ужас — ужас и такое отвращение, какое Бойс не испытывал с того момента в тумане, когда он впервые оказался на этой земле и с вершины холма увидел темную процессию, идущую к городским воротам по извилистой тропинке.

Это точно были они — те, кто перемещались среди мерцающих огней, позвякивающих колокольчиков и облака темноты, милостиво скрывавших их из вида. *Те*, кто ходили, как люди на двух ногах, но не являлись людьми — *те*, кого Бойс однажды видел вместе с женщиной, чье имя и лицо он не мог вспомнить... или вовсе забыл.

Когда он подумал о Них, к нему вернулась прежняя тошнота. Он быстро повернулся и, спотыкаясь, спустился по трем ступенькам, схватившись, чтобы не упасть, за дверь, которую держала для него девушка. Бойса сильно трясло. Перед тем, как дверь захлопнулась, он ощутил обжигающий холод, несущийся по улице, и услышал первые, едва слышные позвякивания колокольчиков. А пронзительный вой с неба зазвенел в ушах, сводя с ума, и от него невозможно было спрятаться.

Дверь оставила большую часть звуков за собой. Стало темно, но кто-то крепко взял Бойса за локоть и быстро провел по невидимому залу, шлепая босыми ногами по полу.

Какую женщину я преследую, спросил себя Бойс, когда я знаю о ней только то, что она свободно ходила с Ними?

— Король снова призвал Их, — сказала девушка возле него из темноты, говоря со странным местным акцентом. — Должно быть, нынче под навесами происходят странные события. По слухам, лорды напали на замок в горах, который иногда видно из-за наших стен.

Значит, здесь была связь, подумал Бойс. Возможно, мозаика, наконец, начала складываться, и вскоре его роль станет ясна.

Дверь перед ним открылась, оттуда появился свет с дымом, и слышались голоса. Девушка завела его внутрь.

Сначала Бойс увидел лампу, висящую в центре потолка над большим столом. На столе замысловатым образом лежало множество фишек, — явно шла какая-то игра. Над столом согнулось кольцо людей, лица которых были в тени из-за того, что лампа светила им в затылки.

Один из них засмеялся и сгреб фишки. Фишки были резными, походили на шахматные фигуры, украшенные драгоценными камнями, и каждая издавала различный звук, когда игроки прикасались к ним.

Когда дверь открылась, послышался недовольный шепот, люди подняли головы.

– Человек из храма Найна, – объявила девушка.

– Ты опоздал, – сказала один из игроков. – Ты принес, что обещал?

– Да не трать на него время, – агрессивно призвал кто-то. – Он и так заставил нас долго ждать. Его рассказы, наверное, с самого начала были ложью. Говорю тебе – не трать на него время.

Бойс беспомощно посмотрел на игроков. Гиллеам об этом ничего не говорил. От усталости крестonosец едва шевелил языком и, очевидно, не смог вспомнить многого. Наверное, это он тоже забыл.

Видимо, Гиллеам притворялся, что продает секреты обороны замка, силы Танкреда или что-то еще, что купили бы лорды Города. Бойс почувствовал прилив гнева и страха. Сам придя в эту ловушку, он определенно сильно рисковал, будучи безоружным и неподготовленным.

Был только один вариант. Бойс подошел к столу высокомерным, широким шагом и ударил по столу так, что все фишки подпрыгнули и зазвенели.

– Во имя богов! – взревел он, как Гиллеам. – Вы возьмете, что я даю, и еще скажете мне спасибо!

Над столом пронесся сердитый шепот. По плиточному полу проскребли ножки стула, один человек встал и бросил на стол то, что держал. Оно, звякая, прокатилось по игровому полю.

– Для предателя ты разговариваешь слишком дерзко, – заметил этот человек.

Судя по голосу, он был довольно молод, на нем была кольчуга, доходящая до лодыжек, разрезанная с обеих боков до колен так, что были видны красные кожаные сапоги и красные штаны. На поясе у него висело два длинных кинжала, а широкие поля украшенной перьями шляпы отбрасывали тень на глаза.

– Позже мы сразимся, если ты все еще хочешь этого. А теперь ты выдашь нам сведения, даже если нам придется вырвать их из тебя силой. – Человек обвел стол глазами. – Многие из нас предпочли бы второй вариант. Да и я тоже. – Он засмеялся и положил ладони на рукоятки кинжалов.

Один из других, низкий человек с широкими плечами и огненно рыжими волосами вскочил на ноги и откинул фиолетовую накидку, показывая длинный кнут с зубринами, обернутый, как ремень, вокруг его толстой талии.

– Почему мы, вообще, должны платить этому псу за секреты? – настойчиво спросил он неожиданно тонким голосом. – Я знаю, как заставить его завывать! Мы...

Седоволосый человек в белой меховой накидке примирительно поднял руку.

— Друзья, друзья, давайте помолчим! Пусть он выскажется.

— Пусть он соврет, хочешь сказать, — угрюмо сказал рыжий. — Последний раз, когда мы встречались с ним и его другом, они пообещали нам Керак на блюдечке с голубой каемочкой, а потом их след простыл. Мы уже заплатили им за секреты, которые они нам никогда не расскажут. Удивительно, как быстро они исчезают, стоит серебру попасть им в руки. А теперь он приходит один и разговаривает надменно, как Джамай. Откуда мы знаем, где второй? Продает те же секреты кому-то другому, кто доберется до Джамаи раньше — вот что я думаю. Я все сказал. А теперь делайте с ним, что хотите. Я считаю — его надо убить.

— **БОЛЬШЕ ВСЕГО** говорит тот, кому нечего сказать, — презрительно рассмеялся Бойс. — Я вернулся сюда — разве это не доказывает, что мне можно доверять?

Он задал тот же вопрос самому себе. По-видимому, Гиллеам и Годфри имели дело с этими людьми как раз перед тем, как их схватил Джамай. И, наверное, это осталось в секрете, иначе Бойс не был бы сейчас в опасности из-за того, что пропал без причины. Он отчаянно пытался понять, какие секреты собирался рассказать им Гиллеам. Если бы он только мог сначала найти Годфри.

— Хватит болтать, довольно! — закричал рыжеволосый. — Я хочу ответа! Ты проведешь нас по тайному пути, о котором говорил, или нет, пес? Я заплатил за это и требую, чтобы ты сдержал слово. Ты готов втайне провести нас в Керак, когда наш хозяин даст знак?

— Да! — безрассудно выпалил Бойс.

Сидящие за столом затаили дыхание. Затем седоволосый выпрямился на стуле и улыбнулся. Его лицо было в тени, как и у всех остальных, но Бойс увидел на нем ликование.

— Отлично, — сказал седоволосый. — Отлично. Тогда... мы готовы!

— Тут мы тебя подловили! — посмотрев на Бойса, заметил рыжий. — Ты не ожидал этого. Но нужно выступать, и побыстрее, как только улицы очистятся.

Он невольно взглянул на дверь, и на его красном лице появилась тень чистого отвращения.

Человек в белой одежде встал из-за стола.

— Медлить нельзя, — сказал он, — иначе шпионы Джамаи могут рассказать ему о нашем плане. А делать мы будем вот что...

Бойс не слушал. Он знал, что не сможет провести их в замок. Даже если он захотел бы стать предателем, он не знал ни о каких

тайных тропах, ведущих в Керак, если таковые вообще существовали. К тому же, покидать Город не входило в его неясный план, с учетом того, что он только что попал сюда. Кроме этого, нужно было спасти Годфри. А еще... он никак не приблизился к девушке в железной короне.

— Подождите, — резко сказал он.

Люди вокруг стола уже были на ногах, затягивали пояса и с жаром переговаривались друг с другом.

Они выжидающе повернулись к Бойсу, а их глаза подозрительно заблестели в темноте.

— Так мы не договаривались, — сказал Бойс. — Вы слишком мало мне заплатили, чтобы я так рисковал. Мне нужно еще.

— Тебе достаточно заплатили еще в первый раз, — сердито ответил рыжий. — Ты...

— У меня не будет хозяина, когда Керак падет, — нагло объяснил Бойс. — Мне придется как-то выживать одному. Для этого мне понадобится больше серебра.

В тени засмеялся кто-то, кто прежде не произнес ни слова.

— Он предает своего хозяина за деньги и требует больше, потому что окажется без него, — заметил новый голос. — А он мне нравится, парни!

Бойсу показалось, что в этом голосе было что-то знакомое, особенно в странном смехе. Позже — если тут было такое понятие — он попытается вспомнить. Но сейчас у него не было на это времени.

— Мне нужно больше денег, или я никуда не пойду, — упрямо сказал Бойс.

Рыжий выругался на каком-то странном языке, словно созданном для ругательств. Он неохотно взял с пояса туго набитый монетами кошелек и бросил его на стол.

— Вот, пес. Купишь себе нового хозяина.

— Этого мало! — Бойс ухмыльнулся из-под новых усов. — С такими подачками я был бы не лучше тебя!

Рыжий положил веснушчатую лапу на пояс-кнут. Он что-то проорчал на своем богохульном языке, и Бойсу на секунду показалось, что драка начнется прямо здесь и сейчас. Но рычание стихло. Рыжий мрачно стиснул зубы, взял еще один кошелек и бросил рядом с первым.

— Псы стали очень жадными, — проворчал он. — А теперь...

Поздно. Они нуждались в нем слишком сильно. Бойс собирался провоцировать их и дальше, пока не появится возможность сбежать.

— С деньгами или без, — внезапно прокричал он, — я не поведу в Керак тебя, рыжий! Ты останешься в Городе, иначе сделке конец. Мне начинает не нравиться цвет твоих волос.

ГЛАВА IX. *Бегство по воде*

В ТИШИНЕ, вызванной изумлением, тихо засмеялся молодой человек в кольчуге.

— Разве вы не видите? — спросил он. — Парень пытается нас поссорить. Он в принципе никуда не собирается нас вести!

Секунду никто не шевелился. Затем седоволосый со спокойным лицом откинул с одного плеча накидку.

— Думаю... — тихо сказал он. — Думаю, ему лучше умереть.

В помещении все быстро, согласованно задвигались, Бойс услышал звук, который никогда прежде не слышал — странный металлический звук, пронесшийся по толпе. Его издали мечи, одновременно вытащенные из ножен.

Тени внезапно ожили, обнаженные мечи засверкали. Рука Бойса рванулась к поясу, и легкий меч, который дали ему крестоносцы, сам прыгнул в руку. Но это был не магический меч. Хороший, острый, идеально сбалансированный меч, но сейчас Бойсу придется сражаться одному, без магии Танкреда, держащего рукоятку меча своей магией.

Рыжий яростно заорал во все горло, его рука рванулась к поясу. Раздался рвущийся звук, когда он размотал кнут, похожий на змею с клыками по бокам, и тот описал в воздухе дугу.

— А теперь, пес — повой для своего хозяина! — Рыжий просто задышался от ярости.

Кнут просвистел в воздухе, и Бойс на мгновение представил свое лицо, рассеченное до кости.

Он отскочил, нашаривая руками дверь, нашел ее, как раз когда кнут пролетел мимо его щеки так близко, что порыв воздуха потрепал его усы, и он услышал злобный свист зазубрин, которыми был усеян конец кнута.

Дверь оказалась запертой.

Бойс услышал, как кнут задел пол у его ног с металлическим скрежетом звенящих зазубрин. Услышал яростное, прерывистое дыхание рыжего, увидел, как тот сделал шаг назад и расставил толстые ноги для второй попытки. Бойс заметил за рыжим нервное поблескивание мечей, — остальные напряженно подошли поближе, на случай если кнут подведет снова.

Бойс увидел, что молодой человек в кольчуге с кинжалом, длинной с короткий меч, в каждой руке, легко обошел вокруг стола, будто летел, а не ходил, — все его тело двигалось так же гибко, как и кнут.

Затем плетть снова запела. Как змея она выгнулась назад и, казалось, на одно напряженное мгновение повисла в воздухе. Запаястье рыжего дернулось, и кнут с зазубринами рванулся вперед.

На этот раз Бойс никак не мог увернуться. Он стоял спиной к запертой двери, а парень в кольчуге загородил единственный другой выход. Он почувствовал, как в ожидании удара этого ужасного кнута у него по коже поползли мурашки, и понял, что надежды уже не осталось. Приключение, начавшееся с потерей года, закончится в этой комнате, когда ему сдерут кожу с костей, и он так не узнает ответы на мучавшие его вопросы.

В последнее мгновение перед тем, как плетть настигла цель, Бойс ясно увидел сцену, которую прежде помнил очень смутно. Он увидел девушку в короне, стоящую у окна, такого же изящного, как снежинка. Затем она повернулась и взглянула на него через плечо. Бойс вспомнил ее глаза, горящие фиолетовым огнем, белую улыбку и темно-алые губы. Увидел все великолепие и опасность этого почти забытого лица.

И в это время, в мгновение смертельной угрозы, в разуме Бойса всплыло одно имя. Он не понял, прошептал ли он это имя вслух или только подумал. Это не имело никакого значения. Сейчас ничто не имело значения — даже то, что он, наконец, произнес ее имя.

— Ирата! — со страстью и в отчаянии сказал он сам себе. — Ирата.

И затем кнут ринулся на него.

В дальнем конце комнаты раздался смех — знакомый смех. И рядом с собой, одновременно с тем, как Бойс увидел кончик плети, летящий ему прямо в глаза, он внезапно услышал тихий стук.

Что-то промелькнуло мимо его лица. Бойс приготовился к удару кнута. Ему потребовалась доля секунды, чтобы понять, что удара не будет. Ошеломленный от растерянности и удивления, он шагнул вправо, услышав звон у противоположной стены.

На полу перед Бойсом лежал разрубленный кнут. А длинный кинжал, отражающий яркий свет лампы, с характерным звуком упал на плитку. Кинжал, промелькнувший перед глазами и разрезавший кнут пополам.

Бойс повернул голову и увидел рядом молодого человека в кольчуге, в поднятой руке у него был второй кинжал.

— Дай мне нож, — повелительно сказал юноша Бойсу. — Быстрее! А этот я кину в того, кто пошевелится первым!

Бойс машинально нагнулся и поднял кинжал, спасший его. Не сводя глаз с толпы, молодой вслепую нащупал рукоятку. Кинжал, казалось, сам прыгнул к нему в ладонь, так мастерски он его взял. Одновременно юноша дернул украшенной перьями головой в сторону двери за ним.

— Ты первый, — сказал он. — Быстрее! Наружу!

Все еще слишком удивленный, чтобы спорить, Бойс протиснулся между стеной и воином в кольчуге, и добрался до двери. Молодой последовал за ним, не опуская смертоносных метательных ножей. Положение его гибкого тела было таким же угрожающим, как и у ножей. Бойсу показалось, что парень в кольчуге смеется, хотя он не видел его лица.

На секунду остановившись в дверном проходе, молодой воин быстро обвел взглядом комнату. Обнаженные мечи задрожали при свете качающейся лампы, когда разъяренная толпа склонилась над столом, но никто не посмел сделать шаг к двери. Глаза заговорщиков сверкали красными угольками в сумрачном помещении.

ПАРЕНЬ В КОЛЬЧУГЕ громко засмеялся. Затем быстрым движением он поднял обутую в сапог ногу и под взглядом рассерженных людей перевернул стол. Бойс, почувствовав азарт в его ликующем смехе, внезапно ожил и высунулся из-за спины своего спасителя в кольчуге. Отклонившись в сторону и вытянув руку с длинным мечом, Бойс разрубил цепь, держащую лампу.

Она грохнулась на падающий стол. Раздался дикий звон музыкальных фишек, скатывающихся с игрового стола. Свет вспыхнул и погас. Комнату и разъяренные лица людей внутри поглотила темнота.

— Хорошая работа, — засмеялся парень из-за плеча.

Дверь за ними захлопнулась.

— Бежим! Сюда! — крикнул он и толкнул Бойса локтем, не выпуская кинжала из руки.

Они бежали в крошечной темноте по гулкому коридору. Сзади, из-за закрытой двери, доносился беспорядочный шум. Затем Бойс увидел впереди свет и понял, что они бегут по широкому подземному пирсу, с обеих сторон которого была черная вода. В тот же самый момент, дверь за ними распахнулась, и крики преследователей, сразу ставшие громче, эхом разнеслись по темному коридору.

— Там лодка, — задыхаясь, выкрикнул спутник Бойса. — В конце пирса — быстрее!

Топот их ног напоминал гром, пока они бежали по старым доскам. Кто-то за ними громко крикнул, что-то просвистело мимо уха

Бойса. Стрела попала в пирс впереди и завибрировала со специфическим звуком.

Ноги преследователей уже стучали по доскам, темное подземное помещение наполнилось эхом топота тяжелых сапогов, барабнящих по деревянному настилу, и криками рассерженных людей. Тетива пропела снова, мимо Бойса просвистела еще одна стрела. Бойс оглянулся.

Рыжий был первым среди преследователей, его фиолетовая накидка развевалась на плечах. Он размахивал обрывком обрубленного кнута — все еще очень серьезного оружия. Остальные бежали за рыжим беспорядочной толпой; в свете ламп, висящих вдоль краев пирса, мерцали мечи.

Среди криков, Бойс различил знакомый раздражающий смех. Он бы вспомнил, чей это голос, если бы у него появилось хоть секунда свободного времени... он бы еще раз подумал о безымянной девушке в короне, после такого длинного, длинного периода забывчивости. Но позже, позже — не сейчас.

Спутник Бойса встал на колено в конце пирса, чтобы отвязать лодку. Он поднял голову, когда Бойс, задыхаясь, подбежал к краю воды.

— Быстрее! — прокричал парень в кольчуге. — Мы успеем! Я... — И тут его взгляд остановился на чем-то за Бойсом, он вскочил на ноги и резко добавил. — Берегись! Сзади!

Бойс развернулся. Рыжий остановился на некотором расстоянии и уже замахивался кнутом. Несмотря на то, что плеть стала короче, ее смертоносность почти не убавилась. Бойс присел на колено, увертываясь от страшного горизонтального удара кнута, услышал над головой свист и изо всех сил бросился на рыжего.

Плечо Бойса попало тому в грудь, он услышал, как из горла врага вырвался сдавленный хрип, и почувствовал, как тело начало падать от мощного толчка. Все случилось очень быстро. К тому моменту, как рыжий покатился по палубе, Бойс уже успел подняться на ноги.

Он схватил меч, который выронил при броске и, распрямляясь, заметил, как мелькнул красный сапог своего спутника. Бойс поднял голову и успел увидеть, как тот радостно прыгает к упавшему, дважды пинает его в лицо и еще одним ударом ноги сталкивает бездыханное тело в черную воду.

Затем Бойс спустился по короткой лестнице к лодке, — первые преследователи были уже совсем близко. Через плечо он увидел, как сверкнули красные ботинки и серебристая кольчуга, и парень в броне запрыгнул в лодку первым. Бойс одним взмахом меча перерезал веревку, крепившую лодку к пирсу.

Как только лодка стала свободной, Бойс тут же почувствовал толчок вперед, и пирс остался позади, словно вмешалась магия. Лодка была очень низкой, длиной чуть больше гребной шлюпки. Выкрашенная в черный цвет, она сливалась с поверхностью воды, и со стороны, наверное, выглядело так, будто Бойс с воином в красных сапогах просто парят над водой.

Какая бы сила ни приводила лодку в движение, она была невидимой. Возможно, двигатель все-таки имелся, но не было ни звука, ни вибрации, которые могли бы это подтвердить. Бойс подумал, что их толкает какая-то сила этого неизвестного мира, обузданная наукой так, как это описывал Танкред, наука такая чуждая, что слово «магия» подходило для ее определения не хуже остальных.

Пока лодка плавно отдалялась от пирса, просвистело еще несколько стрел, но все они упали в воду позади Бойса. Через несколько секунд, когда стало совершенно темно, а крики с пирса стихли, лодка продолжала двигаться в тишине и темноте.

Облегченно расслабившись и придя в сильное замешательство от того, что спутник внезапно перешел на его сторону во время конфликта, Бойс развалился в лодке и тяжело вздохнул.

— Так, — сказал он, — а что дальше?

На фоне тусклого свечения воды, Бойс видел смутные очертания шляпы, головы и ссутулившихся плеч парня. Казалось, он управлял лодкой. В темноте тихо рассмеялись. Это был не очень-то успокаивающий звук.

— Скоро сам все увидишь, — ответил он.

ГЛАВА X. *Не та она*

ВПЕРЕДИ ЗАБРЕЗЖИЛ дневной свет, серый, тусклый свет, единственный, который был знаком этим дрейфующим землям. Лодка проплыла под сводом, и Бойс затаил дыхание при виде того, что открылось перед его взором. Это была огромная круглая башня, казалось, вся покрытая изящным орнаментом, этаж за этажом, а промежутки между ними были застеклены сверкающим хрусталем. Стены башни поднимались из середины озера, похожего на ров.

Внутри Бойс смутно там и тут видел движущиеся тени, больше похожие на пятна, гуляющие по стенам, украшенным резьбой. Стекланная башня, подумал он. А Гиллеам носил на шее стеклянное кольцо. Была ли тут какая-то связь, или Город использовал стекло для постройки зданий и обуздания магии? Бойс вспомнил, что сам прошел через стеклянную стену, чтобы попасть в этот странный мир.

Лодка быстро и ровно плыла по серой воде, рассекая облака тумана, и вскоре, когда она приблизилась к стене, в основании башни открылись ворота.

— Вот мы и дома, — сказал юноша в доспехах и пригнул голову под сводом, когда лодка заплыла в туннель. Бойс сделал тоже самое. Они оказались в водном помещении со стенами из прозрачного стекла, и человек в коричневой тунике, с кольцом на шее спустился по широким ступеням, чтобы принять лодку у своего хозяина.

— Идем, — сказал молодой, выбрался из лодки и стал быстро подниматься по лестнице, сверкая красными сапогами, выглядывавшими из-под тяжелой кольчуги.

Бойс дошел до края платформы у бассейна. Затем стиснул рукоятку меча и оглядел помещение в поисках ближайшего выхода.

— Постой, — мрачно сказал он. — Я ничего о тебе не знаю. Давай все немного проясним, прежде чем я...

— Кажется, — остановившись в дверном проходе, перебил его юноша, — я слышал, как ты воззвал к Ирате.

Бойс одарил его долгим, пристальным взглядом. Тот внимательно посмотрел на него в ответ из-под полей шляпы. Через секунду Бойс сунул меч в ножны на поясе.

— Иди, — сказал он. — Я пойду за тобой.

Он услышал, как парень в кольчуге засмеялся. Затем тот развернулся и пошел вверх по аппарели из прозрачного кристалла, спиралью поднимающейся внутри башни сразу за резными стенами. Изнутри они были прозрачными, и, пока они поднимались, Бойсу открылся вид на весь город, а внизу он увидел узкие улицы, снова наполнившиеся разноцветными толпами.

Ближе к центру Города стояло черное каменное здание, возвышавшееся над крышами соседних домов. Юноша в красных сапогах, остановившись на лестнице перед Бойсом, махнул туда рукой.

— Король, — прокомментировал он.

Брови Бойса поднялись. Коричневая девушка, которая привела его в подземелье, сказала, что это Король призвал *их*. Они темной процессией прошли по этим самым извилистым улицам, затем оказались у высокого, черного здания, где их ждал тот, кто не боялся — или даже Король боялся? — взглянуть им в лица. И по Городу ходили слухи, что это было как-то связано с захватом Керака.

Аппарель кончалась перед раскрашенной комнатой. Три ее стены покрывали изображения птиц и цветов на фоне яркого неба. Бойс мельком взглянул на цветные картины, отвернулся... и с изумлением взглянул снова.

— Голубое небо? — настойчиво спросил он, едва ли осознавая, что говорит вслух. — Цветы, птицы, голубые небеса? Здесь, в Городе?

Хозяин башни подошел к дальнему углу комнаты и расстегнул пояс с кинжалами. Бойс обвел комнату глазами. Четвертая стена была стеклянной, и через нее виднелась панорама городских улиц, тумана и гор за ними, а также можно было разглядеть далекий Керак с крошечным алым пятнышком на самом верху, — заколдованным флагом Керака. Тяжелые золотистые портьеры закрывали все стены, а широкие диваны и глубокие кресла, обитые бархатом, могли разместить множество гостей. Это была роскошная комната.

Но Бойс едва ли заметил все это. Он все еще был зачарован голубыми небесами, нарисованными на стенах, хотя знал, что Город вечно дрейфовал, подчиняясь прибою земли, в мире, который не знал течения времени.

— Что ты знаешь о небе? — повернувшись к молчаливому хозяину, настойчиво спросил Бойс.

Он увидел, как юноша наклонился, чтобы положить на кресло широкополую шляпу с перьями, все еще стоя спиной к Бойсу.

— Столько же, сколько и ты, Уильям Бойс, — неожиданно ответил парень.

У Бойса на секунду замерло сердце.

— Кто... кто ты такой? Откуда тебе известно, как меня зовут?

Молодой все еще не поворачивался. Он поднял обе руки к наплечным застежкам кольчуги, уверенными движениями щелкнул ими и позволил металлической мантии упасть. Под ней на нем были штаны и плотно облегающая туника алого цвета, а на ногах красные сапоги. Юноша поднял руки к голове и резко распустил гирлянду темных кудрей, упавших на алые плечи, когда он повернулся.

Он — он ли? — рассмеялся.

— Теперь ты вспомнил?

Комната закружилась в глазах у Бойса. Было темно, единственным звуком в темноте был стук крови в ушах. Он открыл рот, но слова не выходили. Он все смотрел и смотрел, но не мог ни шевелиться, ни говорить.

Она не носила ни длинного платья, ни железной короны, в которых запомнилась ему. Но горящие глаза цвета яркого пламени и та же ослепительная улыбка: белые зубы и алые губы, никуда не делись. Так же, как и яркий, опасный, зловещий взгляд.

— *Ирата!* — прошептал Бойс.

— Наконец-то, — тихонько сказала она. — Я знала, что, в конце концов, ты вспомнишь.

Она медленно подошла к нему, идя прекрасной, покачивающейся походкой, которую он точно не мог забыть. Оказавшись совсем близко от него, Ирата подняла руки и откинула голову так, что темные кудри легли ей на плечи.

ЕЩЕ НЕ ДОТРОНУВШИСЬ до сильного, нежного тела, Бойс знал, каким оно будет на ощупь. За секунду до того, как они поцеловались, он уже вспомнил, каков будет поцелуй: форму и прикосновение ее губ. Даже пикантный аромат, исходивший от нее, был ему знаком. Бойс еще не все вспомнил, но понял, что за потерянный год он обнимал ее много, много раз.

— А теперь?

Бойс двинул рукой, и темные волосы упали на его плечо приятно пахнущей массой. Они вместе сели на диван перед окном, глядя на великолепную панораму города и холмов за ним.

Он выждал секунду.

— Нет. Немного... совсем чуть-чуть. Но мне нужно узнать все, Ирата.

Бойс нерешительно произнес ее имя. Он все еще не совсем был уверен, сколько ответов даст ему эта встреча. И не был уверен насчет Ираты. Он знал слишком мало.

Бойс вспомнил, как она использовала метательные ножи в драке в комнате с игровым столом, и как дважды пнула врага в лицо красным сапогом перед тем, как столкнуть его в воду, где он, без сомнения, утонул. Он все еще не был уверен, что именно он вспомнил — но ему все казалось, что не вспомнил. Все было как-то не так.

— Ты любил меня в своем мире, мой дорогой, — пробормотала Ирата, прижавшись к его щеке. — Ты любил меня так сильно, что... что пошел за мной сюда. Хочешь сказать, ты забыл наш год на Земле?

Ирата смеялась над ним. Она знала, что он забыл. Знала потому, что сама заставила его забыть. Бойс закрыл глаза и напряг разум, намереваясь доказать, что на этот раз она ошибается.

Медленно, с трудом, короткими обрывками, приходящими какими-то кусочками, память начала возвращаться.

— У нас был дом, — медленно сказал Бойс. — На реке. Ты... это был твой дом. Большой и тихий. Рядом никого не было, кроме... слуг? Пары слуг... — Он внезапно вспомнил смуглого человека, пришедшего, чтобы пришвартовать лодку после того, как они оказались под башней. — Те же самые люди! — с удивлением закончил он.

— Конечно, а что тут такого? Они из моего родного Города, — насмешливо улыбнулась Ирата. — Продолжай. Твоя память лучше, чем я думала. Продолжай — если осмелишься!

Бойс заколебался. Да, в дальнем уголке памяти было нечто пугающее — то, что она знала и хотела, чтобы он отважился вспомнить сам. Он не рискнул. Но продвинулся чуть дальше. Совсем недалеко...

— Я встретил тебя... где-то, — сказал Бойс, ухватившись за размытую картинку, где они вместе находятся в каком-то забытом общественном заведении. — Это произошло... не знаю. Это произошло где-то, случайно...

Рассмеявшись, Ирата сбила его с мысли. В ее смехе были злоба и насмешка.

— Думаешь, случайно? О, нет, это была не случайность, мой дорогой! Я долго тебя искала — или такого, как ты. Одного из потомков крестоносцев.

Бойс уставился в ее ярые глаза. Они смеялись над ним.

— Но это неправда. У меня не было в роду крестоносцев.

Он заколебался. Гиллеам дю Бойс — Уильям Бойс. Те же самые имя и лицо.

— Зачем? — настойчиво спросил он.

Ирата, как кошка, потерлась щекой о его плечо.

— У меня было задание. И есть и сейчас. — На мгновение Бойсу показалось, что он услышал в ее вздохе усталость и искренние чувства. — Я много раз путешествовала по множеству миров, находя много мужчин и женщин, чтобы выполнить это задание. Возможно, ты поможешь мне выполнить его, мой дорогой. Возможно, я, наконец-то, нашла нужного человека.

Бойс ничего не отвечал. Он думал быстро и ясно, глядя, как воспоминания крутятся в его голове, точно в калейдоскопе, картинки, меняющиеся, когда он всматривался в новые сцены, некоторые из которых были важными, а другие — чистым вздором.

Он встречал эту девушку... где-то. Теперь он это понял. И, видимо, мгновенно и неразумно влюбился в нее. Бойс вспомнил часть этого бреда, все еще почувствовал его в этот самый момент в объятиях жаркой, сладостно-пахнущей девушки. Но что-то было не так. Ирата стала какой-то *другой*.

Этот год не вызывал у Бойса вопросов. Он шел за ней, потому что не мог ничего с собой поделать. Это была слепая страсть, одержимость — будто на него наложили заклятие. А она отправилась в большой, тихий, тайный дом на реке в Нью-Йорке. И там, с ним и со своими слугами, она долго, очень долго работала над... чем-то.

Над чем? Бойс не знал этого даже тогда. В его памяти оставались большие пробелы. Пустые места, появившиеся не случайно, чтобы ее цель осталась в тайне, решил он. Но, если Ирата выбрала его из-за сходства и дальнего родства с Гиллеамом — тогда ее задание должно было быть связано с Кераком и уничтожением крестоносцев. Зачем ей это нужно? Преодолеть такое расстояние, шестисотлетний промежуток времени и приложить такие невероятные усилия, словно нечто совершенно обыденное.

И в конце — очень, очень осторожно напомнил себе Бойс, — в конце случилось то, что вспоминать было слишком страшно... нечто, запечатавшее память о целом годе, как рубцовая ткань защищает глубокие раны, которые без нее не заживут.

Какие-то воспоминания о *Них*...

ТЕМНАЯ ПРОЦЕССИЯ шла по реке, поблескивая крошечными огоньками и позвякивая колокольчиками, а дыхание холода, обжигающего, как огонь, предшествующее их появлению, призывало всех наблюдателей укрыться.

Глядя на них из окна верхнего этажа — застыв от непонимания и отвращения, не принимавшего то, что видел Бойс... что-то стоящее в дверном проеме, за которым он наблюдал... и то, как Они проходят через него, словно люди, хотя они никогда не были и не будут людьми.

Ирата повернула голову возле его плеча. Посмотрела на него и улыбнулась понимающей, злобной улыбкой.

— Я предупреждала тебя, — сказала она. — Даже тогда я предупреждала тебя. Ты не должен был оставаться так долго. Так что мне пришлось сделать все возможное, чтобы ты забыл. — Она засмеялась так же легко, как смеялась, когда столкнула упавшего рыжего воина с пирса. — Ты забыл! — весело воскликнула она.

Внезапно Бойс понял, что было что-то не так. Понял так резко, что его тело задвигалось еще до того, как он осознал, что пошелвелился. Он пришел в себя, стоя на ногах и глядя на диван, и догадался, что оттолкнул Ирату и отскочил, будто ее прикосновения были омерзительными.

— Это была не ты, — сказал Бойс странным, хриплым голосом. — Теперь я знаю — это была не ты, а другая!

Он увидел, как ее красивое, яркое лицо содрогнулось, за ним словно вспыхнул огонь и зажег в ее глазах яростный блеск, превративший ее в страшное, злобное существо.

— Нет, я! Это была я! — завопила она.

В ее голосе прозвучала страсть, ярость и странная, дикая скорбь, которую Бойс не мог понять. Но во всем остальном это было зло, чистое, абсолютное зло, он не даже не думал, что когда-либо увидит нечто подобное на человеческом лице. Ни одно лицо не может так выглядеть и быть полностью человеческим.

— Нет! — прокричал Бойс и увидел, как Ирата согнулась, как змея, готовящаяся к броску, и ухватила за нечто, скрытое в свободной верхней части ее высоких красных сапог.

Он должен был внять предупреждению. Должен был увернуться. Но она двигалась слишком быстро. Ирата распрямилась, ее рыжие

волосы откинулись назад, и Бойс увидел что-то черное и размытое, летящее прямо на него. Он видел, как оно приближается, увеличивается до огромных размеров и раскрывается, чтобы загорудить собой всю комнату. Но не увидел, как оно ударило, поскольку его уже там не было, чтобы ощутить или увидеть.

Бойс оказался в забвении, качался на тумане, похожем на облака, движущиеся по дрейфующим землям...

Яркие и регулярные вспышки боли постепенно заставили его очнуться. Он застонал и пошевелился, не понимая еще, что шевелится он сам. Было больно дышать. Бойс открыл глаза и тупо уставился в окно, обрамляющее фантастическую панораму, сумерки и Город, как обычно, освещенный разноцветными фонарями, качающимися на ветру, носящемуся по влажным, узким улицам.

Бойс попытался встать, но не смог. Постепенно он понял, где находится и что с ним случилось. Он лежал на полу рядом с диваном. Его запястья и лодыжки была туго связаны – ужасно туго, – словно Ирата изо всей силы затягивала веревки. Голова болела, и, судя по онемению и колющей боли, его много раз ударили по лицу. К тому же, подумал Бойс, она, наверное, несколько раз пнула его по ребрам, потому что каждый вдох сопровождался болью в груди.

Бойс постарался понять, сколько он уже тут лежит. Время было невозможно определить – если оно, вообще, существовало внутри Города. У него еще оставались незаконченные дела. Годфри все еще находился под стражей, надеясь, что из Керака придет помощь, и Бойс знал, что другие свои обязанности он вспомнит позже, когда голова перестанет кружиться.

Что же произошло? Разумеется, он разозлил Ирату – он точно не знал, как, но затронул самое больное место, раз уж ярость в ее голосе и ее действия были подходящими критериями.

И, тем не менее – это была *не* она. Лежа на полу, Бойс на секунду забыл более важные проблемы этой всеобъемлющей загадки – кем же была та девушка в короне, которую он помнил так ясно. Имя, лицо – они такие же. Но эта девушка с огненными глазами и злом, горящим в ней, как фонарь – нет, это была не она...

Бойс снова пошевелился.

– Ирата, – тихо сказал он сам себе.

Тут же раздались какие-то звуки. В тишине, по полу осторожно прошлепали босые ноги, и над Бойсом склонилось коричневое лицо, незнакомое с этого неудобного ракурса.

– Хозяин, – раздался нежный испуганный голос, – хозяин... Вы меня помните?

ОНА БЫЛА коричневой, с голыми руками и ногами, и носила на лодыжках и запястьях тяжелые золотые браслеты, а на шее — золотое кольцо. Это она привела Бойса в храм Найна на встречу с Иратой и ее воинственными заговорщиками. У него еще не было времени удивиться этому странному совпадению, как и тому, что среди них оказалась замаскированная Ирата.

— Хозяин, — снова прошептала девушка, а ее глаза закатились так, что стало видно белки, пока она оглядывала углы комнаты, высматривая... Кого? Ирату? Была ли она служанкой Ираты, или это был подлинный страх? В Городе он никому не мог доверять.

— Хозяин, я шла за вами, — прошептала девушка. — Я должна вас кое о чем спросить, хозяин. Вы один из людей Джамая?

У Бойса болела голова. О Джамае он знал только имя и то, что его стоит бояться. Он устал от всех этих интриг, в которых так мало разбирался, и в Городе его теперь интересовал только один человек.

— Я подчиняюсь лишь самому себе, — сердито ответил он. — Но если Джамай против Ираты, то я хотел бы встретиться с ним. Ты это хотела услышать?

Все еще стоя над ним, девушка улыбнулась, сверкнув белыми зубами.

— Спасибо, хозяин.

Коричневое лицо быстро исчезло. Затем Бойс почувствовал, как его аккуратно переворачивают, ощутил кожей рук холодное лезвие и то, как спадают невыносимо тугие путы.

— Через секунду будет больно, хозяин, — подойдя к лодыжкам Бойса, предупредила она. — Когда боль пройдет, мы уйдем.

Бойс потер запястья.

— Куда?

— Если боги нас не оставят, и мы сумеем покинуть Город живыми... — ее глаза снова со страхом поднялись, — ... то отправимся к самому заклятому врагу Джамая.

— И Ираты?

Девушка опустила голову, уйдя от ответа.

— Мы должны торопиться, — сказала она. — Лучше не разговаривать, пока не покинем этот дом.

Бойс пожал плечами. Кровообращение восстановилось, и конечности начало покалывать, но, пока он ждал, боль в боку почти прошла, и он был готов идти. Бойс еще успеет расквитаться с Иратой, и он пообещал себе, что так и сделает.

Коричневая девушка отодвинула портьеру и жестом подозвала Бойса. В стене оказалась решетка и крутая лестница, спиралью уходящая в темноту. Хромая, он начал спускаться.

ГЛАВА XI. Новая встреча с Охотником

ДЕВУШКА, НАКОНЕЦ, остановилась перед высокой овальной дверью, поблескивающей серебром в свете ее маленького фонарика, и показала защелку.

— Дальше идти я не смею, — откровенно сказала она. — А ты должен, если желаешь ниспровергнуть Джамая.

— Кто тебя послал? — настойчиво спросил Бойс, говоря так же тихо, как она.

Прежде чем оказаться у этой двери, они прошли по длинным, извивающимся подземным коридорам, лишь дважды выйдя на поверхность, чтобы пересечь пару аллей и одну освещенную улицу. Пестрая городская жизнь не обращала на них никакого внимания. Если Ирата еще преследовала Бойса, значит, ее люди умели растворяться в толпе. И заговорщики, от которых она помогла убежать, тоже, вероятно искали его.

У него была возможность узнать наверняка. Вместе с девушкой он шел окольными путями, потому что, по крайней мере, та пообещала ему хоть какой-то шанс. Один он ничего не мог добиться в этом невозможном городе. А вместе с врагами Джамая — кем бы они ни были — у него, по крайней мере, появлялся хоть какой-то вариант.

— Кто меня послал? — переспросила девушка, держа фонарь так, чтобы рассмотреть Бойса в темном коридоре. — На этот вопрос ответит мой лорд, хозяин. Идите к нему. Но он... он капризный, хозяин. Вы должны пройти остальную часть пути в одиночку, я не смею идти дальше. — Девушка распахнула дверь и отошла в сторону. — Мой лорд ждет вас в конце коридора, хозяин.

Бойс осторожно ступил через порог. Коридор, как и дверь, оказался серебристым, стены пол и потолок были отполированы до зеркального блеска. Над головой висели маленькие лампы, закачавшиеся от ветерка, подувшего из открытой двери. Это был город ламп. Бойс задумался. Город фонарей, стекла и влажных улиц, по которым в вечных сумерках двигались облака тумана.

Дверь закрылась. Он храбро пошел по залу к портьерам в дальнем конце. Его искаженные отражения двигались вместе с ним сверху и снизу. Подняв голову, Бойс увидел самого себя, гротескно сплющенного и передвигающегося вниз головой. А внизу шел невероятный гном в незнакомой одежде с усами и эмблемой в виде креста, его изображение бесконечно повторялось повсюду, куда бы он ни глянул. В искаженной компании самого себя у него закружилась голова.

И Бойс был не один.

Кто-то шел за ним, наступая на пятки, чье-то дыхание обдувало ему щеку, когда он поворачивался. Но этот кто-то был такой же прозрачный, как воздух. В зеркалах он головокружительными мирадами видел только себя. Он продолжал идти.

Кто-то мягко ступал перед ним. Стал доноситься звон металла, как от меча, болтающегося в ножнах, послышался сдавленный смех, и что-то, топая ногами, пронеслось по коридору мимо Бойса, обдав его порывом воздуха.

Что-то просвистело рядом с его лицом, и он почувствовал холодный ветерок. Судя по звуку, это был меч.

Встревоженно оглядевшись, он лишь бесконечное множество раз встретил свой собственный испуганный взгляд. И больше ничего. Но чем бы это ни было, оно не прикоснулось к нему. Бойс вспомнил слова девушки: «Мой лорд... капризный» и мрачно улыбнулся самому себе.

Он хотел, чтобы я пришел, иначе не стал бы ввязываться в такие неприятности, чтобы привести меня сюда, решил Бойс. *Если это проверка нервов — ну, пусть играет в свои игры, кем бы он ни был.*

И Бойс продолжал идти так спокойно, как только мог, не обращая внимания на шаги вокруг него, звуки дыхания и тихие шаги лап животных. Казалось, до портьера в конце коридора было еще далеко, но он не стал торопиться. Его уверенность росла. Он подумал, что, наконец, начал немного понимать, что его ждет.

Бойс раздвинул занавески и вошел в комнату с низким потолком, темные стены которой были завешены расшитыми гобеленами, а на потолке висел полосатый балдахин, то и дело, трепыхавшийся от набегающего ветра. Тут, как и везде, с потолка свисали фонари. В дальнем конце комнаты было возвышение, там стояла низкая кушетка. Но на ней никто не сидел. Комната была пустой.

Бойс, уже начав злиться, осмотрелся. Прежде чем он успел пошевелиться, из-за его спины, откуда он пришел, раздался смех. Он развернулся, наконец, узнав его, этот грубый, рычащий смех. Бойс частенько его слышал, последний раз во вздорной компании заговорщиков, где была Ирата.

Занавески, через которые он прошел, снова разошлись. Секунду там никого не было, — они обрамляли пустой зал, отражающий только собственные искаженные стены и потолок.

Затем занавески опустились, и в комнату вошел смеющийся человек в тигриной шкуре, с трудом держа поводок, который тянули два рычащих создания, похожих на рысей.

— Уильям дю Бойс, — сказал Охотник. — Добро пожаловать в мой дворец. Мы и так долго откладывали нашу встречу.

Бойс нахмурился, глядя на него, но ничего не сказал. Охотник притянул прилизанных, беспокойных зверей к себе, лениво поднялся на возвышение, плюхнулся на диван и улыбнулся гостю.

— Прошу прощения за небольшую выходку в зале, — сказал он. — Разумеется, вы были вне опасности.

Бойс ощутил, как при взгляде на Охотника на него начала наползать надменность Гиллеама.

— Я знал это. Я уже начал думать, что не подвергался настоящей опасности, с тех пор, как покинул Керак, и не подвергнусь, пока ты не получишь то, что тебе от меня нужно. Я столкнулся с множеством угроз. Они все не могли быть просто случайностью.

— **ЗВУЧИТ РАЗУМНО**, — улыбнулся охотник. — А знаешь, почему?

— Хочешь сказать, почему я еще жив? Почему все вышло именно так, как ты задумал? Думаю, я знаю. Потому что ты приложил к этому руку.

Бледное лицо Охотника под полосатым капюшоном на секунду лишилось улыбки.

Ее сменил загнанный вид. Бойсу показалось, что он заметил проблеск того же самого отчаяния, которое он увидел на лице Ираты, когда она вопила в комнате в башне, отрицая его слова.

— Что говорят обо мне в Кераке? — неожиданно спросил Охотник.

— Что ты словно туман на равнинах — движешься туда, куда дует ветер. Но... — Бойс мельком взглянул на него, — думаю, ты и так знаешь, что говорят в Кераке, Охотник.

— Значит, тебе все известно, — ухмыльнулся тот из-под капюшона из тигриной шкуры.

— Известно, что я не был... ну, скажем, один — с тех пор, как впервые увидел тебя на скале, оказавшись в этом мире.

Охотник откинул голову назад и внезапно засмеялся, его постоянное настроение менялось без предупреждения.

— Ладно, не будем играть словами. Да, это был я. И это я защищал тебя в Городе — большую часть времени. Мне кое-что от тебя нужно, Уильям Бойс. У тебя есть возможность оплатить мне за работу... — он выдержал деликатную паузу, — ...убив Оракула Керака.

— Я ничего тебе не должен, — холодно посмотрел Бойс в глаза, ожидающие ответа.

— Ты обязан мне очень многим. Ты сделаешь, как я велю... или тебе хочется посмотреть на казнь Годфри Мореля, друг мой? — Голос охотника на последних словах стал тише, и в нем послышались рычащие нотки.

— Я пришел за ним.

— Ты слишком спокоен, Уильям Бойс. Думаешь, раз ты пока еще жив, то можешь бросать вызов Охотнику? Помни, это я уберегал тебя от опасностей Города. Не стоит делать меня врагом, предупреждаю тебя. Ты увидишь Годфри Мореля... и присоединишься к нему, если захочешь.

Он привстал, и звери на поводке дернулись вперед, а их красивые, но безумные морды наморщились от оскала. Охотник слегка шлепнул по ним свободной рукой, и они снова успокоились.

— Нет, подожди. Ты слишком многого не знаешь. Если я расскажу тебе правду, думаю, ты все-таки решишь мне помочь. Тебя слишком часто обманывали, чтобы ты сейчас мог что-то принять на веру. Например, Ирата — думаю, она кое-что тебе объяснила.

— Совсем немного, — осторожно сказал Бойс.

Он увидел, как на лице Охотника промелькнули характерные чувства при упоминании Ираты, и ему стало казаться, что он начинает догадываться, в чем заключается загадка Охотника. Если Ирата вызывала болезненную, сердитую тоску не только у Бойса, значит, у него с Охотником было, по крайней мере, кое-что общее.

— Ты знал ее в своем мире, — сказал Охотник. — И помог ей с заданием, которое было... важным. Она оставила тебе талисман — холодный кристалл — открывающий врата в этот мир. Подозреваю, ты случайно использовал его и прошел через разбитое стекло на той скале. Я увидел магическую вспышку из своей башни, и, когда я добрался до скалы, ты только начал приходить в себя. — Он замолчал, на лице у него промелькнул странный взгляд. — Я собирался убить тебя, — заявил Охотник.

И Бойс внезапно узнал этот взгляд. В нем была ревность. Да, Охотник тоже любил Ирату и из-за этого ненавидел ее, себя и Бойса, потому что... потому что Бойс провел с ней целый год на Земле.

— Я бы сразу тебя убил, — тихо сказал Охотник спокойным голосом. — Но я не был уверен, что тебя позвала Ирата. Пока ты не ответил на мой сигнал. И к тому моменту... ну, я быстро передумываю, Уильям Бойс. Я потакаю своим желаниям. Я отпустил тебя, потому что мне в голову пришла мысль получше. Поэтому я погнал тебя к Кераку. Я знал, что на замок планируется атака — Джамай удвоил усилия в последнее время, поскольку устал от борьбы и хотел покончить с этим, как можно быстрее. И я подумал: «Если Джамай преуспее, то он все равно погибнет. Дай ему умереть. Но, если Керак выстоит, он будет жить и станет моими глазами и разумом, и я смогу выведать секреты Танкреда». Потому что ты носишь талисман, а у меня, как ты понимаешь, есть над ним власть, так же, как у Ираты. Я сделал его для нее много лет назад, когда она была... не такой, как сейчас. — На этот раз бледное, суровое лицо Охотника

пересекла тень, и Бойс увидел, как оно почти что скорчилось от боли. — Думаю, она оставила амулет тебе, чтобы вызвать тебя, когда будет готова, и, кажется, ты пришел слишком рано. Я увидел тебя слишком рано. Когда она узнала о твоём присутствии, было уже поздно, поскольку я вошел в твой разум с помощью талисмана, и для нее уже не было места. — Охотник засмеялся. — Она пришла в ярость, когда узнала об этом. Она... но ты не знаешь секрет Ираты, ведь так, Уильям Бойс? Ты не знаешь, почему помнишь, будто вы прекрасно провели время, или то, почему сейчас она... другая. Ну, я тебе расскажу. А еще лучше — покажу!

Охотник лениво встал, придерживая бешеных зверей и зашагал к стене у другого конца возвышения. Он потянул за веревку, висящую между портьерами мертвого черного цвета, и они раздвинулись, чтобы открыть взгляду стену идеально чистого зеркала, в котором плыла только серо-голубая дымка, будто это было окно, выходящее на равнины.

— У Танкреда тоже есть такое зеркало, — небрежно заметил Охотник. — Но поменьше. А теперь смотри.

Туман в зеркале раздвинулся, подобно занавесу. Вместо этого там появилось помещение, такое настоящее, будто зеркало являлось окном. Помещение было гигантским, его опоясывали колонны, отражающиеся в блестящем белом полу.

Они в две линии шли к огромному красно-черному трону в дальнем конце. На троне был человек, от его короны отражался свет. Он не был молод и сидел, сильно подавшись вперед, в желтой атласной мантии, почесывая темную бороду и за чем-то наблюдая.

Бойс внезапно закрыл глаза и резко повернулся к зеркалу спиной. Он трясся, на лбу выступил холодный пот.

— Да, знаю, — засмеялся Охотник. — На *них* неприятно смотреть. Но постарайся, друг мой. Они носят мантии, так что тебе не нужно смотреть Им в лицо. Это важно для моей истории... и для тебя.

ГЛАВА XII. Лечение от колдовства

МЕДЛЕННО, неуверенно, Бойс повернулся к зеркалу. Он не мог смотреть на *них* прямо, но сосредоточив взгляд на углу картинки, стиснув зубы и кулаки, сумел обуздать дрожь, чтобы узнать, что произошло в зале с зеркальным полом.

Их было только две, — высокие фигуры в мантиях, полностью скрытые из виду, но движущиеся с невероятной гибкостью, от чего волосы на затылке у Бойса стали дыбом. Они ходили — скользили — вокруг блестящих камней, выложенных на черном полу перед тро-

ном. Их руки в широких рукавах то и дело двигались ритуальными движениями.

— Король Колдунов, — сказал Охотник, — человек, жаждущий власти. Он любит власть и знания, и использует их для собственного блага. Он ведет Город по плывущим землям, как в других мирах управляют кораблям, и ищет новые места, новых людей и новые источники власти. Кроме того, он собирает сокровища. Когда он был молодым, то нашел то, что ценил выше остального — прекрасную светловолосую женщину в чужеземной одежде с красным крестом на груди. Она вышла из замка, построенного на вершинах гор, мимо которых тогда проплывал Город. Король был ей очень рад и взял в свой дворец. Ты знаешь эту историю. Она родила ему дочь, а потом умерла. Он любил дочь, но ужасно с ней поступил. Король не предполагал, как то, что он сделал, повлияет на него или на нее, или на множество людей, о которых он тогда и не слышал. Его дочь была очень красивой. И к тому же мудрой и искусной во многих ремеслах. Когда Король наткнулся на источник силы и знаний, по сравнению с которым все, что он находил прежде, показалось сущей ерундой, то поделился открытием со своей дочерью. Была только одна проблема. Этот источник — те, кто обладали знаниями, которыми он хотел овладеть — были такими чуждыми, что наши глаза не могли смотреть на Них. Они жили в другом городе, находящемся очень далеко, и пришли сюда, преодолев огромное расстояние. Несколько путешественников каким-то образом попали в наш Город, и Король был ими очарован, но у него не было способа общаться с Ними. К тому же, даже он не мог смотреть им в лицо и выносить звук их голосов. И, тем не менее, он не сумел оставить мысль наладить с ними хоть какой-то контакт. Они рассказали ему о единственном способе, благодаря которому они смогут общаться друг с другом. Очень старом способе. Он есть почти у всех народов и во всех древних легендах. Нужно принести в жертву деву. Ей нужно было покориться их колдовству, а потом служить связующим звеном между двумя народами. Человеческий разум, говорили они, слишком сложный, слишком разнородный, чтобы взаимодействовать с такими разумами, как у них. Их колдовство изменит разум девы, разделив его так, что общение станет возможным. Тогда они не сказали, каковы будут другие последствия колдовства. Для жертвоприношения Король выбрал свою дочь. Он посчитал ее единственной, кому можно доверить такой важный пост. К тому же их родство должно было помочь передаче Их знаний Королю. Я ничего об этом не знал. Я очень любил дочь Короля. Если бы я догадался, то обязательно бы вмешался. Но я пришел к началу церемонии и все понял только, когда стало слишком поздно... — Охотник

отвернулся к зеркалу, одернул животных на поводке и склонился над ними, словно чтобы не видеть эту сцену вновь. – Смотри, – сказал он.

Они двигались замысловатыми, жутковато гибкими шагами вокруг огненных камней. В центре стояла фигура в вуали, и Король с какой-то болезненной нетерпеливостью подался вперед.

Из блестящего круга в центре выпрыгнул огонь. Он образовал пирамиду белого света, и, когда она опустилась, вуаль с девушки в центре пропала. Она смотрела из-под железной короны пустыми, невидящими лиловыми глазами. Темные волосы кольцами лежали у нее на плечах.

У нее были красивые, нежные губы, и даже сейчас ее знакомая, изящная, живая красота заставила Бойса внезапно податься вперед и затаить дыхание, забыв даже о существах, расхаживающих вокруг огня, по-змеиному двигая руками в свободных мантиях.

– Ирата... – услышал он свой собственный шепот.

Огонь поднялся снова. Через него стройная фигура в короне была почти не видна. Она мерцала и казалась странно размытой за пламенной ширмой. Затем фигура разделилась, раздвоилась.

Огонь опустился. Внутри горящего кольца стояло две фигуры. Но только секунду. Затем Ирата одним плавным движением приподняла платье и перешагнула через низкое пламя. Ее глаза были ярко-фиолетовыми, цвета огня. А лицо светилось красотой, еще более ослепляющей, чем когда-либо знала прежняя Ирата. Но теперь в ней появилась опасность и яростная, изменчивая ярость.

А ЗА НЕЙ, в заколдованном кольце стояла неподвижная девушка. Не девушка – мраморная фигура, бледная, как камень, совершенно лишенная жизни, мраморные волосы лежали на ее мраморных плечах, а мраморная мантия доходила до самого пола. Ее руки были сомкнуты в замок перед ней, глаза закрыты, а безмятежная, безжизненная, фигура Оракула Керака приняла форму в кольце огня и просто стояла там, пока Ирата легко ушла от того, что осталось от прежней Ираты.

Это было то же самое лицо – если могло быть так, с учетом того, что из нее теперь была высосана вся жизнь. И Бойс понял, что должен был узнать это мраморное лицо в Кераке – или мог его узнать в том нечеловеческом сне, в котором не было искорки, оставшейся у новой Ираты. Но память слишком несовершенна. Он не узнал ни ее лица, ни имени, и в безжизненном Оракуле не было ничего, что могло бы напомнить о прежней Ирате.

Охотник, наклонившись, все еще чесал голову одного из своих рычащих зверей.

— Я любил ее до... того, как она изменилась, — тихо сказал он, как будто зверю. — Как я мог перестать любить ее после? И в ее хорошей половине не осталось ничего, что мужчина мог бы любить, поэтому я продолжал любить новую Ирату, какой она стала — злую, опасную и ужасную для того, кто, как и я, видит не только то, что находится снаружи. Но в сердце моем она все еще та самая Ирата, которую я люблю.

Охотник внезапно ударил рычащего зверя по морде. Тот повернулся и с кошачьей быстротой полоснул по его по руке обнаженным клыками. Охотник засмеялся и оттолкнул зверя.

— Они не смогли уничтожить мраморную статую, которая была единственным, что осталось, когда добрая и безгрешная половина разума Ираты отделилась от злой части, знающей о магии слишком много. Ирата хотела уничтожить ее. Казалось, даже вид статуи приводил ее в бешенство. Она перестала быть прежней Иратой, и мраморное существо напоминало ей о собственной неполноценности, чего она не могла выносить. А Им было все равно. Они получили, что хотели, и больше не собирались помогать. Поэтому Ирата, надеясь прогнать ее с глаз и из воспоминаний, отправила ее в туманные земли. Только боги знали, какие мысли витают в спокойном, каменном разуме Оракула. Но какие-то воспоминания о своей матери привели ее в Керак, и крестоносцы впустили ее в замок. Затем Ирата послала огненную клетку, чтобы Оракула держали в заключении, надеясь, что Город уплывет, и фигура, когда-то бывшая частью ее самой, навсегда останется позади. Но все оказалось не так просто. Две ее половинки разъединились не полностью. Между ними осталась связь, такая сильная, что пока она протянута между Кераком и Городом, те тоже не могут разделиться. Это означает, что Ирата должна захватить Оракула Керака. Но она не знает, как. Тем не менее, уже очень, очень давно пытается добиться желаемого. Сейчас она страшно мудрая — гораздо мудрее меня. Думаю, она знает, как уничтожить свою вторую половину. Но Оракул тоже мудр. И Танкред, маг Керака, тоже в некотором смысле является врагом Ираты. Так что она не могла войти в Керак — пока не нашла тебя.

Бойс внезапно перебил Охотника, медленно достающего воспоминания из своего разума и, казалось, заново переживающего прошлое.

— Ты лжешь, — сказал он со всей надменностью Гиллеама. — Я тоже ее знал.

Он заколебался и не сказал: «Я тоже ее любил». Он любил дружную, настоящую, целую Ирату. Вряд ли они когда-нибудь встре-

тятся снова, но однажды они встречались — Бойс был в этом уверен — и тогда она была настоящей.

— Я знаю. — Охотник взглянул на него из-под полосатого капюшона, в его глазах сверкнула ненависть и ревность, но голос оставался спокоен. — Ты знал ее тогда же, когда и я, в один из тех моментов, когда она настоящая. Понимаешь, бывают времена, когда огненная клетка не сковывает Оракула Керака. Сейчас один из таких периодов, Бойс. — Темные глаза помрачнели. — Ты выслушал меня, Уильям Бойс, потому что нуждался в объяснениях. Но как ты думаешь, почему я решил рассказать тебе все это?

Бойс замешкался. Но, еще не успев заговорить, он почувствовал перемену в лице Охотника, оно стало вдруг ярким и ликующим, как молния, разрезающая свинцовое осеннее небо.

И тут Бойс осознал свою ошибку. Его охватило острое сожаление, понимание того, что он каким-то образом слепо попал в ловушку... и затем, на невыносимое мгновение головокружения, стены перед ним наклонились, уехали вбок и растворились в ревящем хаосе.

Бойса окутал кружащийся туман. Другой разум, другая сила использовала его, как человеческая рука управляет механизмом. Тело, глаза и мысли перестали быть его собственными. Он ненадолго попал в место, где нет ни времени, ни света, в крепость, находящуюся в самой глубине разума, куда не сможет забраться ни один вор.

Чудовищная клаустрофобия ослабла и вскоре исчезла совсем.

БОЙС СНОВА стоял перед смеющимся Охотником.

Когда он попытался говорить, с его губ слетели хриплые, бессмысленные звуки. Глаза Охотника победно засверкали.

— Сложно говорить, да, Бойс? — усмехнулся он. — Это продлится недолго. Через пару секунд это ощущение пройдет. Когда человек покидает свое тело, вернуться не всегда просто.

Бойс сгорбил плечи, ощутив такой гнев, какой ему прежде не доводилось испытывать, гнев на этого колдуна, использующего его просто так, как человек натягивает перчатку, а затем снимает ее.

Бойс почувствовал, как тепло возвращается к его конечностям, хотя он только сейчас понял, что они онемели.

— Ты...

— Говори! Ты оказал мне огромную услугу, Бойс. Я, по крайней мере, обязан дать тебе честный ответ.

— Что ты заставил меня сделать?

Лицо охотника стало серьезным. И теперь в его глазах заблестело нечто, очень похожее на безумие.

— Ты выполнил для меня одно поручение. Не твоё тело — другая часть тебя, твой разум, возможно, твоё душа. Секунду назад я по-

слал ее в Керак. Ты забыл мои слова? Сейчас один из тех коротких периодов, когда Оракул не скована огненной клеткой.

– *Что ты сделал?*

– Я использовал тебя, чтобы позвать Оракула сюда. Будучи свободной, она может ходить, где ей вздумается – но заклятие пустоты держит ее даже сейчас. Она идет в Город, потому что ты позвал ее, Бойс.

– **С ЧЕГО БЫ ЕЙ** отвечать на мой зов? – хрипло спросил Бойс.

– А разве женщина не должна идти на зов своего любовника?

Охотник отчеканил эти слова так резко и точно, будто во рту у него было острое лезвие ножа. А на лице была написана чистая ревность.

Любовник? Муж? Но это Ирата приходила на Землю...

– Если хочешь, я лишу тебя жизни, – тихо сказал Охотник. – Это самый лучший вариант. Лучше, чем жизнь. Возможно, в смерти ты воссоединишься с Оракулом Керака.

Ложное спокойствие Охотника, вызванное страстью, разлило Бойса больше, чем насмешки. *Этот колдун может управлять мной также легко, как ветер поднимает с земли листья*, подумал он. *Но...*

– К черту твою магию! – проревел Бойс.

Холод покинул его конечности. Огонь ярости расплавил парализующий лед.

Охотник так долго сражался при помощи магических рапир, что, видимо, забыл более примитивные методы борьбы. Кулак Бойса попал ему в челюсть, и от этого мощного, свирепого удара руку Бойса встряхнуло до самого плеча.

Он сделал это просто так, движимый внезапным, инстинктивным отвращением к липкой паутине колдовства, в которой запутался, как только попал в этот чужой мир – и даже еще раньше.

То, что Охотник использовал Бойса, его разум и тело, с презрительным безразличием к его собственным требованиям, вдруг стало невыносимым. И эта кипящая, ищущая выхода ненависть вылилась в удар, заставший Охотника врасплох и оттолкнувший его к стене.

– Магия! – воскликнул Бойс с ненавистью в голове. – Вот как ее нужно лечить!

Но Охотник не мог ответить. Он был смятой, безмолвной фигурой, а по щеке у него стекала струйка крови.

Жуткий, пронзительный крик заставил Бойса повернуться. Он забыл про свору. Огромные пятнистые кошки встревоженно и беззвучно ходили взад-вперед по замысловатой траектории. Красивые, но безумные морды неотрывно смотрели на Бойса.

Он быстро оглядел комнату. Золотисто-черные портьеры расходились волнами от дыхания ветра. Бойс осторожно сделал шаг в этом направлении.

Затем другой. Свора все еще колебалась. Бойс дотянулся до портьер и скользнул под них. Как он и догадывался, там был проход. Металлическая дверь была нараспашку, а ему в лицо, покрытое потом, подул приятный ветерок.

Из комнаты позади, раздался печальный вопль зверей, в котором было нечто нечеловеческое. Вопль повторялся снова и снова.

Бойс плечом захлопнул дверь. Засова на ней не было, только защелка, но ее можно было открыть с обеих сторон. Если Охотник придет в себя...

Бойс неприятно ухмыльнулся и расправил широкие плечи.

Затем повернулся и принялся вглядываться в тусклые, голубые сумерки туннеля.

ГЛАВА XIII. *Король мертв*

БОЙС какое-то время думал, что стены завешаны занавесками с фантастическими рисунками. Но затем увидел более четко. Чья-то искусная рука вырезала на этих стенах барельефы. Там были джунгли: корни, ветви — или, возможно, змеи, — за переплетениями которые не мог уследить глаз. Камень стен был разноцветным, изрезанным яркими бороздками и поблескивающим слюдой и драгоценными камнями. Стены и крыша туннеля, казалось, являлись переплетающимися ограждениями из корней.

Через крошечные щели в резном камне пробивался голубоватый свет, словно весь барельеф крепился на светящейся поверхности.

Какой-то инстинкт заставил Бойса опустить руку к бедру, но меч там не оказалось, его, без сомнения, забрали, пока он находился в заключении у Ираты. Он не хотел думать о ней.

Бойс не мог вернуться. И Охотник должен был скоро очнуться, если запах крови не разбудил у своры голод.

Бойс тихо шел по коридору. Переплетающиеся кольца на стене и потолки были неподвижными. Тем не менее, его ни на секунду не покидало покалывающее чувство тревоги, будто тут таилась какая-то чудовищная опасность. Словно он шел рядом с плененой, способной в любой момент разорваться, которая уже разорвалась, и из неизвестного, ужасного места пахло чуждым ветерком.

Нервы... ну, у Бойса были причины нервничать! На его суровом лице расплылась широкая улыбка. Резко попасть из нормальной жизни в лабиринт древнего и чуждого колдовства и интриг было

делом вполне обычным для эпохи Гиллеама из Нормандии, общавшегося с ведьмами, колдунами и сарацинскими магами, и свято в них верящего. Но Бойс-то не верил. То, с чем суеверный крестоносец слепо соглашается, современному человеку кажется вздором.

Возможно, подумал Бойс, он слишком много принимает на веру. Он должен был во всем сомневаться с самого начала. Хотя его разум не совсем принадлежал ему. Большей частью, он являлся инструментом в умелых руках других.

Справа, посреди резных корней, показалась резная каменная голова какого-то животного. Каменные глаза смотрели, но ничего не видели. В них – за ними, – казалось, росли поблескивающие угли.

Тишина сгущалась.

Бойс продолжал идти. Барельефы слева и справа не заканчивались. На некоторых были животные, на других люди.

В самом конце он на секунду остановился перед одной из каменных масок и посмотрел на нее. Из челюсти рос корень, странно деформирующий морду, но вырезанный из другого материала, нежели другие серые, гранитные маски, которые попадались Бойсу на глаза. И, под кольцами усов, он разглядел темные контуры тела.

Скульптор в подробностях вырезал даже радужные оболочки и зрачки открытых глаз морды. Она походила на... Она выглядела, как...

Каменные губы шевельнулись.

С трудом двигаясь с сухим, каменным скрежетом, который был бесконечно ужасным, голова заговорила.

– Бойс, – простонала каменная морда, а каменный язык прощелкал по каменным зубам, выговаривая имя. – *Бойс!*

Тут Бойс узнал лицо и понял, какой конец ждал Годфри Мореля. Хотя этот конец еще не пришел.

ОН ПРОТЯНУЛ руку к отвратительным резным корням, но нечеловеческий голос остановил его.

– Стой! Не прикасайся к стенам! Не трогай их!

Бойс понял, что дрожит. Он облизнул пересохшие губы.

– Годфри, – сказал он. – Что... разве тут нет...

– Послушай, – сказал Годфри Морель каменным языком. – Очень скоро я... замолчу. Но до этого... – Щелчки прекратились.

– Что я могу сделать? – хрипло спросил Бойс. – Эти существа...

– Я уже стал их частью, – ответил Годфри. – Частью. Это адское растение. Дьявольское. Здесь находятся его корни, но по всему городу, внутри стен, под полом, в тайне растут усики. Это растение Джамая – его шпион.

– Джамая?

– Дьявольское существо, – усилившимся голосом сказал Годфри. – С его помощью он узнает все секреты Города. Внутри стен растут усики, они слушают... видят... и, когда Джамай приходит сюда, отвечают на всего его вопросы. Я видел, как это происходит! Растение нужно иногда кормить мозгами живых существ, иначе оно станет обычным растением. Он создал его давным-давно – с помощью колдовства.

Колдовства? В этих пугающих голубых сумерках было легко поверить в такое объяснение, но поскольку Бойс недавно узнал, что Охотник тоже уязвим, он не мог принять это на слово. Растения могли реагировать на внешние раздражители – это называлось гиперчувствительностью – растения, по факту, могли видеть, слышать и ощущать вибрации. Даже в Бербанке знали о мутации растений.

Под воздействием определенных аномальных раздражителей, существование такого чудовищного растения было теоретически возможно – гиперчувствительное растение, поддающееся прямому контролю, впитывающее мозговую ткань и, возможно, саму энергию разума. Специальное растение, которым можно управлять, как машиной!

Теоретически это было возможно. Но это не уменьшало ужас, вызываемый чудовищем. Бойс почувствовал слабую тошноту, уставившись на бледное, застывшее лицо на стене над ним.

– Я уже почти часть... этого существа, – сказал Годфри Морель. – Я узнал кое-что... из того, что известно ему. В нескольких частях Города есть контрмагические башни, отгоняющие адское создание. Например, оно не может проникнуть во дворец Короля. Оракул идет сюда. Джамай попытается убить ее. Ирата... ненавидит Оракула. В Городе есть только одна сила, способная... – Голос стих, но через секунду заговорил снова, менее четко. – Тяжело... говорить. Иди к Королю. Думаю... он сможет помочь... ненавидит Ирату также, как она... ненавидит его. Скажи ему... Джамай позвал Оракула сюда...

– Подожди, – сказал Бойс. – Это же Охотник...

– Ты только ушел от... Джамай.

– Нет. Годфри, ты ошибаешься. Я сбежал от Охотника.

– Охотник... и есть Джамай. Тот же... – Из разинутого рта каменного лица вырвался хриплый стон. – Под драконьей мордой... потайной ход! К Королю – быстро! *Быстро!*

И лицо окаменело!

– Годфри, – сказал Бойс и затем прокричал. – *Годфри!*

На него смотрели каменные глаза.

Голубой туннель наполнила тишина.

Бойс продолжил идти. Тошнота все еще не отпускала его, но то, что у него теперь появилась какая-то задача, придало ему сил.

Годфри Морель рассказал ему совсем немного, но Бойс догадался, что Король этого заколдованного Города мог оказаться союзником. Или, по крайней мере, врагом его врагов.

Ирата и Оракул были одним и тем же... когда-то давно. Король Колдунов мог ненавидеть Ирату, но почему бы он ненавидел Оракула?

И то, что Охотник... это Джамай? Бойс попытался понять, в чем тут смысл. Зачем Охотнику прикидываться Джамаем или наоборот? Зачем...

Охотник – или Джамай, или они оба, – если пришел в себя после ошеломляющего удара Бойса, то бросился в погоню. Вместе со своей сворой. Бойс быстрее пошел по голубому проходу.

В конце он нашел морду дракона. Каменную морду. Такое существо никогда не существовало на Земле. Бойс увидел предтечу древних деревянных гравюр, хотя где резчики видели источник, он не мог понять. Чудовищная, оскалившаяся морда нависла над ним, вдаваясь в коридор так, что Бойсу пришлось осторожно протискиваться боком, чтобы не задеть поблескивающие стены с гирляндами цветов.

Зная, что теперь делать, Бойс стал больше, чем прежде, бояться коснуться ярких, неподвижных усиков, являвшихся голодными корнями мутировавшего растения, которое создал Джамай.

ДРАКОНЯ МОРДА была огромной, ее нижняя челюсть покоилась на каменном полу, а чешуйчатое рыло повисло в метре над головой Бойса. Он мог войти в этот невероятный, разинутый рот. Все вокруг морды заросло корнями. Если тут и был потайной ход, Бойс не сумел понять, как его открыть, не коснувшись стен. Возможно, переплетенные завитки были не опасны... но ему так не казалось. Когда он задел плечом барельеф, его кожа сморщилась.

Драконью морду со всех сторон окружали отростки. Но внутри этой разинутой пасти...

Бойс заглянул в нее. Голубоватое свечение проникало совсем не глубоко. Разумеется, если это был проход в другой туннель, Охотник – Джамай – уже знал об этом.

Слегка пригнувшись, Бойс вошел в драконью пасть. Перед собой он увидел занавес из каменных корней – стену. Его окатило волной разочарования.

Когда он повернулся, чтобы выйти обратно, неровная поверхность под ногами подвела его. Бойс споткнулся и случайно ухватился за ближайший предмет.

Бойс удержался, но было уже поздно. Рукой он дотронулся до стены...

Нет, не дотронулся! Ладонью он ничего не почувствовал. Это значило... Он осторожно вытянул руку снова. Стена была видимой, но не осязаемой. Рука прошла через каменные корни, которые он едва видел.

Бойс медленно выставил ногу. За стеной был пол.

Он прошел через несуществующую преграду и оказался в беззвучной, крошечной темноте.

Это ощущение длилось лишь секунду. Почти сразу он почувствовал рядом быстрое движение. Его обдало сильным порывом ветра. Тем не менее, движение было хаотичным, словно он стоял в машине, мчащейся через Сердце города, неизвестно куда. Неужели Король построил это – чем бы оно ни было – чтобы следить за Джамаем?

Быстрое движение прекратилось. Возник свет, бледный и бесцветный. Бойс стоял в крошечной, не имеющей никаких особенностей комнатке. Но лишь секунду его окружали белые стены тюрьмы. Потом пространство увеличилось.

И перед ним появился тронный зал Короля – или бога!

Именно это помещение показывал ему Охотник в зеркале на стене. К огромному черно-золотому трону, на котором неподвижно сидела фигура в короне, вел двойной ряд колонн.

Но кое-что еще зеркало Охотника не показало. Зал был гигантским, а крышу и стены заменяла колоссальная полусфера, прозрачная, как стекло, закрывающая его, словно пузырь. Бойс увидел купола и меньшие здания Города Колдунов. Туман скрывал дали, но через мгновение все пропало, прежде чем он успел сфокусировать зрение.

Бойс осторожно пошел вперед между огромных колонн. Он увидел в блестящем черном полу отражение – не свое отражение, а нахмуренного Гиллеама дю Бойса. Сам Гиллеам в этот момент захотел бы, чтобы у него оказался меч и, странно, но и у Бойса зачесалась ладонь, чувствуя те же ощущения. Однако он был не вооружен.

Человек на троне по-прежнему не шевелился. Он смотрел на Бойса. Единственный звук исходил от тяжелой поступи Бойса.

Бойс подходил все ближе и ближе, и вскоре оказался перед тронном.

– Уходи. Уходи отсюда, – сказал король.

В его голосе не было никаких эмоций, – только мертвенный холод полного безразличия.

Бойс прокашлялся, затем упрямо покачал головой. Король или не король, колдун, ученый или человек, он не уйдет, пока...

– Уходи. Тебя позовут, когда я буду готов. А сейчас уходи.

БОЙС СТИСНУЛ зубы и шагнул вперед. Человек на троне предупредительно поднял руку. И теперь, когда откинулся широкий рукав, Бойс увидел, что у Короля на коленях лежит обнаженный меч, блестящий холодным, стальным светом. Но Король не прикасался к мечу.

– Если ты подойдешь ближе, то умрешь, – сказал бесстрастный голос.

Желтая мантия туго обтягивала грудь Короля. На ней был узор из иероглифов, которые Бойс не смог прочитать. Его внимание ненадолго привлек рисунок – и он уставился на него, не веря своим глазам.

Затем он сделал еще один шаг. Человек на троне не пошевелился даже, когда Бойс положил ладонь на его атласную мантию.

Сердцебиения не было. Через желтую, плотную ткань прощупывалась холодная плоть.

Даже сейчас Бойс не поверил, пока не поднес к губам Короля лезвие стального меча. Его поверхность не запотела.

– Ты первый человек в этом мире, узнавший правду, – сказал голос Ираты. – До тебя никто не смел приближаться к трону.

Бойс повернулся, когда прозвучал ее смех, и схватился за рукоять меча.

Она стояла рядом с ним, насмешливо улыбаясь алыми губами. Сейчас она носила длинную мантию, а на ее голове была железная корона. Она отражалась в черном полу, и Бойс вспомнил видение, которой показывал ему Охотник – женщина расщепилась и разделилась на две – Ирату и Оракула, – под действием неизвестной науки.

– Да, Оракул Керака, – сказала она. – Думаю, я выиграла эту игру, даже хотя Джамай кинул кости первым. Я даже и не надеялась – что смогу привести Оракула прямо *сюда*. Джамай почти что заслужил благодарность.

Бойс холодно посмотрел на нее. Затем достал из кармана кристаллический камень и покачал его на ладони.

– Кажется, это дает тебе власть надо мной, Ирата, – сказал он. – Может, мне разбить его?

– Как хочешь, – пожав плечами, безразлично ответила она. – Без него ты не сможешь вернуться в свой мир. И у меня гораздо меньше сил, чем ты думаешь.

Ирата кивнула в сторону Короля.

– Я могла бы убить тебя, если бы захотела. Но, возможно, ты мне понадобишься. Ты выполнил мое задание. И к тому же узнал, что Король, мой отец – мертв, и это должно держаться в тайне, если только не...

– Мертв?

– Он умер уже давно.

– После того, как тебя разделили?

– Значит, тебе все известно, – спокойно посмотрела на него Ирата. – Полагаю, тебе рассказал Охотник... Джамай. Да, мой отец умер после этого. Он попытался использовать знания, которые доступны только Им. И поэтому умер. Но у меня есть кое-какие умения. Король умер, но тело его можно контролировать извне, как и разум. По моему плану, Король должен оставаться живым. – Ирата снова улыбнулась. – Называй это гипнозом. А можешь считать, что тело на троне перед тобой – робот. Я могу им управлять, заставлять действовать и говорить.

– А сейчас ты его контролировала? – спросил Бойс.

– Нет. Когда кто-нибудь сюда входит, оно автоматически говорит определенные фразы и производит кое-какие действия. Оно сказала тебе что-то, да? Если бы ты был жителем Города, то подчинился бы и отступил. Даже Джамай никогда не смел приближаться к Королю.

– Я оставлю кристалл у себя, Ирата. Я собираюсь вернуться – когда смогу. Но не лезьте в мой разум! Ни ты, ни Охотник.

Ирата дернула точеными плечами, сделав жест, который Бойс не смог понять.

– Джамай? Интересно, какой дьявол им движет, не считая дьяволов его разума? Думаю, он сошел с ума. Когда я с Оракулом была единым целым, он любил меня. Потом, после этого – он продолжал любить *меня*, но этого было недостаточно. А знаешь, почему?

Ирата взглянула на Бойса из-под длинных ресниц, слегка улыбнувшись.

Да, он знал. Древние легенды дали ему ответ, истории об ангеле и демоне, сражающихся за человеческую душу. Аллегория Джекила и Хайда, и сотни подобных сюжетов.

ГЛАВА XIV. Лед и Пламя

ИРАТА БЫЛА злом. Не бессмертной – но, с другой стороны, полностью свободной, не скованной узами совести, сожаления или сочувствия. Она была такой же аморальной, как и нечеловеческие существа, создавшие ее из настоящей женщины.

Добро и зло, неразрывно соединенные в человеческом разуме, где каждая часть уравнивает другую, – необходимы друг другу. И разделить их возможно только наукой, находящейся за пределами человеческого понимания.

Но это разделение произошло. Оракул была не менее чудовищна, чем Ирата. Психиатрия встречалась со случаями шизофрении, раздвоения личности, когда в одном разуме было две личности. Иногда одна личность была просто святой, а другая – совершенно порочной и злой.

Но тут разделение свершилось. Отрицательные и положительные стороны разума, души и тела разделились. Никто, подумал Бойс, не смог бы любить Ирату, не сойдя с ума. Поскольку теперь он точно знал, что она не человек.

– Да, – тихо сказал он. – Я понимаю, почему Охотник не смог – почему этого недостаточно. Когда я любил тебя, Ирата, ты была не такой.

– Да, – кивнула Ирата. – Раз в цикл мы с Оракулом ненадолго становимся одним целым. Но власть все равно остается у меня. Я главная, я могу делать, что хочу – с некоторыми ограничениями. И пока мы в одном теле, я не могу навредить ей, не навредив себе. После того, как мы снова разделяемся, я некоторое время нахожусь в трансе. К тому времени, как я прихожу в себя, *она* уже находится в Кераке, где я не могу достать ее.

– Значит, на Земле... – кивнул Бойс.

– Мы были единым целым. Но я была во многих мирах. Это возможно только когда мы в одном теле, – она нужна мне. Я уже сказала, что не могу убить ее там. Огненная клетка и многое другое не дает мне этого сделать. Я не могу достать ее в Кераке.

– Ты хочешь ее убить?

Бойс показалось, что Ирата немного побледнела.

– Нет. Она часть меня, даже хотя мы в разных телах. Убить ее – значит рискнуть собой. Но я... я в опасности. Что, если мы когда-нибудь снова воссоединимся?

Ирата подняла руку, чтобы остановить Бойса.

– Нет! Я хочу всегда быть такой, как сейчас! Свободной делать то, что мне хочется! Свободной открывать врата Вселенной, если – и если – мне вздумается, я буду править, властвовать и не чувствовать печали! Если мы с ней соединимся вновь, и я не окажусь главной – ее дурацкие чувства, ее пустая совесть не дадут мне делать то, что я хочу – нет! Я буду здесь править! Я знаю, как сковать Оракула навсегда так, чтобы ее никто не смог найти и откуда она не сможет мне ничего сделать. До сегодняшнего дня я не могла вытащить ее из Керака, не считая тех периодов, когда не смела ее трогать, потому что мы были единым.

– С тобой во главе. Понятно. Значит, на Земле я знал не тебя...

– Ты знал нас обоих. В одном теле. Я путешествовала по разным мирам, пытаясь найти ключ к Кераку, к Оракулу. Поскольку

мне нужно было узнать, как проникнуть в замок и вывести ее секреты и то, как Танкред защищал ее и каким сильным он стал. Я не могла пойти сама. Как и в разуме того, кто стал бы мне помогать, поскольку Оракул может читать мысли людей. — Ирата искося, с торжеством взглянула на Бойса. — Я нашла способ. Даже два. Наконец, мне в голову пришла очень простая мысль — найти того, кого она полюбит. Она любила тебя, Уильям Бойс. Я знала, что мы с ней в одном теле, у нас разные разумы, но одна плоть — о, я читала ее мысли! Хотя что-то, наконец-то тронуло ее ледяное сердце. Я торчала в твоём мире, пока не убедилась. Я поняла, что если ее любовник — ее муж — позовет, она придет. — Смех Ираты был приятным, но холодным. — Я пробыла там, пока не стала уверена, что пробудила в тебе такой же огонь. Пока не убедилась, что знание, как попасть сюда, осталось в твоём разуме вместе с желанием следовать за мной. Но потом... потом, Уильям Бойс, твою память пришлось стереть. Ты понимаешь, почему. Если бы ты попал в Керак, зная все, что знаешь сейчас, Оракул прочитала бы твои мысли, и Танкред сделал бы с тобой тоже самое, что и с другими моими посланниками. Когда моя работа была закончена, — я вызвала Их к себе на помощь. Я знала, что Их присутствия будет достаточно, чтобы загнать воспоминания обо мне и о том времени, что мы провели вместе, глубоко в твоё подсознание. Если ты мудр, то оставишь их там! Теперь я достигла цели. Хотя Джамай перехитрил меня и использовал кристалл, который ты носишь, чтобы вторгнуться в твой разум ещё до меня, он сделал все, что нужно. Оракул слепо идет ко мне в руки! Уже скоро, очень скоро, долгое ожидание закончится! — Ирата приятно улыбнулась. — Я хочу, чтобы ты помог мне, — сказала она. — Я объяснила тебе, что во время каждого цикла мы с Оракулом становимся одним целым. В прошлом я была главной. Но она становится сильнее. Думаю, когда-нибудь она возьмет верх... и найдет способ одолеть меня. Навсегда сделать меня рабыней в собственном теле, находящимся под её контролем. Этого не должно случиться. Ты поможешь мне сковать её, если мне понадобится твоя помощь. А взамен...

ИРАТА посмотрела Бойсу в глаза. Бойс оперся на меч и стал ждать, не улыбаясь.

— Вместо ледяной статуи... кое-что получше. Целая, настоящая Ирата, которую ты иначе больше не познаешь. А эта ледяная статуя — ты умрешь от холода, — сказала она и внезапно засмеялась, диким, беззаботным, радостным смехом, пронзительно отражающимся эхом от колонн. — Со мной в объятиях, Уильям Бойс, ты не станешь даже думать о льде!

Ирата еще раз шагнула к нему. Он по-прежнему опирался на меч, осознавая сильное притяжение, которое чувствовал к ней, виной чему была экзотическая привлекательность ее стройного, трепещущего тела.

– Джамай уже пытался, не правда ли? – тихо спросил Бойс.

Губы Ирата перекошились. Когда в глазах сверкнула дьявольская ярость, ее красота на секунду померкла.

– Да, пытался, – ответила она. – Он любил нас обеих, когда мы были в одном теле, до того, как мой отец вступил в сделку с Ними. Было бы лучше, если бы я стерла и его память, как стерла твою. Поскольку Джамай помнил, какой я была, и не смог разлюбить меня. А я... что я такое, Уильям Бойс?

Холодная рукоятка меча все еще была у него в руках.

– Не знаю, – хрипло ответил он. – Но могу сказать: ты то, что не должно существовать. Человек – женщина – должен быть смесью добра и зла, если так можно выразиться. Вероятно, крестonosцы были не так уж суеверны, когда писали о ламиях – женщинах-демонах. Ирата, *тебя* никто не сможет полюбить, не сойдя с ума. Если Оракул – лед, то ты пламя, уничтожающее все, к чему притронется.

– Значит, Джамай сумасшедший, – ответила Ирата. – Возможно, его разум разделился, как моя душа и тело. Возможно, он попытался создать двух себя, как Они сделали со мной. Но только у Них есть такая сила. Когда разум раскалывается таким образом, это безумие. Иногда Джамай – это Джамай, ненавидящий нас обеих и стремящийся уничтожить. Иногда он Охотник, которому на все наплевать, он даже пальцем не пошевелит, если мир начнет рушиться прямо здесь и сейчас. Но он любил меня до того, как Они наложили свое заклятие, и связан со мной – с Иратой – неразрушимыми узами... и он должен умереть. Я не могу доверять его ветреному разуму.

Ирата вытянула руку и дотронулась до меча, который держал Бойс.

– Ты поможешь мне. Если у тебя не будет больше ничего – разве я не желанна? Посмотри на свою заледеневшую любовь... и реши.

Она махнула рукой в сторону. Бойс повернул голову туда же.

По длинному проходу, ведущему к трону, между колонн медленно шла Оракул Керака. Ее руки были сомкнуты впереди, глаза закрыты, а мраморные волосы гладкими волнами лежали на мраморных плечах. Она безмятежно и уверенно шагала к Бойсу с Иратой, словно ее разум видел четче, чем незрячие глаза.

И теперь он понял, что эти две женщины действительно одно целое. Лед и пламя, добро и зло – и более того. Дело было не просто в морали. Это было положительное и отрицательное, каждая половинка являлась законченным... и неземным существом!

Но добрая половина была более неземной, чем злая.

Оракул подошла прямо к Бойсу. Остановилась. И затем в первый раз он увидел, как порхнули ее ресницы. Белые веки поднялись. Ее глаза были голубыми – как лед, такой, который можно найти внутри айсбергов. Но там было кое-что еще.

Бойс увидел в глубине, на самом дне, нечто, похожее на... жизнь? Осознание происходящего вокруг? Внутри мраморной статуи был заключен разум, подобно тому, как тело Оракула находилось в огненной тюрьме, пока она не вышла оттуда по зову Джамая. И разум... вспомнил.

Бойс содрогнулся до глубины души. Он любил их обеих, когда они были одним целым. Теперь их стало две. Изумившись, он понял, что каждая притягивала его по-своему, и на секунду ощутил сильную дезориентацию, словно стеклянные стены перед ним раздвинулись – даже более того – словно он сам начал делиться пополам.

Черный сад зла – пахнущий отравляющим ароматом цветов, пылающих чувственной страстью – обещающий утоление неслыханных желаний, безумное наслаждение, какого никогда не знал человек...

Богиня светящегося хрусталя, чистая и недоступная, как звезды... пламя, скрывающееся за холодными голубыми глазами, намекающее о далекой любви, прячущейся за стенами льда...

Они стояли бок о бок, те две, которые когда-то были одной.

И одна обещала больше, чем когда-либо получал человек.

Ты мой муж. Ты мой любовник. Ты взял меня в жены, как эту замороженную богиню. Мы пройдем через миры огня, цвета и звука, под морями безымянных планет, сквозь врата пространства и времени. Смерть и безумие не будут иметь значения. Мы преодолеем верхние, величайшие границы власти и будем править Вселенной, как бог и богиня.

Но тлеющие угли подо льдом глаз Оракула не стали ничего обещать и просить.

Они сказали – я люблю тебя. И этого было достаточно.

ИРАТА УВИДЕЛА, как изменилось лицо Бойса. Он шагнул вперед и посмотрел на нее, защищая Оракула своим телом. От такой горькой насмешки ее алые губы страшно искривились.

– Ты мог помочь мне, – тихо сказала он. – Это опасно, но раз ты так решил, другого выхода нет. Тебя ждет смерть... глупец!

Взгляд Ираты сосредоточился на чем-то позади Бойса. Она сделала руками быстрое, замысловатое движение, ее стройная фигура напряглась. Затем она тут же расслабилась.

— Они идут, — сказала она. — Я призвала их раньше времени — раньше, чем завершится цикл. Это очень опасно.

Бойс правой рукой поднял меч. Ирата засмеялась.

— Меч против... *Них*?

— Нет, — ответил Бойс. — Против тебя, Ирата.

Меч завис в воздухе, угрожая перерезать ей горло.

Она посмотрела на Бойса безо всякого страха.

— А как насчет твоей любви? Убьешь меня — умрет и она.

Бойс опустил меч.

— Если ты не лжешь.

— Попробуй и сам увидишь. Посмеешь?

— Нет, — сказал он. — Но я могу отправиться в свой мир, у меня есть кристалл. И возьму ее с собой.

— Попытайся.

Бойс повернулся и сделал шаг к выходу. Оракул охотно последовала за ним, хотя ее лицо по-прежнему ничего не выражало. Он снова взглянул на Ирату, и кое-что в ее глазах заставило его остановиться.

— Подожди! — воскликнула она. — Кристалл...

Бойс сделал длинный шаг к ней, снова подняв меч.

— Я забыл! Ты попыталась через него остановить меня, не так ли? Но... — Он заколебался. — У тебя не получилось. Верно? Ты потеряла свои силы!

— Я не потеряю их, пока ты жив! — выпалила Ирата. — Я не настолько слаба!

— Ты попыталась взять мой разум под контроль, — сказал Бойс. — Но у тебя не вышло. Почему?

— Что-то помешало мне... Я почувствовала это, как только ты вошел в тронный зал. Я... прислушайся!

Окружающий воздух дрожал. До ушей Бойса дошел тонкий, пронзительный звук, напоминающий гул в голове, от которого нельзя избавиться. Он становился громче и отчетливее. Раздался звон крошечных колокольчиков. И слабый холодок, не похожий ни на один другой холод, не считая...

— Они идут! — закричала Ирата. — Раньше, чем я думала. О, вас двоих ждет опасность... всех, кроме меня!

Ее смех был громким и ликующим, а у Бойса появилось исчезающее чувство, что в этом звуке он услышал что-то похожее на звон колокольчиков, доносящийся от Них. Ирата уже смеялась Их голосом.

Пол затрясся.

Ирата взглянула на Оракула, безмятежно стоящую с сомкнутыми перед собой руками и смотрящую на Бойса ледяным взглядом, в

котором за толщей льда виднелось мерцание огня, будто в замороженном разуме медленно разгоралась память.

— Пока она тут, связь между Кераком и Городом ослабевает, — отстраненно сказала Ирата. — Чувствуешь? Чувствуешь качку, будто под городом проносятся волны? Эти земли удерживались слишком долго, пока Город стоял на якоре у причала Керака. — Она снова беззаботно засмеялась. — Если якорь сорвется, тут разыграется отменный шторм!

В помещении собиралась темнота. Бойс поднял голову и через гигантский стеклянный купол увидел в Городе суматоху: мужчины и женщины мчались к убежищу во дворце, храмах или тавернах, в любом месте, где их примут. Улицы очищались для *Них*.

— Теперь все закончится! — закричала Ирата. — Пришли те, кто разделил меня... и те, кто закуют вторую половину меня так, что она никогда не сможет получить контроль над моим разумом. — Она подошла ближе, ее алые губы искривились в презрительной усмешке, когда она взглядела в ее собственное лицо, замороженное до цвета льда и мрамора. — Ты собиралась управлять мной! — тихо сказала Ирата. — О, я прочитала твои мысли! Помни, мы были одним целым, пока он любил нас. Я чувствую твое предательство, ползущее у меня в разуме, как змея, извивающаяся под ногами. Ты собиралась копить силу, чтобы в следующий раз, когда мы станем одним целым, получить надо мной контроль. О, да, я знаю, зачем! Это любовь пробудила в тебе зависть к моей силе. Любовь к нему. Но теперь он мой. Прислушайся — ты слышишь звон колокольчиков? *Они* идут, — те, кто разделил нас — чтобы покончить с тобой по моему приказу! Приготовься, сестра — нет, больше, чем сестра! Ты доживаешь последние секунды. Скоро на тебя наложат заклинание, навсегда делающее тебя мраморной статуей, которой ты была только с виду!

ГЛАВА XV. *Путь назад*

ИРАТА ПОВЕРНУЛАСЬ к Бойсу, ее черные волосы описали широкую дугу, а лицо засветилось от ликования и злобной радости. Ее глаза фиолетовым огнем уставились на Бойса в темноте и холоде тронного зала. Они нашли его глаза, сосредоточились на них... и он ощутил неодолимое притяжение, словно Ирата, встретившись с ним взглядом, вытягивала из него разум. Сознание Бойса окатила чернота, более темная, чем собирающийся мрак. А затем...

По огромному залу внезапно разнесся смех. Все повернулись, даже Оракул. У Бойса закружилась голова от резкого отрыва от

взгляда Ираты. Затем он увидел движение в длинном проходе между колонн. Когда дикий смех раздался вновь, Бойс разглядел огромных полосатых кошек Охотника, плавно идущих вперед красивыми, изящными шагами, сверкая в темноте золотистыми глазами.

За ними, держа поводок, шел Охотник в той же самой тигриной шкуре. На его бледном лице запеклась кровь, и он смеялся, пока шел – но вовсе не радостно. Бойс вспомнил слова Ираты. Да, наверное, это было безумие, этот дикий, безрадостный звук, эхом отражающийся от колонн. Но безумие холодное, знающее свою силу.

– Это ты был тогда... в кристалле... ты не давал мне взять его под контроль! – яростно закричала Ирата. – Как ты посмел, Джамай...

Он продолжал идти и смеяться во все горло.

– Я? Это был Джамай? Или все-таки Охотник? Во мне живет две личности, Ирата, как и в тебе. Ты должна была это понять! Уильям Бойс, я очень благодарен тебе. Я не знал о существовании потайного хода в тронный зал. А пока не заглянул в твой разум через кристалл, я даже не подозревал, что Король мертв. Даже я не знал об этом!

– *Джамай!* – завопила Ирата.

– И ты уязвима, Ирата. Ты боишься. Мы все чего-то боимся – смерти, боли или магии. Потому что ты в здравом уме – даже ты, Ирата! – но я утратил уязвимость. Я не знал об этом раньше, но знаю сейчас. Как человек может любить добро и зло – огонь и лед – и остаться собой? Ты поступила мудро, когда сделала свой выбор. Это означает смерть, но смерть лучше, чем жизнь. Я выбрал иной вариант. Я прошел за Иратой через все преисподнии Вселенной!

Над стеклянным куполом собралась тень. Белые облака тумана сгустились, окружая полусферу дворца, скрывая крыши Города. Керак, далекий и маленький, остался где-то там, за бледной вуалью.

– *Джамай!* – снова закричала Ирата, и Охотник улыбнулся.

– Нет, Ирата, – сказал он уже гораздо тише. – Это конец. Я люблю тебя и люблю Оракула. Я не дам тебе поработить ее. Я знаю, какое зло живет в тебе. Но я не дам ей получить власть над тобой, потому что тогда она посмотрит на меня и поймет, что, с тех пор, как она видела меня последний раз, во мне расцвело зло. Вы обе должны умереть, Ирата – и мне все равно, погибнет ли мир вместе с тобой!

– Я уже вызвала Их. – Губы Ираты искривились. – Ты опоздал – сильно опоздал.

Над прозрачной крышей нависла огромная тень, отчего в огромном помещении стало темно. Джамай расхохотался.

– Пусть идут! – прокричал он. – Пусть убивают! Теперь я знаю ответ, и ответ этот – смерть! Убей и будь убитым! Я мудрее вас всех, поскольку безумен – и говорю вам, что ответ – это Смерть!

Стало так темно, что было уже трудно что-то увидеть, но Бойс разглядел резкий взмах руки в полосатом рукаве и то, как из ладони вылетел спущенный поводок. И увидел мгновенный бросок двух длинных, приземистых, мощных тел, припавших к полу у ног Охотника. Его смех, казалось, взбесил кошек, и яростный рев отозвался странным рычанием в его собственном голосе, когда они помчались к трону, где сидел мертвый Король.

Бойс смутно увидел красивые, оскалившиеся морды животных, встретился взглядом с их светящимися глазами... и выскочил вперед с мечом в руках, защищая Оракула.

Было слишком темно, чтобы увидеть гигантских кошек, хотя они были уже совсем рядом. Было слишком темно, чтобы увидеть двух девушек, трон, или колонны, и даже безумный смех Охотника растворился в темноте. В ушах Бойса зазвенело пение, звук крошечных колокольчиков, находящихся уже очень близко...

Лицом он ощутил горячее дыхание рычащего зверя. И услышал, как по каменному полу простучали когти, когда зверь бросился на него. Меч в руке Бойса поднялся в воздух сам по себе. Он ощутил жесткое, сильное сопротивление, длившееся где-то секунду, затем оно ушло вправо и влево от лезвия меча.

В воздухе внезапно пахнуло теплой кровью, но Бойс едва ли заметил это. Поскольку теперь в темноте замелькали тени, и Бойсу показалось, что его плоть задвигалась вместе с ними, сморщиваясь до самых костей. Его разум и тело сковал холод, вызывая онемение и паралич...

БОЙСА ОБДУЛО ледяным ветром, всколыхнувшим темные занавески в тронном зале. Ненадолго темнота чуть-чуть разошлась. В одно ужасное мгновение он увидел фигуру в мантии, движущуюся совершенно не по-человечески.

Он увидел, как Ирата повернулась к ней лицом, высоко подняв руки, — ее волосы развевались позади, а лицо ярко пылало. Рядом с собой Бойс заметил еще кое-что — вторую рычащую кошку, приготовившуюся к броску, обнажившую изогнутые клыки и свирепо уставившуюся на него дикими, безумными глазами.

Затем темнота сомкнулась вновь, словно упал магический занавес. Сквозь нее Бойс слышал голос Ираты, тонкий и пронзительный, произносящий слова, звучание которых само по себе было бессмысленным богохульством. Человеческий язык не был предназначен для произнесения таких слов.

Пение стало тоньше и пронзительнее, казалось, будто звуки окутывали голову Бойса, пока их не заглушил вой ледяного ветра.

Он промерз до костей. Его руки намертво стиснули рукоятку меча. Услышав свирепый рев, он с невероятными усилиями поднял клинок. На него бросилось гибкое, пахнущее зверем тело. Когти разодрали Бойсу ногу, а рычание оказалось уже у самого его уха. Яростно борясь с холодом, он скинул с себя кошку и ударил мечом — мимо.

Теперь странно изменившийся голос Ираты, резонирующий с надоевшим звоном колокольчиков, наполнил всю темноту. И даже сквозь холод и растерянность Бойс почувствовал движение среди невидимых фигур в мантиях — движение, которое он узнал потому, то его плоть мгновенно сморщивалась, когда Они оказывались рядом.

Снова услышав рычание, он последним, отчаянным усилием поднял меч. На этот раз Бойс не промахнулся. Рычание превратилось в жалобный вой. Кошка с глухим стуком упала на пол и затихла. Фигуры в мантиях стали его окружать, и Бойс понял, что умрет, если они дотронутся до него.

Осталось еще кое-что. Бойс не мог добраться до Ираты, чтобы заставить ее прекратить петь, но Оракул стояла у него за спиной. Он мог дотянуться до нее.

И убить.

Тогда она, по крайней мере, точно не станет пленницей своего злобного двойника. И если умрет Оракул — Ирата, возможно, умрет тоже. Бойс собирался совершить жалкий и отчаянный поступок, но, даже испытывая ужас и отвращение, он понял, что так будет лучше для всех.

Она была очень близко, на расстоянии вытянутой руки. Бойс коснулся — впервые. Прежде ему было интересно, мраморная ли она наощупь, холодная и твердая. Она оказалась не холодной. На мгновение это озадачило его, но затем он понял. Бойс так жутко замерз в этой неестественно ледяной темноте, что даже мрамор показался ему теплым.

И когда он притянул ее к себе, обняв за плечи, то почувствовал, как она медленно, почти неохотно, уступает его силе, ее тело согнулось, когда она оказалась в непосредственной близости от меча.

Бойс перехватил меч поближе к эфесу. В ужасной темноте он поднес острое лезвие к ее горлу.

Оракул не шевельнулась. Но он услышал, как ее дыхание участилось.

Очень медленно он наклонил голову и нежно поцеловал ее в последний сознательный момент. И губами Бойс почувствовал тепло, почувствовал, как жизнь медленно возвращается в Оракула Керака.

Медленно, плавно она вернулась в мир живых из того места, в котором пробыла так долго.

Ее губы зашевелились от его прикосновения. А сердце забилося более часто. В его руках мраморное тело стало гибким и живым. Связь между ними, которую создала Ирата, стала канатом, непреодолимо тянувшим Оракула через врата забвения и зачарованности. Она пошевелилась, вздохнула...

Заклинение разрушилось.

Оракул высвободилась и исчезла в темноте. И, когда она ушла, Бойсу показалось, что голос Ираты ослаб. На одно мгновение уверенность в этом рухнула, но она споткнулась на середине фразы. Внезапно он решил, что, наконец-то, все понял. Они являлись двумя половинками одного существа.

Ирата со всей своей невероятной живучестью высасывала у своей половинки жизненную силу. Когда к Оракулу вернулась жизнь, она могла прийти только из одного источника — из Ираты. Та, наверное, ощутила, как силы покидают ее, когда Оракул испытала внезапный прилив энергии.

И тут в ледяной темноте внезапно зазвучал новый голос — четкий, холодный, поющий на том же богохульном языке, на котором все еще продолжала говорить Ирата. Оба голоса секунду пели хором: один холодный и негромкий, но набирающий силу, другой — богатый, высокий, наполненный страстью — но постепенно слабеющий, пока темноту разрезали новые тона.

Но это был уже не хор. Строфы и антистрофы звенели по всему заледеневшему залу. И, когда Бойс услышал пение этого нового, четкого голоса, ему показалось, что холод начал понемногу ослабевать. Он снова мог двигаться — с трудом, но все-таки мог. И слепо шагнул вперед.

ГОЛОС СРАЖАЛСЯ с голосом. Во тьме боролись две женщины, которые когда-то были одной. И теперь Бойс узнал правду, скрывающуюся за происходящим. В конце концов, Ирата оказалась не единственным человеком, умеющим говорить с Ними. Она была лишь половиной единственного существа, которое было способно на это. Оракул тоже знала, что нужно петь, знала, что Они обязаны подчиняться. И в темноте Оракул продолжала петь, а ее голос постепенно набирал мощь, борясь с голосом Ираты.

Бойс нащупал что-то теплое и дышащее. Даже в темноте он не мог ошибиться. Он схватил ее за талию, и Ирата яростно ударила его, перестав петь. Голос Оракула мгновенно воспользовался паузой и набрал еще силы.

Бойс обхватил руками Ирату. Ее ногти впились ему в щеку. Он прижал ее к себе, сжав руки, и ладонью зажал ей рот. Это было все равно, словно держать одну из кошек Охотника. Ирата сильно ударила его коленом и продолжила извиваться. Бойсу пришлось усилить хватку, и ему показалось, что ее ребра могут сломаться под его нажимом. Но зато она не могла говорить.

Голос Оракула беспрестанно лился громким и четким, нечеловеческим пением. Это было просьбой... это было мольбой.

Окружающая темнота начала светлеть. За мотающейся головой Ираты, Бойс увидел, как фигуры в мантии двигаются замысловатым ритуалом вокруг мраморной девушки, чей голос все еще разносился по залу. Он посмотрел и отвернулся, борясь с дрожью, мучившей его всякий раз, когда его взгляд даже мельком скользил по неясным фигурам.

Но что-то произошло.

Ирата в его руках внезапно застыла. Что-то пролетело мимо, обдавая холодом, и Бойс на мгновение ослаб от ужаса. Затем в просянющейся тьме завибрировал одинокий звон, похожий на удар гонга.

И Бойс почувствовал, как Ирата в его руках... тает...

Когда он снова смог видеть, комната была уже пустой. Он не совсем осознавал, что пол под ним поднимается и опускается огромными волнами, поскольку нечто приковало его взгляд, как заклинание. В лиловых глазах и ясном улыбающемся лице под железной короной действительно было колдовство.

— Теперь ты узнаешь меня... мой дорогой, о, мой дорогой — теперь ты меня узнаешь?

Бойс уже с трудом контролировал собственное тело. Он шагнул вперед, когда пол качнулся у него под ногами, не смея поверить странному доказательству своего пораженного разума.

— Мы снова одно целое, — сказал знакомый голос.

И теперь Бойс вспомнил о том, что было давным-давно и в другом мире. Его сердце удушающе билось в горле, пока он шел к ней по качающемуся полу, неуверенно вытянув руки.

Их сжали ее теплые пальцы. На него смотрела девушка, которую он знал — ясная и живая, как Ирата, да, способная ко злу, как Ирата — но не злая. Ее сила никуда не делась, но ей управляла Оракул, как и когда-то давным-давно.

Она бросилась к Бойсу в объятия и откинула голову с короной, чтобы поднести губы к его губам, улыбаясь, как когда-то давно на Земле.

Да, теперь он вспомнил. Это была настоящая Ирата!..

Раскачивающийся пол не дал им поцеловаться. Она отошла назад и встревоженно осмотрелась.

— Надо уходить, — сказала Ирата. — Жаль... но если ты не собираешься остаться тут навечно, нам нужно уходить, как можно быстрее.

Бойс посмотрел туда же, куда и она. Через стеклянный потолок, абсолютно прозрачный, если не считать туман снаружи, он увидел городские крыши, горы за ними, Керак, венчающий вершину одной из них. И Керак медленно отдалялся. Горы двигались... нет, не горы, двигался Город.

— Связь разрушена, — объяснила девушка в его объятиях.

Бойс не мог думать о ней, как об Ирате, хотя знал, что это ее настоящее имя.

— Я больше не являюсь якорем, удерживающим тут Город, и течение относит его. Как думаешь, что нам делать, Уильям Бойс?

Он опустил руку, чтобы дотронуться до пояса, где через одежду все еще прощупывался слабый холод кристалла. Да, камень все еще был на месте.

— Вернемся назад, — ответил Бойс. — Обратно на Землю, если сумеем.

— Да, — кивнула Ирата, — я надеялась, что этот Город когда-нибудь перестанет быть моим местом. Мое место рядом с тобой... если ты этого хочешь.

Он улыбнулся и наклонил голову, чтобы убедить ее, но девушка улыбнулась в ответ и нежно оттолкнула его.

— Позже, позже, мой дорогой. Мы... смотри.

Бойс повернул голову.

— Джамай! — с трепетом в голосе воскликнул он.

Но, тем не менее, он не увидел ничего страшного. Да, жуткое и трагическое, но почему-то совсем не странное в этом странном и незаконном месте.

На высоком троне Короля Колдунов сидел Охотник. Желтая мантия Короля лежала у его ног на качающемся полу. Подбородок Охотника покоился у него на груди, а его лицо было повернуто к Ирате с Бойсом, пока те стояли перед троном. Но Охотник не видел их. В его глазах стояло безумие, оно полностью поглотило его.

Они оставили Охотника на троне и, спотыкаясь, пошли по качающемуся полу. Рядом с троном лежали мертвые звери Охотника, а у его ног — тело Короля.

БОЙС С ИРАТОЙ пробирались через туман по земле, поднимающейся и опускающейся под ногами, словно волны твердого моря.

Со скрежетом камня глубоко под землей открывались и закрывались огромные пропасти. Недра стонали под ними.

— Быстрее! — услышал Бойс собственный хриплый вопль, пока земля тряслась и вздымалась гигантскими волнами, опускающимися, как только они начинали лезть вверх по склону. — Тут недалеко — уже совсем близко. Я помню эту скалу. Я прошел именно тут.

— Кажется... теперь течение замедлилось, — задыхаясь, заметила Ирата. — Земля... она уходит в гору. Только долина... еще плывет.

Облепленные туманом, они продолжали взбираться вверх. И действительно, пока каменистые холмы набирали высоту, волны становились все слабее и слабее. Один раз Ирата с Бойсом остановились и оглянулись. Где-то внизу, блестя чарующими разноцветными огнями, Город Колдунов, словно корабль, уплывал в туманные дали, качаясь на земных волнах, несшими его плавными толчками. А за Городом виднелся Керак.

Огромный замок стоял на высоких скалах, алое знамя, развевалось над ним, как огонь. По долине у его подножия проплывут и другие земли. Другие города и люди узнают Танкред и Гиллеам дю Бойса, являющегося дальним предком Бойса, но кто и что это будет, не узнает никто. Керак, подумал Бойс, вечно буден венчать эту скалу, пока мимо медленно проплывают разные земли, пронося мимо его ворот неизвестные приключения.

Ирата с Бойсом повернулись и полезли дальше.

— Здесь... нет, еще выше. Вот, кажется, тут.

Бойс напряженно осматривал каменные выступы. Казалось невероятным, что за одним из них находился его мир. Он заметил какой-то проблеск и нагнулся, чтобы посмотреть поближе.

— Да, это то самое место. Видишь, вот стекло, которое я разбил, когда прошел через окно.

Оно лежало на земле поблескивающими осколками, хрустящими под ногами. Бойс пошарил в кармане и вытащил маленький, холодный кристалл, от которого у него сразу замерзла ладонь.

— Подожди, — сказала Ирата. — Свет... — Она поколебалась, затем внезапно улыбнулась. — Я пообещала себе, что больше не буду колдовать. Но сейчас магия понадобится нам, мой дорогой. Понимаешь?

Ирата подняла руку и согнула пальцы раз, затем другой. Между ее большим и указательным пальцами появилось крошечное пламя.

— Быстрее, пока оно горит!

Бойс поднял холодный кристалл. Огонь ударил в него, отразился от камня светящимся узором... и впитался в него. Медленно образовалось окно, являющееся вратами в другой мир.

Еще раз, — в последний раз, — Бойс оглянулся. Город стал далеким пятном в тумане, плывущим по качающимся землям в другие гавани, но его огни все еще слабо поблескивали в облаках. А мрачный, неизменный Керак по-прежнему смотрел на этот странный мир, где пространство было текучим, а время не существовало вообще.

Неизвестные заколдованные города всегда будут проплывать через эти беспокойные трясущиеся земли, закрытые белыми облаками. Бойс никогда не узнает об этих городах.

Его разум на одно последнее, странное мгновение задержался на Керике, где жили люди одной крови с ним.

— Идем... быстро! — вдруг сказала Ирата и взяла его за руку.

В скале перед ним было хрустальное окно, за которым виднелись какие-то тени.

Бойс ощутил нежное позвякивание разбивающегося стекла...

На стенах закачались призрачные занавески. В ненастоящих складках тускло мерцали драгоценные камни. Через богато украшенные портьеры начали просвечивать голые, пыльные доски.

Занавески исчезли. Бойс с Иратой оказались в пустой, тихой комнате. На стене за ними не осталось ни следа хрустального узора.

Издалека донесся звук автомобильных гудков и выкрики мальчишек, разносящих газеты.

Lands of the Earthquake, (Startling Stories, 1947 № 5), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

THRILLING

APR.

WONDER

STORIES

15¢

A THRILLING
PUBLICATION

Way OF THE *Gods*
A Fantastic Novel
By HENRY KUTTNER

QUEST TO CENTAURUS

A Novelet of the Spaceways By GEORGE O. SMITH

ПУТЬ БОГОВ

ГЛАВА I. *Новые миры*

ОН СМОТРЕЛ на октябрьское утро так, словно никогда еще не видал октября. Это, конечно, было не так. Но он знал, что уже никогда не увидит октябрь. Потому что там, куда он отправлялся, может и не быть ни утр, ни октябрей. Да не «может», а скорее всего и не будет. Это казалось невероятным, хотя старик долго талдычил о комбинациях клавиш, селективности машины и множественных Вселенных, летящих, кружа, точно снежинки, по бесконечности.

— Но я человек! — сказал он вслух, сидя, скрестив ноги, на теплой, бурой земле и чувствуя ветерок.

Сказал и тут же понял, что сказал неправду. И тут же почувствовал нежное щекотание в области лопаток, что означало, что крылья чуть заколебались под ветерком, и инстинктивно напряг грудные мышцы, управляющие крыльями.

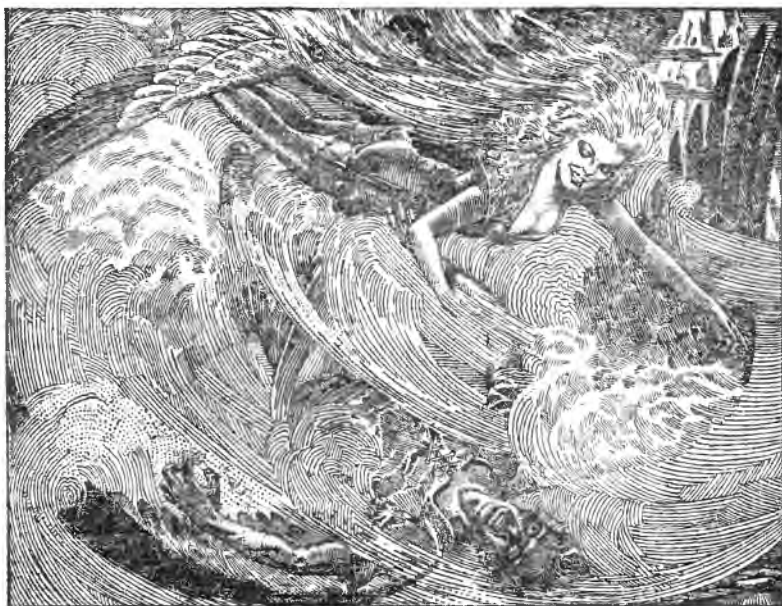
Он вовсе не был человеком. Это-то и являлось проблемой. И этот мир, этот яркий октябрьский мир, простирающийся до самого горизонта, был создан, чтобы защищать расу, которая стала доминирующей и ревниво относилась ко всем возможным соперникам. Человечество, у которого не было места для чужаков его ранга.

Остальных вроде бы это не заботило. Они росли в яслях почти с самого рождения, изолированные от людей. За это отвечал старик. Он создал огромный дом на склоне, с пластиковой крышей и стенами, почти растворяющиеся на фоне коричневой и зеленой земли — убежище, которое перестало быть убежищем. Потому что стены его были повреждены.

— Керн, — раздался позади чей-то голос.

Крылатый человек повернул голову и глянул поверх темного крыла. От дома вниз по склону к нему бежала девушка. Ее звали Куа. Родители ее были полинезийцами, отсюда ее рост и гибкое изящество океанической расы, а также блестящие темные волосы и теплая кожа медового оттенка. Но она постоянно носила непрозрачные черные очки, лоб ее пересекала полоса темной пластмассы, также выглядевшей непрозрачной, хотя и не была таковой. Лицо ее было прекрасно, алые губы имели изящный изгиб, и все округлости женского тела были на своих местах.

Но она тоже не была человеком.

Together they glided across the rushing air currents (Chap. II)

WAY OF THE GODS

By HENRY KUTTNER

Spawn of atomic fission, this strange company of mutants exiled by humanity battles against enslavement in a foreign world dominated by the evil Spirit of the Crystal Mountain!

— Ну что ты волнуешься, Керн, — сказала она, улыбнувшись ему.
— Все будет хорошо. Вот увидишь.

— Хорошо, — презрительно фыркнул Керн. — Ты, правда, так думаешь?

Куа инстинктивно глянула на склон, чтобы убедиться, что они одни, затем подняла обе руки и сняла очки и темную полосу пластика со лба. Встретившись с пристальным взглядом ее ярко-голубого глаза, Керн снова ощутил шок, который чувствовал всегда, когда видел ее лицо открытым.

Потому что Куа была Циклопом. Ей создали один-единственный глаз за лбу. Но если разум мог принять это, она была прекрасна, а в единственном глазу светился ум и подлинные чувства.

"Better to die that way than this," said Elja. "All right, Kera, we'll go." (Chap. VI)

ГЛАЗ КУА был идеальной линзой, и все, на что способна линза, мог сделать этот глаз. Никто точно не знал, какие удивительные механизмы скрывались внутри него, но она могла видеть вдаль почти как телескоп, а также фокусироваться на микромире, как лучший

микроскоп. А, может, ее единственный глаз был способен и еще на что. В доме мутаций не принято было приставать друг к другу с вопросами.

— Ты с нами два года, Керн, — говорила тем временем она. — Всего лишь два года. Ты еще не знаешь, насколько мы сильны и на что способны. Брюс Халлэм знает, что делает, Керн. Его никогда не волновали теории. Точнее. Теории в его руках становились практикой. У него выдающийся ум. Ты еще не знаешь нас, Керн!

— Но не можете же вы бороться с целым миром!

— Нет. Но мы можем покинуть его.

Она улыбнулась, и Керн понял, что она не видит ничего особенного в окружающем их золотом утре. Не знала она и городов, построенных в мире 1980-го года, не знала и жизни, которая бурлила в этих городах и была ей безгранично чужда. Все это должно быть чуждо и для Керна, но крылья начали расти у него за плечами, только когда ему исполнилось восемнадцать лет.

— Не знаю, Куа, — сказал он. — Я не уверен, что хочу этого. У меня были отец и мать... братья... друзья...

— Твои родители — твои самые большие враги, — категорично заявила Куа. — Они дали тебе жизнь.

Керн отвел глаза от ее всепроникающего пристального взгляда единственного синего глаза и посмотрел на большой дом позади нее. Это было убежище, выстроенное во время резни 1967 года, убежище от набегов орд странных монстров, созданных радиацией. Сам он, конечно, не помнил, но читал об этом, даже не предполагая, что нечто подобное применят и к нему самому. Историю ему рассказывал Старик.

Сначала началась атомная война, кратковременная, но ужасная, заразившая весь мир неизвестными тогда излучениями. Затем последовали волна за волной уроды, рождаемые выжившими. Гены и хромосомы изменялись самым неожиданным образом. У родителей-людей рождались чудовища.

Успешные мутации были лишь у каждого десятого. Но даже и они были опасны для вида Гомо Сапиенс.

Эволюция напоминает колесо рулетки. Условия на Земле одобряют определенные типы мутаций, способные к выживанию. Но атомная энергия нарушила природный баланс, и стали распространяться мутации, порожденные чистым безумием. Не все, конечно. Потому что не все были жизнеспособными. Но двухголовые существа рождались — и жили — наряду с гениями и безумцами. Долгое время Всемирный Совет изучал биологические и социальные проблемы, прежде чем рекомендовал эвтаназию. Отныне развитие Че-

ловчества планировалось и строилось по заранее продуманному плану. И нельзя было отклоняться с намеченного пути, потому что тогда начался бы хаос.

Гениям, мутантам с аномально высоким IQ, разрешали жить. Но никаким другим после их обнаружения. А их иногда было трудно обнаружить. К 1968 году в живых остались лишь мутации основного ряда, верные биологической норме Человека... за определенными исключениями.

ТАКИМ БЫЛ сын Старика Сэм Брюстер.

У него были определенные способности. Сверхчеловеческие способности. Старик нарушил правительственные законы, поскольку не отправил младенца в лабораторию для проверки и тестирования — и последующего уничтожения. Вместо этого он построил этот дом, и мальчик не выходил за пределы его территории.

Затем постепенно, отчасти ради того, чтобы у мальчика были товарищи, а частично из сострадания Старик начал собирать других детей. Тайно. Мутанта-ребенка здесь, мутантку там, привозил он их, пока в большом доме не появилась большая семья. Он брал их не наугад. Ведь с некоторыми было бы небезопасно жить. Некоторым лучше было умереть сразу после рождения. Но тех, у которых что-то было за душой помимо странных особенностей, он отыскивал и защищал.

А введение в эту семью Керна выдало тайну Старика. Мальчик слишком долго жил среди обычных людей, пока у него не начали расти крылья. Ему было уже восемнадцать лет, а его крылья были в размахе почти два метра, когда его нашел старый мистер Брюстер. Семья пыталась держать его в секрете, но слухи уже просачивались, когда Керн переехал в убежище Брюстера, и продолжали распространяться, пока власти, наконец, не выдвинули Старика ультиматум.

— Это моя вина, — с горечью сказал Керн. — Если бы не я, вам бы не досаждали.

— Вовсе нет, — глубокий , яркий глаз Куа смотрел прямо на него. — Ты прекрасно знаешь, что, рано или поздно, они все равно бы нашли нас. И пусть это произойдет теперь, пока мы молоды и способны приспосабливаться. Мы можем легко уйти, и это нам даже понравится. — Голос ее слегка задрожал от внутреннего скрытого волнения. — Подумай сам, Керн! Новые миры! Нечто за пределами Земли, где все будет такие, как мы!

— Но я человек, Куа! Я чувствую себя человеком! Я не хочу уходить. Здесь моя родина!

— Ты говоришь так только потому, Керн, что вырос среди обычных людей. Но подумай сам. Есть место для любого из нас — но только не здесь!

— Знаю, — криво усмехнулся он. — Но мне это не нравится. Ладно, давай-ка вернемся. К настоящему моменту они уже должны предъявить ультиматум. Я хочу услышать его. Хотя я заранее знаю ответ. А ты ведь тоже?

Куа кивнула, глядя, как он с точкой смотрит на пустое голубое небо и холмы теплого октября. Мир для людей. Но только для людей...

Обитатели убежища Брюстера уже собрались.

— У нас мало времени, — сказал старый мистер Брюстер. — Они уже направляются сюда. Чтобы забрать вас всех на эвтаназию.

Сэм Брюстер резко рассмеялся.

— Мы могли бы устроить им теплый прием.

— Нет. Вы не можете бороться со всем миром. Да, вы могли бы уничтожить много народу, но это делу не поможет. Машина Брюса — единственная надежда для всех вас. — Голос его чуть дрогнул. — Мир покажется мне одиноким, дети мои, когда вы уйдете.

Они смотрели на него с какой-то неловкостью, обширное семейство странных мутантов, только-только вышедших из детского возраста, но ставшими не по годам зрелыми.

— Как вы знаете, мирам нет конца, — сказал Брюс. — Есть бесконечное множество миров, в которых мы не смогли бы жить. Но где-то среди них должны быть и миры, для которых наши мутации — норма. Я заложил в машину образцы всех нас. Машина отыщет подходящий для нас мир — по крайней мере, для кого-то из нас. А остальные могут продолжить поиски. Я могу построить дубликат машины в любом мире, где вообще смогу выжить. — Он улыбнулся, и его странные глаза вспыхнули.

Странно, подумал Керн, как часто мутантов выдают именно глаза. Ну, про Куа и разговоров нет. И про Сэма Брюстера с его ужасными тайными глазами, защищенными вторичными веками, которые открываются, лишь когда он в гневе. А у Брюса Халлэма странность не столь очевидна, но сложность его мозга можно легко заметить в глубине его непостижимых глаз.

Брюс знал все о машинах в самом широком смысле этого слова — причем эти знания были за пределами понимания людей. Он мог творить чудеса с любыми устройствами, которые создавали его ловкие пальцы. Казалось, он чисто инстинктивно создавал невиданные изобретения и использовал их в самых простых, даже примитивных механизмах.

В углу комнаты, за круглой стальной дверью было стальное помещение, которое Брюс создал всего лишь неделю назад. На ней горела панель управления, проходя через все части спектра и время от времени становясь чисто красной. И когда она становилась красной, это означало, что мир, в который открывалась стальная дверь, был подходящим для каких-либо мутантов. Красный свет означал, что машина нашла мир, который не только мог поддерживать человеческую жизнь, но примерно соответствовал известному им миру, и что-то в нем подходило, по крайней мере, для одной группы мутантов.

У Керна кружилась голова, когда он думал о Вселенных, пролетающих за этой дверью, о мирах, на которых ничто не могло жить, о мирах из газа и пламени, о мирах из льда и воды... И в этом бесчисленном скопище миров были такие же, как их собственный мир, миры воды и солнца...

ЭТО БЫЛО невероятно. Но так же, как и крылья у него на спине, как циклопический глаз Куа и ужасный взгляд Сэма Брюстера, таким был и разум в черепе Брюса Халлэма, создавшим мост для всех них.

Керн оглянул всю группу. Расслабившись в тени у стены сидела Бирна, последняя из семьи мутантов, глядя на него пристальными серыми глазами. Керна, как всегда, когда он встречался с ней взглядом, кольнуло сострадание.

Физически Бирна была самой слабой из всех них. Стоя, она едва достигала колена Керна. Она была прекрасно сложена в своих масштабах, тонкая и хрупкая, точно стеклянная. Но красивой она не была. Было какое-то смещение в чертах ее лица, делавшее ее трогательно уродливой, а печаль в серых глазах, казалось, отражала печаль всего мира.

Зато у Бирны был волшебный голос, а также и разум. Мудрость прибывала к ней точно так же, как знания к Брюсу Халлэму, но в ней было бесконечно больше теплоты, чем в нем, Брюсе. Керну иногда казалось, что Брюс способен расчленить человека так же бесстрастно, как разрезать пополам проводок, если ему потребуется материал для эксперимента. Внешне Брюс выглядел самым нормальным из всех них, но он не пройдет даже самого поверхностного исследования мышления.

— Чего мы ожидаем? — нетерпеливо спросил Брюс. — Все готово.

— Да, вам нужно спешить, — подтвердил Старик. — Смотрите, свет ведь сейчас красный, верно?

Панель над стальной дверью была оранжевой, но пока они смотрели, она все более становилась румяной. Брюс сделал шаг вперед и положил руку на рычаг, открывающий дверь. Когда сигнал сделался чисто красным, он с силой толкнул стальной стержень.

В полутьме за открывшейся дверью порыв светящихся атомов дунул над скалистым горизонтом. Напротив двери были башни, арки и колонны, а высоко в небе летели какие-то огоньки, возможно, это был самолет.

Все молчали. Через секунду Брюс, поморщившись, закрыл дверь. Свет над дверью заколебался и сместился к красно-фиолетовому, затем стал синим.

— Не этот мир, — сказал Брюс. — Попробуем еще раз.

— Это не имеет значения, — пробормотала в темноте Бирна. — Любой мир будет для нас таким же.

Голос ее звучал лучшей музыкой.

— Послушайте! — сказал Старик. — Вы слышите гул самолетов? Время, дети мои. Вы должны уйти.

Стояла тишина. Все, не отрываясь, смотрели на панель над дверью. Цвета колебались туда-сюда по всему спектру. Затем снова загорелся слабый румянец.

— Придется выбрать его, если будет выглядеть нормально, — сказал Брюс. Снова кладя руку на рычаг.

Свет покраснел. Круглая дверь бесшумно распахнулась.

Из нее ударил солнечный свет, были видны низкие зеленые холмы и неподалеку в долине гроздь городских крыш.

Не сказав ни слова, не оглянувшись, Брюс шагнул в дверь. Остальные, один за другим, двинулись за ним. Последним был Керн. Губы его были крепко стиснуты, и он тоже не оглянулся. Может, ему и удалось бы увидеть за окном землю и синее октябрьское небо. Но он не оглянулся. Он сложил крылья и пригнулся, входя через шлюз в новый мир.

Старик тоже молча смотрел им вслед, понимая, что дело его жизни завершается как раз в этот момент. Пропасть между ними была слишком широка, ее не перепрыгнуть. Он был человеком, а они — нет. В дальней дали, более обширной, чем пропасть между мирами, он видел, как семья мутантов ступила через порог и исчезла навечно.

Он закрыл за ними дверь. Красный свет над дверью погас. Старик повернулся и пошел к входной двери, в которую уже барабанила полиция Всемирного Совета.

ГЛАВА II. Его собственная раса

НЕБО НАД НИМИ было синим. Пять нездешних существ, чуждых всем мирам, собрались на вершине и глядели вниз.

— Тут красиво, — сказала Куа. — Я рада, что мы выбрали этот мир. Только интересно, на что походил бы следующий, если бы еще чуть-чуть подождали.

— Куда бы мы ни пошли, всюду будет то же самое, — сладостным голосом пробормотала Бирна.

— Взгляните туда, — сказал Брюс. — Что это?

И они увидели первую особенность этого мира, чуждую Земле. Возможно, большей частью местность не отличалась от любой холмистой и лесистой местности на Земле, даже крыши деревни выглядели немного знакомыми. Но горизонт вдруг странно затуманился, и перед ними, далеко, поднялось нечто невозможной высоты, чуть не достигающее зенита.

— Гора? — с сомнением спросил Керн. — Но слишком уж высокая, верно?

— Стеклянная гора, — сказала Куа. — Да, стеклянная или из пластика, точнее сказать не могу.

Она раскрыла свой единственный глаз, и яркий зрачок сузился, пока она рассматривала на немыслимом расстоянии одинаково немыслимую штуку на горизонте. Она высилась, переливаясь всеми цветами, точно грозовая туча, нависшая над землей. При мысли, что это может быть гора, начинала кружиться голова от ее величины.

— Ее видно ясно, — сказала Куа. — Всю целиком. Что за ней — сказать не могу. Неужели это просто огромная гора из пластмассы? Странно...

Керн почувствовал рывок его крыльев и понял, что ветерок быстро усиливается. Он первым заметил это.

— А ветер-то становится сильнее, — сказал он. — И прислушайтесь... Слышите?

Пока они стояли, становилось все громче пронзительное курлыкание в воздухе, идущее из направления от подобной туче горы. Курлыкание росло очень быстро, и едва они услышали его, как оно уже превратилось в оглушающий рев, а ветер перерос в ураган.

Все затаили дыхание и с тревогой уставились друг на друга.

— Взгляните туда, быстрее! — крикнула Куа. — А это еще что?

Вдалеке, но несущаяся к ним с ужасающей скоростью, появилась чудовищная башня вращающегося света. Дым? Они не были в этом уверены.

Она кружилась, как смерч, обширная, величественно изгибающаяся и вновь выпрямляющаяся, и воздух вращался вокруг нее, а дикий, пронзительный вой буквально оглушал.

Все это прошло далеко слева от них, в вое расколотого воздуха, исчезло, и вновь наступила потрясающая тишина. Но не успели они отдышаться, как от башни пошел другой смерч, огибая на этот раз их справа. А за ним был еще один, на четверть расстояния ближе.

Шум и неистовый ветер так ошеломили Керна, что он даже не знал, что происходит с другими стоящими на вершине. Он был особенно уязвим из-за крыльев. Очередной ураган подхватил их, распушил, поволок, и Керн с трудом удержался на ногах.

Ошеломленный, он старался сохранить равновесие, наклонившись в сторону несущейся стены воздуха, твердого, точно каменная стена. Пару мгновений он еще чувствовал под ногами землю. Затем, злясь на самого себя, Керн ощутил, как развернулись его двухметровые крылья, и тут же заняли грудные мышцы, потому что пришлось бороться с жестоким ветром.

Горизонт накренился, когда он полетел по дуге. Стеклянная гора на мгновение повисла наверху, а Керн глядел прямо на покрытые лесом холмы, где крошечные фигурки спускались по склону, шатаясь под ураганным ветром. Зависнув над верхушками деревьев, Керн увидел, как чудовищные завихрения света слетают с вершины горы, становясь все толще и быстрее, и шагают, точно гиганты, в разные стороны. На мгновение он вырвался из хватки урагана и полетел над новой землей.

Но вихрь тут же поймал его, швырнул в самую свою сердцевину, оглушил ужасающим воем, и развернул так, что крыльям стало больно, а голова пошла кругом. Время замерло. Ошеломленного, его носило туда-сюда непреодолимым ветром. Керн закрыл глаза от несущейся пыли, руками заткнул уши, чтобы окончательно не оглохнуть и позволил урагану делать с ним все, что угодно.

Затем Керн почувствовал прикосновение на руке и немного вышел из полубморочного состояния.

Должно быть, подумал он, *я лежу на земле*, и сделал инстинктивную попытку подняться. Но это движение заставило его вращаться, Керн открыл глаза пошире и увидел, что земля кружится далеко внизу.

Он летел с потрясающей скоростью в холодной вышине, вокруг завывал ветер, и Керн неся на нем, как на салазках, а рядом с ним летала какая-то незнакомая девушка.

ДЛИННЫЕ СВЕТЛЫЕ волосы, развевающиеся позади нее, голубые глаза и порозовевшее от ветра лицо. Девушка что-то кричала ему, но слова ее тут же уносило ветром, и он ничего не слышал, кроме непрерывного, оглушительного воя вокруг. Керн увидел, что девушка держит его одной рукой, а свободной показывает куда-то вниз. Он не слышал ее слова и знал, что все равно не мог бы понять их, но значение жеста трудно было перепутать.

Кивнув, он высоко поднял левое крыло и выгнул тело, направляясь по нисходящей спирали вниз. Девушка летела рядом с ним, вместе они скользили по мчавшимся воздушным потокам, изящно лавируя против ветра, выбирая путь инстинктивными мускульными реакциями, а земля внизу колебалась и волновалась, как море.

Скользя вниз, Керн испытывал такое ликования, какого не чувствовал никогда в жизни. Он почти ничего не знал об этом мире или о летящей рядом девушке, но одно было ясно — он больше не одинок. Он не является больше единственным крылатым существом на чуждой планете. И это длинное нисходящее скольжение, точный ритм безукоризненных танцоров, отвечающих на малейшие движения партнера, наполнили его небывалым восторгом.

Впервые Керн понял, что самый большой секрет летающей расы кроется в том, что одинокий летун познает лишь половину радости полета. Но когда рядом на воздушной трассе появляется второй крылатый, когда ваши крылья бьются в едином ритме, только тогда вы испытываете полный экстаз полета.

У Керна захватило дыхание от радости и волнения, когда земля оказалась совсем близко, и нужно было идти на посадку. Потом крылья его задрожали, он замер в воздухе и опускаясь, почувствовал под ногами твердую землю. Пришлось немного пробежаться, чтобы окончательно остановиться, и девушка бежала возле него, смеясь на бегу.

Когда же они, наконец, остановились и повернулись друг к другу, длинные пепельные волосы летели, как облако, догнали девушку и она, смеясь, обеими руками откинула назад их спутанную массу, складывая за плечами светлые, под цвет волос, крылья.

Теперь Керн увидел, что на ней было обтягивающее платье из тонкой, гибкой кожи и высокие сапожки из того же материала. Украшенная драгоценными камнями рукоятка кинжала торчала из-за пояса и доходила до самых ребер.

Вокруг все еще дул холодный, пронзительный ветер, но он постепенно слабел и воздух становился заметно теплее. Они стояли на покрытом лесом холме, под деревьями, шелест крон которых добавлял шума к вою ветра, И Керн видел впереди широкую равнину,

по которой брело к горизонту множество смерчей. Ураган, должно быть, кончается, подумал он.

Девушка заговорила. У нее было приятное контральто, а язык оказался немного гортанным и, разумеется, совершенно неизвестным. Керн увидел, как на ее лице появилось удивление и сомнение, когда до нее дошло, что он не понимает ее слова.

— Прости, — сказал Керн. — Ты очень симпатичная. Мне жаль, что мы не можем поговорить друг с другом.

Она ответила на его улыбку, но замешательство на ее лице усилилось.

Она не может поверить, что я не знаю ее языка, подумал Керн. Значит ли это, что в здешнем мире существует только один язык? Но не принимаю ли я желаемое за действительное? Я очень хочу, чтобы так и оказалось! Потому что это означало бы, что здесь все люди крылатые, свободно передвигаются, так что отдельные языки просто не имели возможности развиваться.

Сердце его колотилось от нетерпения поскорее во всем разобратся, так что это показалось ему даже смехотворным. До сих пор он даже мечтать не смел, что когда-нибудь найдет расу, которая могла бы принять его. Брюс Халлэм настроил свою машину на совокупный образец всей группы мутантов, прекрасно понимая, что только один из них сможет найти приемлемый для себя мир. Но зная способности Брюса, нечего было удивляться результату.

Здесь был его мир. Мир крылатых! Керн оказался самым удачливым, причем первым из группы, который нашел себе место. Его горло стиснуло ликование при мысли, что здесь он не будет чужаком.

— Но, может, я делаю слишком поспешные выводы на одном примере? — предостерег он себя вслух. — Девушка, действительно ли в этом мире все крылатые? Как я хочу выучить твой язык! Ответь же мне, девушка, здесь все такие или ты тоже чужая в этом мире, как и я сам?

Она рассмеялась, почувствовав серьезный тон его голоса, хотя слава ничего не значили для нее. Затем глянула через его плечо, и что-то неуловимое промелькнуло по ее лицу. Она что-то сказала на своем гортанном языке и кивнула на деревья позади Керна.

Керн обернулся. К еще не умолкнувшим деревьям, кроны которых трепал ветер, с распушенными крыльями направлялась третий человек.

СНАЧАЛА КЕРН ощутил глубочайшее удовлетворение. Еще один крылатый человек. Практически, являлся ответом на его последние сомнения. Где есть двое, там должно быть и много других.

Подошедший оказался мужчиной. Как и на девушке, на нем была одежда из тонкой кожи и кинжал на поясе. Волосы у него были рыжие, как и шелковистые крылья, но лицо сильно загорело, и Керн уловил брошенный на него косой взгляд, когда человек подходил. А через секунду Керн увидел, что он оказался горбуном. Между ярко-рыжими крыльями виднелась его изогнутая спина, так что голову ему приходилось держать повернутой вверх и склоненной набок. Лицо у него было молодое, с красивыми, прямыми чертами.

— Герд... — позвала его девушка и замялась.

Подошедший устремил на нее свои прозрачные глаза, и Керн решил, что это его имя.

Пристально глядя на Керна, горбун, борясь с ветром, спешил под защиту деревьев. Он был явно осторожен и недоверчив, и разглядывал Керна странным таким взглядом.

Потом они заговорили, девушка взволнованно отвечала контрольно, и гортанные слова неслись одно за другим. Ответы Герда были коротки, а голос у него оказался неожиданно глубоким. Потом он достал кинжал и указал им сначала на Керна, затем на долину внизу.

Керн слегка ошетинился. Он не видел никакой нужды в угрозах. Если эти люди стояли на таком низком уровне развития, что ножи были для них привычным оружием, то он, Керн, значительно превосходил их. К тому же это оказалась не приятная грань мира, в котором Керн уже почувствовал себя, как дома, и ему не понравилось, что в его сторону тычут обнаженным лезвием.

Заметив его угрюмый вид, девушка рассмеялась и шагнула вперед, чтобы взять его за руку. Другой рукой она махнула Герду, тот мрачно улыбнулся и отступил. Девушка немного расправила крылья и сделала рукой жест, явно обозначающий полет. Потом указала на долину. Затем шагнула вверх по склону, развернула крылья, проверила затихающий ветер и уверенно ринулась вверх.

Восходящий поток тут же подхватил ее и понес, светлые волосы развевались позади, как знамя. В воздухе она развернулась и поманила его. Керн рассмеялся от чистого удовольствия, пошел к ней, расправляя свои темные крылья, а потом внезапным прыжком оказался в воздухе. Как было прекрасно лететь, ничего не боясь, не стыдясь и не скрываясь! Позади он услышал шелест крыльев, когда горбун взлетел следом. Но радость полета в компании изгнала все посторонние мысли.

Они развернулись по ветру и полетели над извилистой долиной. Наблюдая за компаньонами, которые вводили его в этот замечательный мир, Керн, с тех пор, как они взлетели, не видел ни единого движения среди деревьев. Потом он увидел скопище крыш далеко впереди, в верхней части долины, собравшиеся вокруг ручья, снующего между зданиями, и взволнованно думал о приближающемся городке.

Мой народ, думал Керн. Мой собственный народ. Каким же окажется этот город, какой будет их культура? Быстро ли я смогу изучить их язык? Мне так много нужно узнать...

Но тут мысли его прервались. Что-то – у чего не было даже названия – странным потоком прокатилось в его теле.

На мгновение мир вокруг него погас. Это было так, словно внутри него открылась новая пара легких, и он вдохнул полной грудью такой воздух, какого ни один человек еще не вкушал прежде. Это было так, словно у него появились новые глаза, и он увидел все вокруг совершенно по-иному. Это не походило ни на что, что когда-либо испытывал человек. Что-то новое, новое, невыразимо новое!

И все вдруг закончилось.

Керн чуть покачнулся в полете, потому что крылья на секунду перестали бить воздух. Все пришло и ушло очень быстро, но все же оно не было совершенно незнакомым. Однажды что-то такое уже происходило. Что-то иное, но поражающее точно такой же новизной. Это случилось тогда, когда у него проклюнулись за плечами крылья. Тогда он тоже почувствовал в себе изменения, которые оторвали его от остального Человечества.

Я что, опять изменяюсь? – отчаянно спросил он себя. – Неужели мутация еще не завершена? Я не хочу меняться! Здесь я чувствую себя дома и... не позволю ничему испортить это!

Странное чувство исчезло. Сейчас он не мог даже вспомнить, на что это было похоже. Но он не изменится! Он станет бороться с изменениями до последнего вздоха! Чем бы ни была эта таинственная новая мутация, кроющаяся в его теле, он задушит ее, прежде чем она встанет между ним и здешним крылатым народом!

Ладно, это было и прошло. Забыто и быльем поросло. Будем считать, что ничего и не было.

ГЛАВА III. Опасность сгущается

ЗА РОМБОВИДНЫМИ стеклами городских окон мигал свет. Они покружили над зданиями и сели на высокую, плоскую крышу

центрального строения, на этом открытом квадрате, украшенном мозаикой с яркими, но грубыми изображениями летающих мужчин и женщин.

Отсюда Керн увидел мощные булыжником улицы, извивающиеся под нависающими каменными карнизами, небольшие каменные мосты, выгибающиеся над ручьем, текущим прямо через деревню. Вокруг домов на узких, ухоженных клумбах росли яркие цветы. Улицы круто извивались по холмам, на которых стоял город.

Все крыши были с крутыми скатами, что указывало на обильные снегопады зимой, но на каждой, в самой высокой части, была оборудована посадочная площадка, от которой вела в дом низкая дверь. И последние сомнения Керна исчезли. Это действительно было поселение летающих людей. Наконец, он попал в свой мир.

Его радость длилась еще минут пять.

Затем они опустились на мозаичную крышу того, что было, вероятно, зданием городского Совета, и Керн, уже складывая крылья для приземления, увидел нечто, заставившее его грудные мышцы, управляющие крыльями, снова заработать. Он взлетел и сделал еще один круг над крышей.

Девушка уже стояла одной ногой на земле, когда увидела, что именно поразило его. Она рассмеялась и помотала головой, облако волос поднялось и заколыхалось над ней.

Керн сделал третий круг, борясь с восходящими потоками среди домов, а сам глядел вниз на двух мертвецов, лежащих на крыше. Оба были молоды и оба крылаты. Девушка изящно опустилась между ними, словно их вообще не было, сложила крылья, переступила лужу крови, еще не засохшую, которая текла из раны на шее ближнего человека, пачкая его крылья еще более яркими пятнами.

В воздухе над собой Керн услышал биение крыльев. Он поднял голову и увидел, что горбун летает над ним. Солнечный свет блистал на лезвии его ножа. Рукой Герд показывал вниз. Что-то было такое в его мускулистом теле, что заставило Керна подчиниться. Ему впервые пришлось в голову, что драка в воздухе требует определенных навыков, которыми он еще явно не обладал.

Из осторожности Керн сделал еще круг и приземлился на самом краю крыши, держа крылья полураскрытыми, пока не убедился, что твердо держится на ногах. Девушка ждала его. Она улыбнулась, скользнув взглядом голубых глаз по трупам. Затем хлопнула по рукоятке своего кинжала, снова взглянула на мертвецов, затем на Керна и повернулась к двери, ведущей с крыши.

Немного ошеломленный, Керн последовал за ней. Девушка что, хотела сказать, что сама убила их? Какая же экстраординарная

культура ждет его здесь? Первые сомнения зашевелились в его голове, когда Керн пригнулся и сжал крылья, проходя через дверь, за которой нащупал ногой узкую винтовую лестницу и пошел по ней на колышущимися волосами своей провожатой. Позади он услышал громкие шаги Герда.

Пока они шли по лестнице, внизу послышались чьи-то голоса. Спустившись, Керн последовал за девушкой в большую комнату с каменным полом и низким потолком, всю в дыму от огня, горевшего в огромном камине из побеленного кирпича в конце помещения.

Комната была полна живых и мертвых. Керн изумленно уставился на крылатые тела, которые явно были переташены из центра комнаты к стене, где и свалены кучей. Тут и там на плитах пола виднелись лужи крови. Люди у камина, казалось, о чем-то громко спорили. Все резко замолчали, когда вошла девушка. Затем раздался взрыв гортанной речи, когда все присутствующие явно спешили приветствовать ее.

Керн разобрал одно повторяющееся слово, которое, вроде бы, было ее именем.

— Элия! Элия!

Их голоса эхом отражались от низкого потолка, крылья шелестели и трепыхались, когда они окружили ее. Если бы не трупы почти что у их ног, Керн был бы безоговорочно счастлив, зная теперь без малейших сомнений, что это мир крылатых людей.

Потом они заговорили, очевидно, о нем. Элия, заплетая растрепавшиеся волосы, быстро отвечала, взгляд ее метался с Керна на своих сотоварищей и обратно. Керну не понравились взгляды мужчин. Не будь у них крыльев, они бы походили на недисциплинированную, жестокую банду. Лица их были в шрамах. У всех за поясами торчали кинжалы, и было ясно, что последние несколько часов они вели тяжелую битву.

Среди трупов на полу были мужчины без крыльев. И были, как он теперь увидел, несколько женщин, некоторые крылатые, некоторые бескрылые. Что это? Две расы? Но Керн тут же подумал, что это вряд ли. И у бескрылых, и у крылатых было какое-то тонкое сходство, указывающее, что все они принадлежали к одному народу.

Потом он заметил, что все бескрылые были или пожилые или очень юные, и тут же вспомнил, что его собственные крылья начали расти, только когда ему исполнилось восемнадцать. Выходит, здешние люди развиваются так же, а значит, с годами и он утратит свои великолепные крылья, которыми только сейчас начал наслаждаться?

От этой мысли уменьшилось ликование, которое все еще переполняло Керна под внешним замешательством. Затем он криво усмехнулся, думая про себя: *Но, может, этого и не произойдет? Может, я просто не проживу столько?*

Подумал он так потому, что взгляды мрачных людей вокруг все не ободряли. И если предположение Керна об универсальности языка в этом мире верно, то не было странно, что его незнание давало им пищу для подозрений. А в поселении, где жизнь ценилась так дешево, он мог ожидать и более сильной реакции на подозрения.

И он не был так уж не прав. Мужчины заговорили друг с другом, явно споря, а девушка Элия, небрежно заплетающая волосы, то и дело вставляла в их спор слово-другое. И пока Керн стоял, думая, что бы предпринять, очень быстро наступила кульминация. Элия ясно и отчетливо что-то сказала, и Керн услышал у себя за спиной односложное слово в ответ, шелест крыльев, а затем почувствовал, как в шею ему уперлось что-то холодное.

Он спокойно стоял на месте. Тогда из-за его спины вышел горбун Герд, держа твердой рукой нож у горла Керна. Светлые глаза на темном молодом лице были полны холодной угрозы.

Кто-то затопал позади по каменным плитам, и Керн почувствовал, как ему соединяют запястья и обертывают колючей веревкой. Он не сопротивлялся. Он был слишком удивлен, слишком непривычен к насилию в повседневной жизни, чтобы так сразу понять, что нужно делать. И его все еще не покидала мысль, что это его народ.

Потом что-то тяжелое упало на спину и сковало ему крылья. Керн обернулся. Это была сеть, которую мужчина с изрезанным шрамами лицом и косыми глазами быстро привязывал к основанию его крыльев.

Горбун проворчал еще одно односложное слово и, не отводя ножа от горла Керна, дернул его к лестнице в другом конце комнаты. Крылатые мужчины отступили, давая им проход, и молча глядели на них с равнодушными лицами. Элия, закончив вторую косу, перебросила ее через плечо и не глядела на Керна, когда его вели мимо нее.

Винтовая лестница была стиснута узкими каменными стенами. Спустившись на три этажа, горбун распахнул тяжелую, низкую дверь и проследовал за Керном в комнату. К удивлению Керна, это оказалось вполне приятное помещение, круглое, с украшенными мозаикой стенами и мозаичным же полом. Единственное окно было зарешечено, из него были видны крыши и далекие холмы. В комнаты находились низкая кровать, стол, два стула и ничего более.

Горбун толкнул Керна к одному из стульев. Керн заметил, что у здешних стульев низкие спинки, не мешающие крыльям сидящих. Он сел и с надеждой взглянул на человека в красном. И тут произошло то, что Керн никак не ожидал услышать.

Герд протянул свой кинжал на ладони, указал на него свободной рукой и проворчал: «Кай». Затем шлепнул по ножнам на поясе, сказал «Кайен» и сунул в них кинжал, не сводя прозрачных глаз с Керна.

Неожиданно для себя, Керн рассмеялся. Отчасти от облегчения, потому что, как только они оказались в комнате, горбатый Герд перестал тыкать острие кинжала ему в горло. А отчасти потому, что только что происшедшее никак нельзя было понять иначе, как урок языка...

Ночью Керн ненадолго проснулся. В окне виднелись чужие звезды. Керну показалось, что кто-то заглянул ему в окно, но тут же он сонно понял, что никто бы не сумел улететь бесшумно. А он ничего не слышал. Тогда он снова уснул и во сне увидел в окне Элию, которая оперлась пальцами о подоконник и улыбалась ему в звездном свете, а ее лицо было окрашено в кровавый цвет.

Целых две недели он не видел никого, кроме Герда. Светлые, почти прозрачные глаза на темном лице стали ему знакомыми, и постепенно низкий голос горбуна стал произносить понятные слова. Герд оказался терпеливым и неумолимым учителем, а язык был очень простым, созданным для простой культуры. И Керн изучал его столь стремительно, что начал уже ловить подозрительные косые взгляды Герда, а затем, стоя у двери, подслушал странный разговор на лестнице между Гердом и Элией.

— Мне кажется, он шпион, — гортанным голосом сказал горбун.

— Шпион, который не говорит на нашем языке? — рассмеялась Элия.

— Он изучает язык слишком уж быстро. Я только дивлюсь, Элия... Гора хитра.

— Тихо, — ответила Элия.

Но после этого Керн начал притворяться, что знает язык хуже, чем было на самом деле.

Гора. Он думал о ней долгими часами, когда оставался один. Гора, нечто странное, цвета облаков, высотой до небес. Она явно не была каким-то обычным природным явлением, раз здешние люди говорили о ней, понижая голос, с затаенным страхом.

Еще две недели Керн ждал, слушал и учился. Как-то раз ночью, когда в окно заглядывали безымянные звезды, он почувствовал, что его разбудило нечто постороннее внутри него, и испугался. Но это

странное чувство тут же исчезло, слишком быстро, чтобы понять, что это было, или хотя бы запомнить. Мутация? Продолжение изменений, суть которых нельзя угадать? Керн решил об этом не думать.

А на четырнадцатую ночь Керн увидел Сон.

Он практически не думал о Брюсе Халлэме, Куа и остальных. Подсознательно он не хотел о них вспоминать. Это был его мир, а другие мутанты здесь были чужие, фальшивые ноты в здешней гармонии. Да, здесь его подстерегали опасности, может быть, даже смерть, но это был мир крылатых людей, его мир.

Ночами он начал видеть сны. Скорее даже не видеть, и не сны это были, а невнятный шепот, голос, который он наполовину узнал, но запретил вспоминать, когда проснулся. Что-то явно искало его.

Две недели так длилось, а на четырнадцатую ночь, перед заключительным контактом, он подслушал еще один разговор на лестнице между Гердом и Элией, и немного понял из него, что происходит.

Герд убеждал Элию покинуть город и куда-то вернуться, но Элия была непреклонна.

— Еще нет никакой опасности, — говорила она.

— Опасность есть всегда, когда мы вдали от Гнезда. Даже Гора не может провести наших врагов сквозь ядовитые ветра. Наша безопасность заключается в быстром набеге, Элия, и столь же стремительном возвращении в Гнездо. Оставаться в этой теснине — в *городе* — просто безумие.

— А мне нравится здешний комфорт, — наивно ответила Элия. — Давно я так вкусно не ела и не пила, и давно не спала на такой мягкой кровати.

— Скоро тебе будет уготовано более жесткое ложе, — сурово сказал Герд. — Города наверняка уже собираются. Они знают, что мы здесь.

— А мы что, так боимся горожан?

— Когда пойдет Гора... — начал горбун и резко замолк.

Ответный смех Элии прозвучал слишком фальшиво.

Той ночью Керн вновь почувствовал чьи-то пальцы, пытающиеся открыть дверь его разума, и на сей раз, после подсознательного сопротивления, он не мог не впустить их. И тут же узнал разум — бесконечно печальный, бесконечно мудрый разум мутантки Бирны с прекрасным голосом и бледным, некрасивым лицом.

Мгновение Керн колебался, затерявшись в глубинах этого разума, несравнимо более бездонного, чем его собственный. Но мгновение прошло, и бесконечная печаль омыла его, как морская вода. И он перенесся куда-то в другое место и глянул чужими глазами в пустоту, заполненную светом звезд. И увидел красивое лицо Куа с

медовой кожей и ее громадный единственный глаз. А потом пристальный, невыносимый взгляд Сэма Брюстера.

Он смутно принялся искать Брюса Халлэма, открывшего дверь для всех них. Но Брюса не было. А сам Керн смотрел глазами Бирны, и ее разум удерживал его, как руки, сложенные чашечкой, держат воду. И через пространство беззвучно пробился голос. Голос Куа.

— Ты нашла его, Бирна?

— Кажется, да.

— Керн, ответь же нам! Керн!

И он мысленно ответил им:

— Да, Куа. Да, Бирна. Я здесь.

Раздался негодующий голос Куа, — мысленный голос, поскольку никакие слова не были произнесены вслух на этом странном сеансе. Керн кратко подумал о том, что у Бирны уже были зачатки странной способности связываться на расстоянии, и что если они расцвели здесь пышным цветом, то нечто происходит и в нем самом.

— Мы долгое время пытались связаться с тобой, Керн, — холодно сказала Куа. — Но ты был почти недоступен.

— Я... Я думал, что вас здесь уже нет, — смущенно пробормотал Керн.

— Ты думал, что мы ушли в другие миры? Мы бы и ушли, если бы смогли. Но Брюс был ранен во время бури.

— Сильно?

Куа заколебалась.

— Мы... не знаем. Смотри сам.

Глазами Бирны Керн увидел неподвижного Брюса Халлэма, лежащего на ложе из веток. На вид он был странно бледным, чуть ли не цвета слоновой кости. Дыхание было почти незаметно. А разум Бирны, пытавшийся нащупать его в пустоте, обнаружил лишь странное, медленное вращение — что-то слишком далекое и абстрактное, чтобы это мог уловить обычный ум.

— Может, он в коме, — сказала Куа. — Мы не знаем. Но при помощи способностей Бирны мы немного узнали об этом мире. А что узнал ты, Керн?

И Керн стал им рассказывать, но думал при этом о своем положении в этом мире и о странном разуме Брюса. Он рассказал им все, что подслушал разговорах.

— Планета большей частью представляет собой океан. Есть лишь один небольшой континент размерами, думаю, с Австралию. На нем находятся города-государства. И есть также банда Элии — преступники. У них где-то имеется убежище, которое они называют

Гнездо. Оттуда они совершают набеги на города. Горожан они презирают, но и побаиваются. Я в этом еще не совсем разобрался.

— А этот... Герд? Он говорил о Горе? — спросила Куа.

— Да, что-то такое... Когда Гора пойдет.

— Ты видел Гору, — сказала Куа. — Оттуда идут бури — вихри света и энергии, смерчи...

КЕРН ВСПОМНИЛ вращающиеся ослепительные веретена, шагающие по равнине в водовороте ветров.

— Мы еще многого не понимаем, — встревоженно говорила Куа. — С этой Горой связана какая-то опасность. Мне кажется, там есть какая-то жизнь, о которой мы ничего не знаем. Вероятно, что-то такое, чего не существовало на Земле. Что-то слишком чуждое нам, но возможное на этой планете.

Керн почувствовал, как в его голове — в голове Бирны — рождается интересная мысль.

— Жизнь? Разумная жизнь? Что вы знаете об этом?

— Может, и не жизнь в известном смысле этого слова. Назовем это силой... Нет, она более материальна, чем просто сила. Я не знаю... — Мыслеречь Куа запнулась. — Нечто опасное. Мы должны узнать о ней больше, если останемся здесь. Но кое-что мы видели, при помощи способностей Бирны и моих. Мы обнаружили силы, идущие от Горы в умы людей. Умы крылатых горожан. Силы, собирающие их на войну. — Она снова заколебалась. — Керн, знаешь, они уже идут, прямо на город, захваченный твоей бандой.

Он тут же насторожился.

— Идут? Откуда? И когда они будут в городе?

— Я не знаю. Они еще далеко, на самой границе возможностей моего зрения... Бирна, скажи ему.

Разум, соединенный с Керном, шевельнулся, и через него Керн увидел, словно в тумане, шеренги крылатых людей, летящих, одновременно махая крыльями, в темном ночном небе.

— Видишь ли, я не могу определить расстояние до них, — дошла до него мысль Бирны. — Это у меня новая способность — ясновидение, — появившееся уже после того, как мы покинули Землю. Я вижу, но не отчетливо. Поэтому я лишь знаю, что эти люди летят на твой город.

— А сила, обитающая на Горе, я думаю, как-то вооружила их, — вставила Куа. — Бирна видела у них оружие. Ты должен предупредить своих друзей — или тюремщиков, или кто там они. Иначе тебя могут убить во время сражения.

— Ладно. — Но голова Керна была занята совсем другим. — Так ты говоришь, Бирна, что ясновидение появилось у тебя с тех пор, как ты оказалась здесь? Такое же произошло и с другими?

— Со мной, может, совсем немного, — медленно сказала Куа. — Усиление резкости фокусировки зрения — и не больше. С Сэмом... — Она искоса глянула на Сэма Брюстера, который сидел молча, опустив на глаза прозрачные вторичные веки, фильтрующие его ужасный взгляд. — Мне кажется, с ним ничего не произошло. Но, видишь ли, он не может участвовать в нашем разговоре. Бирна вообще не может достучаться до его сознания. Так что мы позже перескажем ему все, о чем говорим сейчас. А Брюс... — Она пожала плечами. — Может, крылатые люди скажут тебе, как можно ему помочь. Его коснулся краешком один из вихрей, и с тех пор он в таком вот состоянии. Знаешь ли, Керн, мы хотели идти дальше, чтобы отыскать свои собственные миры, как ты нашел свой. Но без Брюса мы беспомощны.

Керн почувствовал, как крепнет его ум, поскольку, наконец, перед ним возникла проблема, которую нужно решить. До сих пор он пребывал чуть ли не в трансе от удивления и восхищения всем, что видел в этом новом мире крылатых людей. Но этот период закончился. Он собрался было с мыслями, чтобы заговорить, но Куа опередила его.

— В Горе таится опасность, Керн, — мысли ее стали внезапно резкими, почти что жестокими. — Что бы там ни жило, оно знает о нас. Оно живет в Горе или, возможно, это и есть сама Гора. Но Бирна обнаружила идущую от нее ненависть. Вражду. Керн, ты мягкотелый дурак! — продолжала Куа. — Ты думал, что можешь попасть в Рай, не заслужив его? Будешь ты нам помогать или нет, тебе все равно придется столкнуться с опасностями, прежде чем ты найдешь свое место в этом мире или в любом другом. Не думаю, что ты сумеешь справиться со всем без нас. А нам нужна твоя помощь. Вместе мы еще можем выиграть это сражение. По отдельности ни у кого из нас нет ни малейшей надежды. Мы *знаем* это! Гора может быть таким же мутантом, только ушедшим в развитии от нас столь же далеко, как мы ушли от животных. Но мы должны бороться.

Ее голос внезапно стал расплываться и исчез. Звездная темнота закружилась во сне Керна. Мгновение он боролся с какой-то неосознанной опасностью — чем-то бесформенным, но полным враждебности. Он видел... но что именно? Что-то огромное, мотающееся, как язык пламени, и такое же яркое, лениво перемещающееся в темноте и знающее о нем... и это наполнило Керна особым ужасом!

Где-то далеко в пустоте он почувствовал дрожащий от испуга разум и понял, что это разум Бирны. Но тут же контакт с ней порвался, а затем его кто-то затряс за плечо, что-то настойчиво говоря гортанным голосом. Керн открыл глаза.

ГЛАВА IV. *Злая гора*

Еще пару секунд видение пламени обжигало ему веки, так что он видел лишь сине-зеленые круги, плывущие перед глазами. Но затем круги исчезли, а вместо них появилось мрачное, молодое лицо Герда.

Керн изо всех сил попытался подняться, помогая себе крыльями. Поднятый ими воздух разметал рыжие волосы Герда и в луче солнечного света, падающего на кровать, заплясали пылинки. От пережитого изумления и ужаса Керн забыл скрывать свое знание языка крылатых людей. Слова сами сорвались у него с языка.

— Герд, Герд, ты должен выслушать меня! Я узнал то, о чем до сих пор не подозревал. Отпусти меня! Горожане идут!

Герд уперся сильной ладонью ему в грудь.

— Не так быстро. Кажется, ты выучил наш язык во сне? Нет, не вставай. Элия! — повысил он голос.

Девушка появилась буквально через мгновение, и Герд отступил, держа руку на рукоятке кинжала и не спуская с Керна светлых, подозрительных глаз. Утреннее солнце озарило ее прекрасное лицо, светлые косы, закрученные в диадему, засияли над изгибами крыльев.

— Наш гость проснулся нынче утром, странно быстро выучив наш язык, — быстро заговорил Герд, не сводя с Керна глаз. — Я говорил тебе, что это шпион, Элия.

— Ладно, я, в самом деле, знаю ваш язык лучше, чем притворялся, — признался Керн. — Просто я изучил его так быстро, что вы бы не поверили, только и всего. Но сейчас это не важно. Вы знаете, что горожане вот-вот нападут?

Герд тут же подался вперед, полураскрыв крылья и захлопав ими в солнечном свете.

— Откуда тебе это известно? Ты шпион!

— Позволь ему говорить, Герд, — сказала Элия. — Позволь говорить. И Керн заговорил.

Под конец рассказа Керн увидел, что они еще не совсем поверили ему. Это было не удивительно, потому что такой рассказ изумил бы и поставил в тупик любого. Но сведений о наступающей армии было достаточно, чтобы свернуть их мысли в нужное русло.

— Неужели я стал бы предупреждать вас об их прибытии, если бы был шпионом? — воскликнул Керн, видя сосредоточенные на нем их сомневающиеся взгляды, когда он закончил рассказ.

— А, может, ты шпионишь не для этой армии, — нехотя пробормотал Герд.

— Эта твоя другая Земля! — воскликнул Герд, впившись взглядом в лицо Керна. — Если это правда, тогда объясняется многое. Но нам неизвестны никакие другие миры.

Керн мельком подумал, что для культуры Элии было бы проще поверить в существовании потусторонних миров, чем для обитателей более развитой цивилизации. Люди здешней крылатой расы еще не закрыли свой ум для всего, чего прежде не видели. Здешняя цивилизация еще не была настолько уверена в собственном всемогуществе, что отклоняла существование всего неизвестного.

— Неужели я могу причинить тебе вред? — сказал Керн. — И зачем мне было предупреждать вас, если бы я был на их стороне?

— Это все Гора, — неожиданно сказала Элия. — Как ты думаешь, зачем мы вообще держим тебя в этой пустой комнате, где нет ничего, из чего бы ты мог сделать оружие? Ты не знаешь?

Измученный, Керн покачал головой.

— Мы не знали, не являешься ли ты рабом Горы. Если бы это было так, то любой обрывок проволоки, любой кусочек металла стал бы опасным в твоих руках. — В глазах Элии по-прежнему плескалось сомнение.

Керн снова покачал головой. Тогда, с легкой иронией, заговорил Герд.

— Это длинная, отвратительная история. История Зла. Возможно, ты это знаешь и сам. Во всяком случае, мы — единственные свободные люди в этом мире. О, можно найти еще немного, но их мало и долго они не живут. Гора ревнует к своим рабам. Кроме нашей группы, вся остальная часть Человечества принадлежит Горе. Вся!

— А эта Гора? — спросил Керн. — Что это такое?

Герд пождал рыжими крыльями.

— Кто знает? Бог-демон. Если когда-то и существовала ее история, то все давно забыли о ней. Никакие легенды о Горе не существуют. Мы лишь знаем, что Гора была всегда, и шепот ее настигает людей во сне, и они становятся рабами этого шепота. Что-то меняется в их головах. Большей частью они живут, как обычно, в своих городах. Но иногда к ним снова приходит шепот, они теряют разум и делают все, что велит им Гора.

— Мы не знаем, что такое Гора, — добавила Элия. — Знаем только, что она разумна. Она может заставить человеческие руки сделать

оружие, когда нуждается в оружии, а может наслать бурю, как та, во время которой мы нашли тебя. Долго, очень долго Гора не насылала бурю. И если ты не шпион, то как объяснишь, что твое появление и буря произошли одновременно?

КЕРН ПОЖАЛ плечами. Он тоже был этим озадачен.

— Мне жаль, что я ничего не знаю. Но я узнаю, если только человек вообще может это узнать. Но вы хотите сказать, что армия, которая надвигается на вас, послана Горой? Но зачем?

— Пока мы остаемся свободными, Гора пытается поработить нас, — ответила Элия. — И мы сражаемся с горожанами за то, что нам необходимо, так как не смеем сражаться с самой Горой. Да, Герд, я знаю, что мы слишком задержались в этом городе! Мы немедленно возвращаемся в Гнездо. Раз сюда летят горожане, значит, у них есть оружие, которое Гора заставила их создать, и это оружие опасно, чем бы оно ни было на сей раз.

— Пленник может уже знать это, — строго заметило Герд. — Но важно не это. Важно то, что, если мы возьмем его в Гнездо, то он может привести туда наших врагов, Элия.

— Через ядовитые ветра? — Но Элия задумчиво прикусила нижнюю губу. — Я знаю, Герд, он рассказал нам безумную историю. Но что, если это правда?

— Ну, и что тогда?

— Он говорил о своих товарищах. Они похожи на богов. И они говорили о борьбе с Горой.

— Бороться можно хоть со звездами, — рассмеялся Герд. — Но только не с Горой. Даже боги не смогли бы выиграть такую войну.

— Они не боги, — сказал Керн. — Но у них есть способности, которых нет ни у кого из нас. Мне кажется, наступает поворотный момент в истории вашей расы, Элия и Герд. Вы можете уничтожить нас, или отвергнуть нас и жить, как всегда. Или можете поверить мне и помочь нам бороться с неплохими шансами на победу. Так что вы выберете?

Секунду Элия молчала. Затем рассмеялась и внезапно встала, подрагивая крыльями.

— Я согласна с тобой и поговорю с твоими друзьями, — сказала она. — И если они окажутся такими, как ты говоришь, тогда, Керн, да, я поверю тебе. Потому что Гора никогда еще не меняла человеческие тела. Она может изменять наши разумы, но не тела. Я думаю, вначале было мало таких людей, чьи мозги имели какую-то слабость, зазор, в который сумел войти шепот, и эти люди были вооружены Горой и уничтожили своих собратьев, так что остались

лишь те, что объявлены вне закона. Многие поколения наши сознания сопротивлялись вторжению, так же, как сознания горожан приветствовали его. Я думаю — знаю! — что если бы Гора обладала властью над нашими телами и могла внести в них то крошечное изменение, которое открыло бы для нее наши сознания, она бы давно уже победила. Но этого она не может. Она не может изменять наши тела, может лишь убивать. И если я собственными глазами увижу товарищей Керна, то буду знать, что существует сила, более могущественная, чем Гора. И тогда мы станем бороться вместе, Керн!

Немного позже, паря высоко над уступами холмов, на которых стоял город, Керн, расправив крылья, плотно закрыл глаза и из всех сил думал:

— Бирна, Бирна! Ответь мне, Бирна! Помоги мне найти вас. Бирна, ты слышишь меня?

Тишина, не считая далеких криков от летящей ниже крылатой группы Элии, которая, собрав награбленное, стремилась побыстрее улететь в Гнездо. Веки Керна были закрыты, но перед глазами все равно стояло видение солнечного света. Он пытался очистить свой разум, чтобы уловить ответ. Но ответа не было.

— Бирна! Нельзя тратить впустую время! Бирна, Куа, ответьте мне!

Мысли его то и дело перебивали воспоминания о том, что он видел глазами Бирны: ряды вооруженных крылатых людей, несущихся в ночи к городу. Возможно, они были еще далеко, а, может, те облака на горизонте были не туманом, а вооруженной армией...

— Бирна, ты слышишь меня?

— Керн!

Ответ, который он так долго ждал, ударил в него, как молний. Словно она была совсем рядом и буквально кричала мысленно. Он уловил в ее мыслях ужас, холодный ужас, от которого сам застыл так, что даже пронизанный солнцем воздух, казалось, стал вокруг него ледяным. Керн тут же понял, что она уже какое-то время слышала его и просто искала место, где никто бы не помешал их связи, чтобы им не пришлось тратить впустую время, нащупывая друг друга. И теперь ее мысли буквально взорвались у нее в голове:

— Быстрее, Керн! Поспеши! Не трать время попусту! Видишь рощу цветущих деревьев на горизонте? Лети туда! Там установим новый контакт.

Она пропала столь же внезапно, как и появилась. Но поскольку мыслесвязь была неизмеримо быстрее, чем общение словами, Бирна сумела передать всем четверым карту местности и обещание

контактов в будущем, почти не потратив на это время. Однако в тот краткий момент когда их разумы были связаны, что-то произошло.

Керн покачнулся, словно его что-то потрянуло. Он тут же прервал с Бирной связь, но на краткий момент был опален жгучей ненавистью, вспыхнувшей в пустоте между ними. Это был такой же язык пламени, какой он уже видел, когда его разбудил Герд, но на этот раз гораздо более живой и энергичный.

КЕРН ПОНЯЛ, что его поджидали, в тот же момент, когда отскочил от жгучего контакта. Нечто нашло их тогда, когда он в прошлый раз переговаривался мыслями во сне с Бирной.

И теперь оно лежало, ожидая повторения. Оно? Но что *оно*?

Свернув крылья, он ринулся вниз по длинной, захватывающей дух дуге, и воздух засвистел в ушах. Далеко внизу с мозаичной крыши поднялись две фигурки, одна на светлых крыльях, другая на глянцево-рыжих. Тогда он распростер свои крылья, ликуя от усилий в грудных мышцах, когда широкие плоскости прекратили падение и понесли его по кривой ввысь, а воздух стал теплым и твердым.

— Нам туда, — крикнул он на лету Элии, показывая рукой направление. — Нужно спешить. Что-то не так. Мне кажется, Гора или Не-что в Горе уже знает, что мы здесь.

Ясное лицо Элии побледнело в солнечном свете. Позади нее глаза Герда сверкнули на темном лице по-прежнему подозрительно.

— Почему вы так говорите?

Керн коротко рассказал им, пока они летели к роще цветущих деревьев на самом горизонте. Одновременно говорить и лететь было не так-то просто. Дыхание Керна сбилось, к тому же, после стольких дней неподвижности у него заболели крылья и грудь. Когда он закончил рассказ, наступила тишина.

— Гнездо находится там, — сказала, наконец, Элия, махнув рукой, показывая направление. — Я послала туда большинство людей с нашей добычей. Герд отобрал двадцать человек, чтобы они следовали за нами. Ты не знаешь, далеко ли люди Горы?

Керн покачал головой.

— Возможно, я узнаю это во время следующего сеанса с Бирной.

Он оглянулся и увидел небольшую группу телохранителей Элии в нескольких минутах полета сзади, все это были крупные мужчины с суровыми, бесстрастными лицами. Некоторые несли какие-то плетеные коврики.

— Сидения для твоих друзей, Керн, — пояснила Элия. — Мы пользуемся ими, когда переносим наших юнцов или стариков, кто уже не может летать.

Лицо ее помрачнело, и Керн уже знал, что так мрачнеют лица у всех крылатых при мыслях о том времени, когда они уже не смогут самостоятельно летать по воздуху.

Тогда Керну пришло в голову, что сражения у них происходят свирепо, потому что они бьются с людьми, настроенными так же фанатично, как на Земле те, кто считает, что сражается за право попасть в вымышленный Рай. И, конечно же, с собственной старостью эти люди бьются так же, как с врагами. Никто из тех, кто хоть раз поднялся ввысь на собственных крыльях, не желал вести бескрылую жизнь.

Но под ними уже была цветущая роща.

— Если ты снова вступишь в контакт с *Этим*, Керн, то думаю, *Оно* легко поймет, куда направить своих людей, — предостерегла его Элия. — Тут кроется большая опасность. Ведь на контакт со своими тебе понадобится какое-то время? Но этим контактом ты можешь причинить вред им, а также и нам. Армия Горы может быть где-то рядом.

Керн заколебался. Всеми клеточками тела он боялся того момента, когда придется открыть свой разум и подставиться той паллящей враждебности. На мгновение у него даже возникла мысль отложить контакт с Бирной, но Керн понял, что это все равно, что откладывает встречу с неизбежностью. Он мрачно покачал головой.

— Бирна! — мысленно позвал он. — Бирна, где ты?

Как и прежде, тянулись долгие секунды, а ответа не было. Затем кратко, как вздох, Керн поймал касание Бирны, очень кратковременное и бессвязное, потому что в момент контакта на него обрушилась жгучая, ослепляющая ненависть чужака. Очевидно, эта раскаленная добела ненависть могла достигнуть их только, когда их разумы вступили в контакт, но зато на сей раз она встала между ними почти что непроницаемой стеной, прежде чем Бирна успела заговорить.

Мысленно отскакивая назад, ошеломленный и потрясенный тем, что встало между ними, Керн все же уловил из сознания Бирны одну мысль:

— Три холма... поспеши... армия!..

Только и всего, а потом еще целую секунду пустота между ними горела чистой ненавистью. Затем Керн открыл глаза и понял, что плотно закутался в крылья. Элия и Герд смотрели на него, не говоря ни слова, пока он приходил в себя от потрясения. Лицо Элии

было бледным от ужаса, но на лице Герда все еще преобладала подозрительность. Керн огляделся. Впереди, у самого горизонта, отчетливо вырисовывались три высоких холма. Керн указал на них, и их небольшая группа тут же поднялась в воздух. Если короткое мыслеслово Бирны «армия» означало, что враг уже близко, то теперь вся надежда была на то, что они достигнут мутантов быстрее, чем до них доберется враг.

ГЛАВА V. Преследование

ТРИ ХОЛМА были уже под ними. Керн с тревогой озирает горизонт, ища признаки приближения крылатой армии, когда внизу что-то блеснуло прямо ему в глаза. Он замигал и присмотрелся. От кучки деревьев снова блеснул яркой точкой лучик света. Затем из-за деревьев выдвинулась небольшая фигурка и помахала ему рукой.

Это была Куа. Даже с такой высоты Керн различил солнечный свет, отражающийся двумя лучиками от ее солнцезащитных очков. Она использовала очки в качестве гелиографа.

Махнув рукой вниз, Керн поднял одно крыло и стал полого скользить вниз. Земля закачалась, и Куа, казалось, полетела ему навстречу, так быстро сокращалось расстояние между ними.

Когда ноги Керна коснулись травы, остальные были уже рядом с Куа. Керн, как всегда, испытал небольшой шок, встретившись со взглядом ее единственного глаза, расположенного посреди лба. Бирна поспешила к нему, подняв вверх бледное, четко очерченное личико.

— Керн! — то ли воскликнула, то ли пропела она своим невыразимо музыкальным голосом.

И Керну показалось, что в ее глазах, как и в единственном глазе Куа, появилось что-то новенькое. Мутация продолжала развитие в них, возможно, именно потому, что они ушли с Земли. Их способности усиливались, так что отчасти они обе были для Керна незнакомками.

Подошел Сэм Брюстер, улыбаясь и протягивая руку. И Керн пожал ее со скрытым внутренним испугом, который всегда чувствовал в присутствии Сэма, инстинктивно избегая его скрытого взгляда. А через плечо Сэма он увидел лежащего неподвижно Брюса Халлэма, который, как его положили на ложе из веток, так ни разу и не пошевелился. Лицо у него было цвета слоновой кости и казалось таким же изъеденным временем, как лицо статуи, которая вообще никогда не жила.

А через несколько секунд началась суэта.

– Быстрее, быстрее! – закричала Бирна.

Взгляд Куа продолжал сканировать горизонт, в то время как крылатые люди опускались на землю позади Керна и быстро шагали вперед, помогая себе крыльями.

Керн услышал сдавленный возглас Элии, полный тревоги и недоверия, когда синий глаз Куа обратился на вновь прибывших. Но крылатая девушка была слишком хорошим командиром, чтобы напрасно тратить время, потому что с первого же взгляда получила подтверждение всему тому, что рассказал ей Керн.

Через несколько секунд все уже были в воздухе.

Брюс Халлэм, все так же неподвижный в своем таинственном сне, покачивался на плетеном коврике между двумя рослыми летунами. Трое других мутантов не успели и глазом моргнуть, как вознеслись в небеса.

У Керна, неторопливо летящего вместе с остальными над спокойными холмами, глядя на маячившее у горизонта стеклянное облако Горы, мог разговаривать со своими бескрылыми товарищами. Элия и Герд постоянно держались возле него, внимательно, чуть ли не ревниво наблюдая за лицами говорящих.

– Что они говорят, Керн? – спросила Элия, синхронизируя свою речь с темпом взмахов крыльев. – Ты... ты уверен, что это вообще люди? Я никогда не видела таких... таких... существ. Герд, а вдруг это боги? – задала она неожиданный вопрос.

Герд только рассмеялся, но в голосе его звучала тревога.

– Не мешай им говорить, Элия. Спроси их, Керн, враг уже рядом?

– Я думаю, рядом, – ответила Бирна, стискивая крошечными ручками края своего качающегося сидения, и в ее голосе, хотя и по-прежнему невероятно музыкальном, звучал страх, как и во взгляде. – Керн, я не смею их больше искать! Ты же видел, что было в последний раз! Керн, скажи мне, что видел *ты*?

– Я? По-моему огонь. Языки пламени и... ненависть. Я почти что видел эту ненависть!

– Гора, – пробормотала-пропела Бирна, невольно обращая глаза к огромному облаку, зловец висящему над горизонтом. – Что ты знаешь о ней, Керн? Что рассказали эти люди?

Керн коротко пересказал ей то, что услышал от Элии.

– Но она не может изменять людей физически, иначе давно бы уже не осталось сопротивляющихся, – закончил он рассказ. – По крайней мере, так думает Элия. Бирна, а интересно, может ли она повлиять на нас? Неужели мы тоже можем стать покорными рабами? Я...

Керн заколебался. Даже Бирне он не решался сказать о глубоких таинственных ощущениях, которые почувствовал в себе.

— Как ты думаешь, ты и Куа могли бы почувствовать какие-то изменения?

Бирна кивнула, широко распахнув несчастные глаза.

— Мы ни в чем не уверены. Что-то чувствуем, и, может, причиной этого является Гора... А может, и нет.

Неожиданно в разговор вступил Сэм Брюстер, качающийся на сидении чуть выше Бирны.

— Гора, вот где все ответы, Керн. Я считаю, что мы не можем быть в безопасности, пока не изучим ее.

— В безопасности! — мрачно воскликнул Керн. — Если бы ты видел то же, что видел я, то никогда не сказал бы этого.

— Сейчас все это неважно, — сказала Куа, повернувшись и уставившись на них своим единственным синим глазом. — Смотрите! Вон они!

КЕРН РЕЗКО повернулся, но указующий палец Куа проследил достаточным объяснением и для Элии с Гердом. Дрожь волнения пробежала по всей группе летунов. На мгновение темп их замедлился, одновременно, без всякого согласования, точно так же, как синхронно летает стая птиц, не общающихся при этом друг с другом.

Но на горизонте, куда указывала Куа, не было ничего видно.

— Я вижу их первые ряды, — сказала Куа. — Они что-то несут, но я не пойму, что. Круглые сетчатые штуки, блестящие, как провода. Солнце так и сверкает на них.

Керн быстро пересказал это Элии.

— Новое оружие, — ответила Элия. — Я ждала этого. Достаточно скоро мы узнаем, что это такое.

Она взмахнула крыльями и взлетела над группой, оценивая, глядя на всех.

— Мы летим слишком медленно, Керн, — сказала она затем, сверкнув на него глазами. — Ваш друг ранен. Он тяжелый. Он тормозит нас. И два человека не смогут из-за него участвовать в сражении, если нас догонят. Я думаю... — Она сделала выразительный жест рукой вниз.

— Нет! — воскликнул Керн. — Он самый мощный из нас, если только удастся его разбудить.

— Ну, так он упадет первым, если придет такая нужда, — отрезала Элия. — Но пока что подождем.

Она выкрикнула группе какую-то команду, и восемь мужчин тут же развернулись и полетели назад. Керн смотрел, как они ровно, без малейшего сбоя, перехватили построения плетеных сидений у тех, кто нес их уже давно.

— А теперь вперед! — сказала Элия. — В Гнездо!

Они были уже почти над зубчатыми холмами, где находилось убежище преступников, когда на горизонте появились первые шеренги врагов. Беглецы полетели низко, используя для прикрытия холмы и деревья, и, несмотря на ношу, летели быстро, почти так же быстро, как и преследователи, так как враги утомились за время ночного перелета.

Но они еще не добрались до убежища, когда наполненный солнцем воздух разорвал звук горна, высокий и ясный, и его тут же заглушил рев множества глоток, когда враги увидели свою добычу.

Но Элия была спокойна.

— Герд, — сказала она, — ты поведешь нас?

— Нет! — проворчал тот. — Путь идет один из капитанов. Мне больше по душе драка.

— Тогда оставайся, — сказала Элия.

Она крикнула распоряжение переднему человеку. Теперь они летели с такой скоростью, с какой только могли нести их крылья, к промежутку между двумя высокими темными холмами, за которыми Керн увидел хаос искалеченных скал. Все это походило на преддверия действующего вулкана, и, по мере приближения, навстречу им неслись волны тепла и странных металлических запахов.

— В этих холмах есть ядовитые воздушные течения, — разворачиваясь, сказала Керну Элия. — Многие наши погибли, прежде чем мы отыскали безопасный проход. Зато теперь у нас есть убежище, куда никто не сможет проникнуть, если у него нет проводника...

Она вдруг резко замолчала. Керн оглянулся на нее и увидел, как Элия вдруг покачнулась в полете, резко откинула голову назад, так что стало видно ее горло, ослепительно белое на фоне голубого неба. А затем она молча камнем полетела вниз.

И время остановилось для Керна. Замерло все, холмы с плывущим над ними паром, их летящая группа и кроны деревьев, колыхающиеся на ветерке. Керн видел первые ряды надвигающегося врага, тоже неподвижно зависшие в пространстве, и только их крики шумом отдавались в ушах.

Он также очень ясно увидел большие овалы оружия, которое они несли с собой, и свет, блестящий на сложной вязи чего-то, напоми-

нающего перепутанные провода. Он увидел конус света, вырвавшийся из ближайшего овала, который коснулся еще одного беглеца.

Все застыло на миг, и затем миг этот прошел. Керн ринулся за падающей Элией едва ли не быстрее, чем она замолчала, обогнал ее и поймал снизу руками спину и неподвижные крылья.

Над ним резким голосом выкрикивал приказы Герд. Когда Керн поднялся к остальным со своей ношей, то увидел проводника крылатых людей, скрывающийся в расщелине между двумя холмами и ведущий за собой те пары, которые несли мутантов.

Затем воздух наполнил дикий рев и оглушительное хлопанье крыльев, когда враг напал на них. Они были вокруг повсюду, Керн видел искаженные, оскаленные, вопящие лица и блеск ножей в их руках.

Керна пронзила странная и одновременно жуткая мысль, что ведет их не обычная человеческая ненависть, а яростная, но непонятная враждебность Горы. Или эта надвигающаяся толпа знает, за что сражается? Может, они искренне считают, что ярость их собственная, а не внушенная им чудовищной горой, превратившей их в бездумные автоматы?

Конус света пролетел мимо Керна, чуть не коснувшись кончиков его крыльев, и попал между крылами летящего перед ним человека. Тот судорожно затрясся, выгнулся назад и затем рухнул вниз, на секунду перед этим застыв в воздухе. Крылья у него сложились, как и у Элии, и человек исчез из поля зрения Керна.

ГЕРД ОТЧАЯННО жестикулировал Керну, опрометчиво носясь на рыжих крыльях прямо перед врагами, и в руках у него сверкали ножи, готовые вонзиться в любого, кто окажется в их досягаемости. Он хрипло выкрикивал какие-то приказы, почти не слышные в громе многочисленных крыльев и реве врагов, жаждущих крови.

Последние из группы беглецов влетели в расщелину, Керн был почти позади всех, поскольку его руки оттягивала драгоценная ноша. Воздух был полон изгибающихся струек пара, и Керн, практически, перестал что-то видеть. Он был словно в жутком кошмаре, полуослепший от ядовитых испарений, полуоглохший от хлопанья крыльев и рева человеческих голосов. Он мог лишь следовать за спиной человека, летящего впереди, которого было смутно видно сквозь туман. Элия неподвижно лежала у него на руках, крылья ее обмякли и свисали вниз.

Последним, что Керн увидел, оглянувшись, был Герд, готовый последовать за остальными в расщелину, но задержавшийся, прикрывая отход. Затем, в полумраке, Керн увидел еще двоих крыла-

тых, спешащих за ним, двоих, несущих тяжело нагруженное плетеное сидение.

Они несли Брюса Халлэма. Элия была права. Брюс был слишком тяжел, чтобы летуны могли нести его достаточно быстро. Очевидно, они отстали по дороге и только теперь сумели сократить расстояние.

Но спасет ли их это?

Несмотря на свою ношу, Керн остановился и обернулся назад. Он увидел, как Герд жестами торопит оставших и услышал его дикие крики.

— Бросайте его! — вопил Герд. — Бросайте его и летите!

Но прежде, чем те успели повиноваться, из тумана вырвался белый конус огня и накрыл и летунов, и их ношу.

Не было ни малейшего звука, не считая шума, издаваемого преследователями. И в этой тишине летуны еще пару мгновений скользили в воздухе, по-прежнему не выпуская свою ношу... а затем выронили ее.

И все трое исчезли в поднимающемся внизу тумане.

Керн полетел дальше с Элией на руках.

Дуновение горящего пара ужалило его ноздри и огнем обожгло легкие. Элия почти невыносимым весом оттягивала ему слабеющие руки.

Кашляя, задыхаясь, думая, что каждый взмах крыльев будет последним, Керн упрямо летел вперед за человеком впереди, его единственным проводником в этом ядовитом воздушном лабиринте. Горячие восходящие потоки подхватили его и бросили наверх, но тут же встречные течения отправили вниз, на оказавшиеся вдруг опасно близко черные зубчатые холмы. Керн понимал, что на такой скорости он не переживет и малейшего касания к этим скалам.

А утрата Брюса была даже более тяжелой ношей, чем вес неподвижной Элии. Потому что один лишь Брюс мог открыть двери, чтобы все остальные попали в подходящие для них миры. И на эти странные таланты Брюса Керн возлагал свою надежду на освобождение здешнего мира от его исконного врага.

Дышать, дышать... Все мышцы Керна болели от долгого полета, легкие жгло, в голове мутилось.

Конец кошмара наступил без всякого предупреждения. Секунду назад он еще летел практически вслепую через восходящие потоки пара, а в следующий миг оказался в чистом, неподвижном воздухе, а внизу был большой плоский выступ скалы. Крылатые люди внизу делали ему жесты спускаться, и Керн осторожно, на невыносимо

ноющих крыльях, спустился и осторожно коснулся подошвами скалы.

Когда он перенес вес с крыльев на ноги, Элия у него на руках вдруг закашляла. Вздвогнув, Керн глянул на нее, от удивления забыв обо всем. Он ведь был уверен, что она умерла или умирает. Но Элия открыла глаза, слепо взглянула на него и снова опустила ресницы. По крайней мере, она все еще была жива.

Керна обступили люди из ее отряда и осторожно приняли у него Элию. Керн с любопытством осматривался, следуя за теми, кто нес по выступу скалы Элию.

Впереди открылась высокая арка входа пещеры, ведущего прямо в черную скалу, а выступ перед пещерой тоже был угольно черный. Над выступом, который был на высоте сотни метров, воздух был спокоен, не крутилось никаких ядовитых струй пара, хотя их было немало вокруг скалы, они изгибались наверху, образуя нечто вроде навеса, закрывающего все небо, за исключением случайных чистых клочков в вышине. Все это напоминало средневековую картину Ада, куда хорошо вписывалась и толпа встречающих новоприбывших крылатых людей с мрачными лицами.

Мутанты уже были среди них. Керн рассказал им об утрате Брюса, но не стал заострять на этом внимания, боясь нанести смертоносный удар по надеждам остальных, а, может, и своим собственным, если этот мир будет окончательно отдан во власть рабов Горы.

Никто из мутантов не сказал ни слова. Потеря была ошеломляющей и горестной, маленькое печальное личико Бирны стал еще бледнее, а большой голубой глаз Куа заполнился слезами, и она отвернулась. Сэм Брюстер что-то прошептал, и на секунду Керн увидел, как задержались вторичные веки его глаз, как дергались всегда, когда Сэм был в горе и в ярости.

— Сэм! — резко сказал Керн.

Лицо Сэма передернулось, и он отвернулся, снова закрывая вторичные веки.

Элия лежала в пещере на соломенном матрасе под растянутым темно-красным тентом. В грубом каменном углублении горел огонь, его тепло отражалось от тента и обогревало лежанку. Когда Керн подошел, кто-то как раз поднес к ее губам миску с дымящейся жидкостью.

Керн смотрел, как она медленно пьет. Затем Элия откинулась на подушки, но глаз не закрыла, оглядела собравшихся вокруг мужчин, и лицо ее стало розоветь. Через некоторое время оно уже стало обычного цвета, Элия прокашлялась и села.

— Ладно, — сказала она. — Мне уже лучше. Как наши дела?

Керн коротко рассказал ей.

— Герд? — спросила она, когда он закончил.

Люди вопросительно поглядели друг на друга. По пещере пронесся шелест голосов. Герда никто не видел. Кто-то расправил тяжелые крылья, поднялся под потолок пещеры и полетел к выходу. Но Герда найти не могли. Лицо Элии потемнело.

— Лучше бы мы потеряли двадцать человек, чем Герда, — резко сказала она. — Ты говоришь, что он летел за тобой, Керн? И ты не слышал звуков борьбы, и никакого шума?

Керн покачал головой.

— Трудно сказать. Мне показалось, что он следует за мной. Последнее, что я видел, это как Брюс и его носильщики камнем падают вниз.

ЭЛИЯ ЗАКУСИЛА губу.

— Мне так жаль! Нам всем будет его не хватать. Он был самым храбрым из нас и самым верным. Я знала его всего лишь год, но только теперь поняла, как многое зависело от его суждений... — Она резко прервала себя. — Ну, тут ничего уже не поделаешь. Думаю, в него попали эти конусы света. Интересно, как они действуют? — она согнула крылья и для проверки напрягла мышцы. — Кажется, удары лучей обходятся без последствий. Наверное, подбитые погибают лишь от падения с высоты. По крайней мере, нам повезло, что мы обошлись без более худших потерь. — Она поднялась на ноги, помотала головой, расправила крылья и пару раз неуверенно взмахнула ими, чуть-чуть не поднявшись в воздух. — Вроде бы все в порядке. — Элия протянула руки к огню, потому что в пещере было сыро и холодно. — Гора разгневана, — сказала она. — И не только из-за нашего набега на город наслала она на нас целую армию. Была еще и буря. Я думаю, Керн, что Гора знает, что вы здесь, и пытается уничтожить именно вас. Ты не знаешь, почему?

У Керна имелись кое-какие неопределенные гипотезы, очень неясные, чтобы их было можно выразить словами. Поэтому он лишь покачал головой. Тогда Элия рассмеялась.

— Герд так и не стал доверять вам. Если бы он сейчас был здесь, то сказал бы, что это именно из-за вас враг ополчился против нас. Он сказал бы, что вас нужно устранить, и тогда все станет, как прежде. — Голос ее внезапно стал твердым и решительным. — Есть ли хотя одна причина, почему я не должна сделать это?

Керн в растерянности уставился на нее.

— Если ты сама не видишь таких... — начал было он, но Элия его прервала.

— Ты спас мою жизнь, — признала она, — но мы не сентиментальный народ. Мы не можем позволить себе миндальничать. Если ваше присутствие угрожает нашей общей безопасности — я не могу потворствовать собственному чувству благодарности, подвергая опасности своих людей. Каждый из нас должен служить усилению группы, иначе все погибнут. — Она пожала плечами. — Ты сойдешь за бойца, но как насчет твоих друзей? Могут они уравновесить то, что прикованы к земле?

— Я думаю, могут. Наверняка могут, Элия, — ответил Керн. — Если мы не сумеем совладать с Горой, то я думаю, что, по крайней мере, мы, мутанты, обречены. Наше прибытие нарушило баланс в вашем мире, Гора знает это и стремится избавиться от нас. Да, мы потеряли лучшего из нас, Брюса Халлэма. С его помощью мы наверняка смогли бы открыто выступить против Горы. Без него все будет труднее. — Керн поморщился. — Вспомни, мы с Бирной выходили на связь... с тем, что является Горой. Мы знаем, с чем имеем дело, и я не вижу другого выхода. Либо убьем, либо погибнем сами.

— Керн, — раздался за его спиной нежный голос Куа.

Он повернулся. Элия тоже повернулась, и краешком глаза Керн увидел, как ее на миг передернуло при виде лица Куа.

Большой голубой глаз Куа, сияющий и кажущийся бездонным, уставился на каменную стену выше импровизированного очага. Лицо ее было сосредоточено и одновременно отстранено, словно она находилась где-то далеко.

— Керн! — повторила она. — Сюда летят люди. Много людей. Мне кажется, это те, кто преследовал нас снаружи. — Она заколебалась, быстро взглянула в лицо Элии, затем снова сфокусировала глаз на твердой стене.

— Ты видишь их, Куа? — воскликнул Керн. — Ты это имеешь в виду? Но ты понимаешь, что глядишь не вдаль, Куа? Ты смотришь в каменную стену!

Когда Куа повернулась к нему, лицо ее выглядело потрясенным, и одного этого было уже достаточно.

— Я!.. — выдохнула она. — Такого никогда... еще не было прежде. Керн, это правда, мы все изменяемся. Изменяемся быстрее, чем успеваем это осознать... Теперь я могу видеть сквозь камень.

Она снова повернулась и уставила свой бездонный глаз туда, куда никогда еще не проникал человеческий взор без помощи хитроумных приборов.

— Они летят сюда, — сказала она. — Летят сквозь туман тем путем, каким прилетели мы.

Керн быстро передал ее слова Элии. Элия резко подалась вперед.

— Летят через лабиринт? — закричала она. — Но это же невозможно! Никто не может пройти тем путем без проводников. Они не смогут пройти прежде, чем будут отравлены газами.

— У них есть проводник, — сказала Куа странно тихим голосом, снова устремив свой пристальный взор на Элию. — Их ведет твой друг. Герд.

ГЛАВА VI. Предательство

В ПЕЩЕРЕ на мгновение воцарилась испуганная тишина, когда Керн закончил переводить слова Куа. Затем начался бедлам. Окружающие люди, до сих пор стоявшие молча, взорвалась негодующими криками. Кто-то из них стал высмеивать слова Куа, кто-то проклинать Герда. Элия резко заставила всех заткнуться.

— Я тебе не верю, — ровным голосом сказала она. — Герд не предал бы нас.

Куа пожала плечами.

— Вы должны подготовиться встретить их, — сказала она.

Элия на мгновение лишилась самообладания.

— Но я не... Это не может быть Герд! Только не он! Керн, как мы можем их встретить? Их же сто к одному нашему! Это было нашим последним убежищем. Если они доберутся сюда — все потеряно!

— Они не знают, что мы ждем их, — сказал Керн. — В этом наше единственное преимущество. Нужно максимально использовать его. По дороге есть какое-нибудь место, годное для засады?

Элия покачала головой.

— Сюда ведет только один путь. И Герд знает его даже лучше, чем я. — Крылья ее обвисли, она вяло уставилась на огонь. — Вот и конец сопротивления Горе, — сказала она. — Настал день, когда *Она* выиграет эту борьбу. Никого из нас не останется в живых. Герд! Просто поверить не могу!

— Ты думаешь, это Гора? — спросил Керн.

— А что же еще? Он прошел все наши испытания и проверки, — а среди них были очень жестокие, — но каким-то образом сумел скрыть от нас правду. Он являлся рабом Горы и вынужден был повиноваться ее приказам.

— Это все доказывает! — воскликнул Керн. — Почему Гора обрушилась на вас именно сегодня, если ей нечего было бояться? Ты говоришь, Герд пробыл с вами целый год. Значит, Гора могла ударить в любое время. Но она чего-то ждала... какой-то чрезвычайной ситуации. И вот она — чрезвычайная ситуация. А раз она испугалась нас, значит, мы в чем-то сильнее ее. Возможно...

Речь его прервал донесшийся из тумана звучный звук горна. Керн резко повернулся. Голос его утонул в грозном ропоте голосов. Шум крыльев наполнил пещеру, оглушая собравшихся в ней, вспыхнул огонь в очаге, затрясся и рухнул красный полог навеса Элии, а сама Элия ринулась вместе с остальными к выходу, на защиту убежища.

Бледные лица Куа и Бирны обратились к Керну. Стоя позади них, Сэм Брюстер тоже вопросительно глядел на него. Керн быстро сказал им, что происходит.

— Вы должны дожидаться здесь, — сказал он. — Не знаю, чем все закончится, но в пещере вы будете в большей безопасности, чем снаружи.

Сэм улыбнулся мрачной, ужасной улыбкой.

— Я могу помочь, — напомнил он Керну. — Я тоже пойду наружу.

Вместе они направились к выходу из пещеры. Снаружи тоже стоял шум, но шум организованный. Ряды крылатых выливались из выхода и в ожидании зависали наверху. Часть из них Элия отправила в резерв, хотя это и было безнадежное дело. Не успела она закончить, как горн прозвучал снова, по особенному торжествуя, и первые враги прорвавшись через вуаль тумана, ринулись на них.

— Вот видишь, — сказала Элия Керну упавшим голосом. — Они нападают на нас в открытую, чтобы побыстрее все закончить. Они даже дали нам предупреждение, чтобы мы их ждали, настолько они уверены в своем превосходстве.

С края выступа, сверкая кинжалами, поднялась волна защитников, чтобы встретить прибывших. А выше нее вторая волна ринулась в бой. Через несколько секунд, в устье воздушного прохода, через который вливался враг, началась кровавая схватка.

— Мы можем сдерживать их минут пять, — сказала Элия. — После чего нас просто захлестнут.

И Керн впервые увидел, как сражаются крылатые люди. Пикируя по ястребиному, бойцы нападали на врагов, держа сверкающие кинжалы под особым углом, при котором непременно будет нанесен урон крыльям-мышцам, и тогда жертва просто беспомощно рухнет наземь. Одного разреза кинжалом по грудным мышцам был достаточно, чтобы вывести крылатого из боя.

Но если намеченная жертва замечала, что сверху нападает противник, тогда все сводилось к тому, кто быстрее поднимется и займет выгодную для нападения позицию. Керн много раз видел, как крылатый, перехитрив врага, отчаянно взмахивая крыльями, поднимался вверх и тут же с головой нырял в смертоносную бучу, складывал крылья сам и блокировал крылья противника, так что

оба камнем неслись к земле, и каждый боролся за то, чтобы освободить крылья, пока земля не станет слишком близко.

Но поток врагов через вуаль был слишком плотным, чтобы можно было его остановить. Несколько минут схватка колебалась у устья прохода, а затем развернулась назад и вверх, пока весь свободный от ядовитых испарений купол не оказался заполненным сражающимися людьми, а воздух был полон шумом их крыльев.

— Они почему-то не используют свои световые конусы, — заметил Керн. — Я ожидал этого и готовился спрятаться, но пока что ни у одного из нападающих не заметил этого оружия. Почему?

— Я думаю, потому что Гора посылает лучи света, которые фокусируются проводами, — ответила Элия. — Так обычно работает любое их оружие. А Гора не может проникнуть сюда через туман и скалы. Так что им приходится сражаться врукопашную, но они и так победят. Их слишком много... Керн, взгляни туда! Это Герд?

В ГУЩЕ СРАЖЕНИЯ мелькнули рыжие крылья и такие же рыжие волосы, когда кто-то промчался в свистящем полете, но слишком быстро, чтобы можно было разглядеть. Керн мельком увидел темное лицо и бледные глаза, и ему показалось, что в этих глазах застыло страдание, как и в искаженном лице.

Находящаяся возле него Элия что-то выкрикнула, и с выступа поднялась вторая волна крылатых, пытавшихся безнадежно защищать свою цитадель.

— Мы поднимемся с последней волной, — сказала Элия своим людям, обернувшись через плечо. — Еще одна волна — и все будет кончено. Но мы должны уничтожить как можно больше врагов. У тебя есть кинжал, Керн?

Пока она говорила, над краем выступа рядом с ними завис человек с кинжалом, с которого капала кровь, как и с десятка ран на его теле. Он заколебался в воздухе, пристально глядя мимо них на что-то в тени пещеры, затем резко напрягся, вздернув подбородок и сложив крылья, словно они были повреждены. Падение закончилось быстро, он рухнул у самых ног Элии.

Мгновенно наклонившись, Элия вонзила ему в горло свой кинжал, прежде чем увидела, что это уже и не требуется. Она изумленно взглянула на Керна.

Тот наклонился. Взял из руки мертвеца скользкий от крови кинжал и вытер его о кожаную куртку упавшего.

— Элия, не гляди назад, — резко сказал он. — Сэм? Сэм!

— Все в порядке, Керн, — в голосе Сэма Брюстера звучала ужасная радость. — Я сейчас не смотрю.

Элия молча уставилась в лицо Керну, когда другой мутант вышел из пещеры и присоединился к ним на краю выступа. Улыбка Сэма была холодной. Вторичные веки скрывали его глаза, но их яростный блеск ощущался даже через фильтры, и Керн поспешно отвел от него взгляд.

— Что... что это? — запинаясь, спросила Элия. — Это ты убил того человека?

— Я, — холодно ответил Сэм.

— Как это?

Он отвернулся, поднял вверх лицо, оглядывая царившую над головой суматоху, где люди пикировали и взлетали на покрытых кровью крыльях, стискивали друг друга в смертельных объятиях и падали на землю. Над краем выступа, всего лишь в нескольких метрах от них, одна такая пара корчилась в смертельной схватке. Пока они смотрели, один из них освободил руку и молниеносным движением вонзил кинжал в грудь противника по самую рукоятку.

Его крылья расправились и напряглись в ожидании того, что должно произойти дальше. Мгновения они поддерживали обоих. Но затем умирающий лишился сил, разжал объятия и полетел вниз, в туман, крутясь и перевертываясь, а из его груди лилась кровь.

Убийца на мгновение замер в воздухе, тяжело дыша и ища другого противника. Его глаза встретились со взглядом Сэма Брюстера. Мгновение он висел, ловя ртом воздух, словно парализованный Сэмом.

Затем кинжал выпал из его ослабевших пальцев. С широко открытыми глазами он накренился, крылья его обмякли и сложились за спиной, и он камнем полетел следом за тем, кого только что убил. Почти одновременно они исчезли в тумане внизу.

Сэм мрачно рассмеялся, а когда повернулся, глаза его были вновь закрыты вторичными веками.

— Я могу убить любого, кто глянет мне в глаза, когда они открыты, — сказал он.

Элия не поняла его слов, но жеста было достаточно. Она тихонько вздохнула и в чисто инстинктивном отвращении отвела глаза от его смертоносного взгляда.

— Элия, нужно что-то делать, — сказал Керн. — Пока еще можем. У нас есть Сэм. А у Куа и Бирны есть свои способности. Бесполезно торчать здесь и ждать, пока нас всех перебьют. Если бы только мы могли уйти.

— Куда? — мрачно спросила Элия. — Гора найдет нас везде, куда бы мы ни пошли.

— Мы можем пойти к Горе, — голос Керна звучал с уверенностью, какой он не чувствовал. — Если Гора так стремится убить нас, значит, она нас боится. Во всяком случае, в этом — наша единственная надежда. Есть ли отсюда какой-нибудь другой выход?

Элия махнула рукой наверх.

— Только туда. Но ты видишь, какой там густой пар.

Керн быстро оглядел выступ. На нем стояло человек пятьдесят в ожидании, пока их бросят последней волной защитников. Он глянул на вход в пещеру и позвал. Куа и Бирна тут же побежали к нему, их лица были бледны и испуганы.

— Куа, — сказал Керн, — Ты только что обнаружила, что можешь видеть сквозь стены. Как ты думаешь, ты можешь определить, какие из струй пара ядовитые, а какие нет?

Куа подняла лицо вверх, ее единственный глаз сощурился. Долгую секунду все молчали.

— Нет, я не уверена, — наконец, сказала она. — Я вижу длинный путь к чистому воздуху. Я вижу, что часть туманной вуали течет струями толще остальных. Но, Керн, я не могу определить на вид, какие течения ядовитые, а какие нет.

— А если ли путь через те места, где завеса тоньше?

— Да.

— Тогда нам придется рискнуть. Возможно, если она достаточно тонкая, мы сможем пройти ее, не дыша.

ОН БЫСТРО передал Элии свой план.

— Здесь осталось достаточно людей, чтобы помочь нам уйти этим путем. Сэм и Куа достаточно ценные, их нудно унести. Я никогда не сражался в воздухе, поэтому в битве от меня мало толка, так что я понесу Бирну. Стоит попробовать, Элия. Лучше так, чем ждать здесь, пока нас убьют.

— Да, — безнадежно сказала Элия. — Лучше умереть так. Ладно, Керн, мы пойдем.

Она повернулась и прокричала команду последним оставшимся возле нее людям. Несколько минут спустя остатки защитников взлетели в воздух.

Выступ остался внизу. Это походило на погружение в водоворот криков, воплей, стонов, судорожных вздохов, оглушительных ударов многочисленных крыльев. Мимо дождем лилась кровь, сверкали кинжалы, тела падали вниз, к земле. Неся легкую Бирну, Керн изо всех сил стремился вверх. Внезапно, безо всякой причины, в нем вдруг начала расти уверенность. Им все удастся. Керн был абсурдно уверен в этом.

И им удалось. Но не всем.

Упал Сэм Брюстер. Уже в самом конце, когда их группа почти добралась до купола завесы пара наверху, брошенный кем-то кинжал попал между крыльев одного из тех, кто нес Сэма. Крылатый закричал, выгнулся назад и стал падать. Кто-то другой ринулся к покосившемуся сидению, на котором летел Сэм, но не успел. Мутант не удержался и, даже не крикнув, полетел вниз.

Было бы чистым самоубийством ринуться за ним в водоворот смерти. С болью в сердце Керн смотрел, как Сэм падает, крутясь, вниз. Он так же увидел, как к нему ринулся кто-то из нападавших, но тут же крылья его обвисли, потому что он встретился со смертоносным взглядом Сэма, и крылатый стал падать рядом со своей несостоявшейся жертвой.

Затем Керн влетел в удушливый туман, и у его не было времени думать ни о чем, кроме собственного дыхания, а так же необходимости следовать точно за крылатыми, несущими Куа, которая вела их через туман.

ТОЧНО ГИГАНТСКАЯ голова, Гора поднималась в зенит отлично видными, четко очерченными контурами. Было страшно глядеть на такую махину, все время казалось, что она накреняется и вот-вот рухнет, раздавив своей тяжестью весь мир.

Когда они были уже близко, Бирна задрожала на руках у Керна, повернулась к нему и, как ребенок, обняла его за шею и уткнулась лицом ему в плечо.

— Я чувствую Ее, — приглушенно пробормотала она. — Гора смотрит. Она пытается... проникнуть в мое сознание. Не думай, Керн. Не позволяй ей залезть в твою голову!

Керн тоже почувствовал раскаленный, обжигающий язык ненависти, который полез было в его голову и тут же отпрянул, когда Керн захлопнул врата сознания, преградив путь вторжению. Не так-то просто оказалось заставить крылья нести себя вперед, когда весь его разум восстал против приближения к Горе. Керн заметил отвращение на лицах окружающих его крылатых, а так же поймал косые взгляды, которые они бросали на него. Темп продвижения ощутимо замедлился.

— Мне тоже не нравится Гора, Элия, — сказал он крылатой девушке через разделяющую их пустоту. — Но мы должны сделать это. Какой у нас есть выбор, кроме как погибнуть? Враги наверняка уже отправились в погоню за нами. Наша единственная надежда заключается в том, чтобы добраться до Горы, где мы *может* нанести ей ушиб, прежде чем...

Он замолчал. Не было смысла заканчивать.

Они уже были так близко от опалесцирующей стены, возвышающейся над ними, точно край мира, что Керн увидел собственное отражение, искаженное на поверхности Горы.

— Она и в самом деле стеклянная? — спросил он.

— А кто это знает? — ответила Элия, стараясь унять дрожь в голове. — Никто из тех, кто подлетал к ней достаточно близко, не вернулся обратно. Может, это всего лишь... горный массив. Я понятия не имею.

Она оглянулась через плечо, затем ее пристальный взгляд устремился вдаль.

— За нами погоня, — ровным голосом сказала она. — Если перед нами твердь, мы погибли.

Керн оглянулся. На горизонте, точно темное облако, за ними летели крылатые враги.

Внезапно Куа указала рукой вперед.

— Смотрите! — воскликнула она. — Вот там, слева... действительно ли это... пещера? Я... Мне кажется, она открывается все шире...

Все нетерпеливо усталились туда. Секунду длилось молчание. Гора тоже, казалось, ждала и прислушивалась. Но Керн не видел впереди ничего примечательного. Стена стояла перед ними такая же ровная, незапятнанная, переливающаяся.

Затем мимо них к Горе помчался ветер, распушив перья на крыльях. Он становился все сильнее и возник сначала шорох, который быстро перерос в пронзительный вой. Их понесло в Горе, беспомощных, гонимых вихрем. Керн сильнее прижал к себе Бирну и боролся, не давая ветру вывернуть ему крылья, а впереди, точно твердое облако, возвышался утес.

Керн успел смутно уловить открытое отверстие, как его занесло внутрь. Ошеломленный, удивленный, он падал, гонимый ветром внутрь Горы, полуослепленный переливающимся вокруг туманом, заполнявшим туннель. Туман был неосязаемым материально, и на глаз ничем не отличался от того, из чего состояла сама Гора.

Свет позади все тускнел, пока они, беспомощные, неслись все глубже и глубже внутрь облака — Гора уже явно была неподходящим названием для того, через что они летели.

Затем несущий их ветер стал замедляться. Его оглушительный вой стих, превратился еле слышимый в наступившей тишине шепоток. На мгновение они, задышавшись, повисли в переливающемся небытии. Затем сладостно прозвучал в тишине голос Куа:

— Взгляните назад, назад! Я вижу путь, которым мы пришли. Я вижу, как он закрывается. Точно смыкается текущая вода... Нет, скорее, как песок.

Керн вдруг перестал ее слышать. Внезапно он ощутил что-то плотное в тумане вокруг них. Что-то невидимое, но висящее в пустоте точно так же, как они с Бирной висели на крыльях Керна. Нечто, опирающееся на сам воздух.

И Керн понял, что не может двигаться.

ГЛАВА VII. Бой

ИТАК, ГОРА открылась, чтобы затащить их внутрь, и снова закрылась, тихо и бесшумно. Небольшая группа пленников застыла, точно вмороженная в воздух, в тех же позах, в которых они летели, с распростертыми крыльями, разметанными ветром волосами, которые больше не шевелились. Они словно застыли в вечном СЕЙ-ЧАС, словно время прекратило свой бег, а вместе с ним прекратились и все движения.

А затем, в переливающемся облаке Горы перед ними, замерцала тонкая спираль света.

Постепенно она становилась все ярче. И Керн физически увидел то, что прежде видел лишь мысленно. Он почувствовал удар злобы еще до того, как пламя сфокусировалось, полное ненависти, но при этом странно безличное. Это была ненависть Горы, облака, но никак не ненависть человека.

Лениво вращающаяся спираль света устремилась сквозь твердую завесу, туманное материальное стекло, к пленникам. Расстояния здесь было невозможно определить, но спираль была достаточно близка, чтобы ее можно было разглядеть во всех деталях. Она вращалась медленно, бесконечно, неторопливо. Она испускала жар, обжигающий глаза и жгущий ненавистью разум, куда старалась проникнуть.

И что-то было в изгибах спирали, что-то, что старалась натянуть на себя ее изгибы. Но они еще не видели, что именно...

Пару мгновений большая, медленно вращающаяся, пылающая спираль плыла перед ними, слепая, безразличная и одновременно ненавидящая. Затем что-то опять изменилось. И Оно посмотрело на пленников.

Через витки спирали поплыли пятна яркой темноты. Они появлялись и исчезали. И всякий раз, когда спираль поворачивалась, эти пятна тут же уплывали за край, снова исчезая.

Оно смотрело. Оно ждало, ненавидело и... молчало.

И Оно, крившееся в спирали, прячущееся в ее витках, начало перемещаться. Спираль почти совсем остановилась, оставив Его на виду. И Керн испытал шок, от которого все расплылось перед глазами. Когда же он проморгался и глянул снова, Оно ясно покоилось на виду. Точнее, не Оно.

На витках спирали, поддерживающей его, лежал Брюс Халлэм, и глаза его открылись, такие же безличные, как взгляд огненной спирали.

— Это мой мир, — ясно и четко сказал Брюс Халлэм.

Слова пришли к ним словно из пустоты, с холодной ясностью, не допускающей и намека на ошибку. Потому что говорил это не совсем Брюс Халлэм. Это говорила также и огненная спираль. Ненависть и ослепительный свет окутывали его слова, так же, как туман окутывал спираль у них перед глазами. Два существа говорили единым голосом, два существа, слившиеся теперь воедино.

Внезапно в голове Керна пронеслись воспоминания. И он снова увидел ту далекую теперь комнату, откуда группа мутантов шагнула из одной Вселенной в другую. Он видел, как Брюс открыл стальную дверь, ведущую в ждущий мир, мгновенно повел глазами и снова закрыл дверь. Теперь Керн понял. Брюс знал все заранее. Каким-то образом, бросая единственный взгляд на чужой мир, он мог понять, какой мир близок ему самому, а какой — нет.

Брюс, пользуясь своей странной способностью мутанта, создал машину, которая выполняла его указания, ища подходящий для него мир. Керн вспомнил, с каким потрясением слушал Элию, которая рассказывала, что рабы Горы, под ее руководством, могли работать с любыми веществами и материалами... вспомнил, как, когда они еще подозревали Керна в том, что он работает на врага, то убрали из его комнаты все, из чего он мог сделать оружие...

Да, этот мир был миром Брюса Халлэма — но никак не миром Керна. Это был мир крылатых, но не они являлись в нем главными. Главным здесь был Брюс.

Все это пронеслось у Керна в голове, стремительно, как единая мысль, в то время, как горящие холодным огнем слова Брюса еще звучали у него в ушах. Керн вспомнил, каким безличным всегда был Брюс, каким далеким от любых человеческих чувств, и тут снова услышал холодный голос:

— В моем мире нет места для вас, — спокойно заявил им Брюс. — Здесь есть место лишь для крылатых — и для Меня. Вы состоите из изменчивой плоти и изменчивой наследственности. Я не могу доверять вам. Мое появление в этом мире создало в Горе настоящий циклон, и оставило Меня совершенно без сил. Долгое время

Я был беспомощен. И не мог восстановиться, пока не оказался вне вашей досягаемости. Но вот настало время уничтожить последние остатки тех, кто не подчиняется мне. И вы, мутанты, которыми Я не могу управлять, должны исчезнуть вместе с ними.

Он не шевельнулся, но огненные языки спирали внезапно закружились быстрее и внезапно перетекли *сквозь* стекло в тюрьму, так жестоко держащую людей. И Керн понял, что Брюс был только голосом этого ужасного дзута. А телом его был огненный язык.

Длинная спираль медленно двинулась вперед, паря, как падающая в воздухе шелковая лента. За ней следовали огненные языки, переплетаясь в ее витках, словно лаская друг друга, а так же тело Брюса Халлэма, который тоже плыл на витках спирали, не шевельнув ни мышцей собственных конечностей.

КЕРН НАБЛЮДАЛ за их приближением. Он понятия не имел, что будет, когда пытающие витки коснутся первого человека, но чувствовал раскаленный поток злобы и ненависти, летящий впереди них. Беспомощный, безмолвный во власти почти невидимого стекла, Керн отчаянно напрягал все силы, стремясь сделать... что? Он не знал. Ему лишь хотелось освободиться, чтобы вступить в борьбу, пусть даже и бесполезную, с надвигающимся врагом.

И тут мысли в его голове внезапно разделились пополам. Он уже испытывал подобное состояние, но чрезвычайная его странность на мгновение ошеломила Керна, так что в мыслях возник пробел, во время которого что-то, — *Что-то!* — зашевелилось в его теле.

Трижды он испытывал это чувство с тех пор, как прошел в мир крылатых. И трижды он подавлял его, боясь и ненавдя за угрозу сделать его снова посторонним чужаком для крылатого народа, который, как он надеялся, станет *его* народом. Но на сей раз Керн не стал сопротивляться. На этот раз, в невероятных усилиях обрести свободу, он вместо этого разрушил барьер, сдерживающий в нем это *что-то*, которое расцветало с тех пор, как он впервые увидел Гору.

Стеклянные стены, удерживающие его словно замороженным во льду, потускнели и вдруг исчезли. Его сотоварищи, пригвожденные к позорному столбу в стекле рядом с ним, канули куда-то во тьму. Керн больше не чувствовал тепла Бирны, застывшей в его руках. Не было ничего. Остались лишь потемневшие, медленно поворачивающиеся языки спирали, спокойно плывущие к нему через стекло.

А затем в наступившей тьме вспыхнул свет. И все оказались на этом свете. Керну понадобилась долгая секунда, чтобы понять, что он видит этот свет отнюдь не глазами. Он видел его — это было не-

возможно, но это *было!* — всем телом. Он видел одновременно все вокруг.

Таким образом видит Гора, подумал он с внезапной уверенностью. Керн не знал, с чего взял этот, это было знание, которое пришло с его новым видением. Он и Гора — они вместе использовали общую способность.

Какое-то далекое движение привлекло внимание Керна, он взглянул сквозь Гору и увидел так ясно, словно стоял совсем рядом, летящие шеренги крылатых людей, которые следовали за беглецами от самого Гнезда. Они были уже совсем рядом, приближаясь к чудовищной Горе вслепую, словно собирались разбиться об нее.

Тем же всеобъемлющим зрением Керн видел одновременно замороженных в стекло рядом с ним людей, и огненную спираль, плывущую к ним, и Брюса Халлэма, неподвижного, точно каменное изваяние, который плыл на витках этой спирали.

Но теперь они выглядели совсем иначе — люди.

Ему были знакомы их лица, их тела, но новым зрением Керн видел тела их насквозь. И самым ужасным при этом были не скелет, мышцы и нервы — это зрелище было ожидаемым для его разума. Но все это являлось лишь бледной тенью на фоне *другого*.

Люди были плоскими, яркими кольцами, дисками, наложенными на диски, и в каждом из них эти диски были своего образца и цвета. Не было двух одинаковых людей. И Керн понял, что людям известны лишь кости, мускулы и нервная система, но это лишь часть их. Только часть, причем часть, не важная для Горы. Гора управляет другим.

Вот у крылатых людей, летящих к Горе, была одна общая черта. Каждый из них состоял из разноцветных колец, блестящих дуг и полумесяцев лежащих один на другом и постоянно, чуть уловимо смещающемся. Но в каждом летуне, сквозь кольца медленно перемещался круг ярчайшей темноты. Эти же черные пятна, точно глаза, плавали сквозь витки спирали, обхватившей Брюса Халлэма. Глаза — глаза Горы.

Именно это и использовала в людях Гора, передавая свои приказы. Точка контакта в каждом человеке, делавшая его рабом, тупо исполняющим волю Горы.

Но таких глаз не было у тех, кто был заморожен рядом с Керном, ни у кого из них. Новым видением Керн видел и свое тело с кольцами и цветными дисками, как и у своих товарищей, и в нем тоже не было черных пятен, которые бы означали, что Гора владеет им.

Гора — создание из стекла, сказал он себе. Ее тело — переливающийся материал, который может быть твердым или газообразным,

как того захочет Гора. Гора может проделывать в себе туннели и пещеры, открывать и закрывать их, точно рты. А ее мозг, ее движущая сила и есть эта огненная лента, бесконечная, вращающаяся вокруг своей оси в центре Горы. Гора обладает многими странными чувствами. И одним из таких я теперь завладел.

Когда мы пришли в этот мир, подумал Керн, то каким-то образом навлекли на себя циклон жестоких сил, посланных самой Горой. Потому что у Брюса Халлэма есть некое бесчеловечное родство с объектом, обитающим здесь. Но этот объект был настолько сильный, настолько привыкший прессовать разумы своих жертв и использовать их в качестве инструментов, что мы и сами были изменены, даже не подозревая об этом. Во мне начали формироваться странные новые способности. В Куа тоже, как и в Бирне. А в Сэме? Не знаю. Но Сэма больше нет. Что же касается меня, то я изменился.

Что-то странно зашевелилось внутри него, и Керну не было нужды опускать взгляд, поскольку новое сферическое видение подсказало ему, что в нем вспыхнул огонь – длинные, вращающиеся витки пламени, которые с невероятной гибкостью простерлись сквозь прочное стекло его тюрьмы.

СПИРАЛЬ, ПОДДЕРЖИВАЮЩАЯ тело Брюса, приостановилась, замерла и даже чуть отступила. Керн смутно осознал свое удивление и свою странную, бесчеловечную ненависть. Но всего

He heard a voice of impossible sweetness, and slowly, slowly, he felt warmth return to him (Chap. VII)

лишь смутно. Он был настолько ошеломлен своей новой способностью, что почти не замечал никаких других чувств.

Слишком покорная, в отчаянии подумал Керн, *плоть слишком покорная и ковкая, чтобы удерживать свою форму под непреодолимым давлением Горы*. И вот теперь, сквозь ледяное стекло, державшее в плену тех, кто не покорился, две огненные спирали многократно обернули человеческое тело и светящуюся враждебность. Керн был слишком ошарашен, чтобы испытывать хоть какие-то эмоции, но его новые огненные конечности давали ему новые, причем необходимые возможности, потому что спираль с Брюсом посылала к нему все новые языки огня, и их не только нужно было отражать, было необходимо наступать самому.

Ненависть, словно удар испепеляющего жара, поразил эту новую сущность Керна и вытряхнул его из умственного ступора. Ненависть и страх. Керн почувствовал, что на него надвигается уничтожение, в голове стало пусто и что-то подсказывало ему, что нужно бежать. Но он тут же испытал такую же жгучую ненависть, какая надвигалась на него, и вслед за этой ненавистью не тянулся страх. Напротив, на этот раз Керн приветствовал бой.

Теперь мы равны... мы равновелики, сказал он себе и понял даже в момент опасности, что мысли его удивительно изменившегося разума перемещаются столь же ясно и медленно, как его новые конечности сквозь твердое стекло. Если он когда-то и владел телом из плоти и крови, то больше этого не было. Если его разум когда-то и жил в черепной коробке и образовывал свои мысли в извилинах мозга, то это теперь изменилось. И все это стало теперь новым, ужасным и замечательным вне всякого человеческого понимания.

Постепенно в Керне вспыхнуло ликование, пока он протягивал крутящиеся языки пламени, ставшие его телом, к тому, что жило здесь до сих пор одно. Теперь у Горы был двойной разум — если огненная спираль действительно была разумом этой сущности, — но находились и действовали они внутри одного гигантского тела из переливающегося стекла. И в этом огромном теле двойной разум начал сам с собой самоубийственную битву.

Ненависть стала целой ванной огня, охватившего все самые дальние витки их спиралей, и витки принялись бороться друг против друга. Теперь Керн не боялся и не хотел отступать. С нарастающей мощью он проверял сопротивление силы в той форме, которая была его близнецом. Спирали корчились и напрягались. Затем они одновременно, словно по согласию, отступили. И также одновременно, словно управляемые единой волей, снова ринулись друг на друга.

На этот раз огненные конечности переплелись друг с другом так тесно, что скрутились в единый узел неистового огня, кипящий непрерывным движением. Ненависть кипела и пузырилась вокруг Керна, пока он боролся витками своей спирали против витков спирали врага. Но все это его как-то не касалось. Он не чувствовал страха. И даже когда начал понимать, что ему не победить одной только силой, даже тогда страх не пришел. В нем словно выгорели все эмоции. Виток за витком прощупывал он врага, боролся с ним и обнаруживал, что он пытается остановить непреодолимую силу, наваливавшуюся на него. И он не мог уклониться от оборачивающейся вокруг него огненной петли.

Не мог уклониться, потому что они, эти огненные конечности как его самого, так и врага, слишком тесно сплелись в битве, так что было невозможно никакое движение. Напрягаясь, они застыли в рискованном равновесии, не допускающем никаких движений.

Затем, очень изящно, сущность, которая была Керном, сумела протянуться мыслями, единственным, чем он, в известном смысле, в этот момент и обладал, протянуться и коснуться застывшего тела Брюса Халлэма. Потому что теперь Керн знал, что он и его враг были слишком равны и не могли преодолеть друг друга, если только кто-то из них не отыщет какой-то рычаг, которым свергнет своего противника.

Может, таким рычагом был Брюс? Осторожно, но с усиливающимся давлением, Керн попробовал твердое, неподатливое тело, которое когда-то было человеческим. И не произошло ничего – вообще ничего. Брюс являлся цельной, недвижимой формой небытия, и никакие мысли не могли коснуться его. Нет, не Брюс был источником, через который можно истощить силы врага.

Тогда что? – бесстрастно спросил себя Керн. И ответ прибыл ясный и неторопливый, словно только и ждал запроса.

И этим ответом были крылатые люди, ждущие снаружи Горы.

Практически опережая эту мысль, его новые способности видения скакнули за пределы Горы. Там парили на расправленных крыльях рабы, поддерживаемые восходящими потоками, парили, кружили и ждали новых команд, которым могли бы повиноваться.

Но для нового видения Керна это были уже не только люди. Они стали многослойными дисками, постоянно перемещающимися, и в каждом таком диске плавал Глаз Горы.

Глаз, подумал Керн. Глаз!

И ТУТ ЖЕ огненная конечность, рожденная его новыми способностями, высунулась из Горы и погрузилась в ближайшее пятно

тмы, плавающее по цветным дискам крылатого. Погрузилась в это пятно, нащупала контакт и... коснулась источника пламени. И пламя пронеслось по этой конечности и наполнило тело Керна. Почти неощутимо он почувствовал, что напряженные витки спирали врага чуть-чуть подались под его напором.

Еще один, и еще, и еще летуны-рабы отдавали ему свои крошечные язычки пламени, и сила Керна росла с каждым новым таким источником. Бой, остановившийся из-за взаимного паритета сторон, теперь неожиданно снова пришел в действие, потому что баланс был смещен. Но ярость врага, казалось, тоже удвоилась, когда тот почувствовал, что витки его спирали начинают подаваться и отступать.

Бой из застоя превратился теперь в сумятицу движений. Две огненные спирали бились в конвульсиях, стегая друг друга и снова, и снова бросаясь в раскаленную, яростную битву. Через пару бесконечных секунд Керн понял, что даже этого ему недостаточно. Он должен найти еще какой-нибудь источник энергии, который принесет ему победу.

Огненная конечность, которой он отнимал энергию у летунов через Глаза, стала шарить, погрузилась в них еще глубже и, что удивительно, нашла!

Мгновение Керн даже не мог понять, откуда вдруг мощным потоком течет в него сила и почему спираль врага начала тускнеть. Но затем понял, и впервые все его торжество пронзил триумф близкой победы.

Потому что энергетические пути Врага, при помощи которых тот управлял своими рабами, являлись каналом, открытым в обе стороны. И вот теперь Керн, нащупавший эти пути в рабах, тянул через них силы и энергию самого Врага. Отсюда и был этот прилив мощи.

Керн черпал энергию через сотню открытых каналов, и Гора, должно быть, почувствовала, что силы ее иссякают. Энергия, но не ненависть. Керн чувствовал, что чистая, нечеловеческая вражда горела негасимым пламенем в Горе, в то время как огненная спираль ее все тускнела. Она угасала, потому что чудовищное создание, лишённое энергии, медленно, медленно умирало!

Вращающаяся спираль больше не давила на Керна. Его огненные конечности сжимали уже не яркие языки пламени, а тонкую, бледную ненависть, которая вдруг развалилась, брызнув дождем крошечных капелек, и в каждой из них плясало семечко ненависти. Но слабое уже мерцание исчезало, гасло, и вместе с ним гасла и ненависть, и вскоре они исчезли совсем.

Керн почувствовал, как все изменяется в нем самом, и в сущности самой Горы. Рухнули переливающиеся стеклянные стены, развалившись на атомы, так как они не могли существовать без поддерживающей их души огня. Переливающийся материал стал тонким туманом, который тут же развеялся, как дым, уже не поддерживая никого. Холодный чистый воздух болью ударил по огненным конечностям Керна, когда Гора исторгла его. Керн забился в конвульсиях в узле пламени, которое, казалось, тоже иссякло и тускло... и гасло...

ВОКРУГ БЫЛА лишь пустота. Ни темноты, ни света, одна пустота. И он неподвижно висел в этой пустоте. Он больше не был огненной сущностью. Он больше не был физическим телом. Он был ничем и находился нигде.

Вокруг была бесконечность, в которой не существовало даже времени. Он решил, что уже многие тысячелетия плавают здесь. Тысячелетия или секунды!

И где-то далеко что-то возникло. Он не понял, что именно, только понял, что есть небытие — и что-то еще. Он услышал зов. Это был именно зов, невыразимо, нестерпимо сладостный.

Голос? Да, это был голос, чистый, безупречно мелодичный голос, произносящий имя. Но он не знал этого имени.

— Керн! — звал этот голос.

У этого слова не было значения, но сам по себе сладчайший голос начал создавать это значение, постепенно вырывая его из оцепенения. Много раз прозвучало это слово, и с внезапным ожогом осведомленности Керн понял, что значит это слово.

— Мое имя! — с изумлением подумал он. — Мое собственно имя!

И тут память вернулась к нему, и он все понял. Как Брюс Халлэм, он висел, замороженный в пустоту. И, как Брюс, он сам был пустым, точно смерть.

— Керн, Керн, вернись! — кричал сладчайший голос.

Он уже знал, что это за голос. Голос Бирны, прекрасный, как волшебная песня сирены, звал его обратно к жизни.

Медленно-медленно он чувствовал, как к нему возвращается тепло. Медленно он соединял свое сознание воедино, а затем вокруг него внезапно появилось тепло, и с бесконечным усилием он поднял веки, закрывающие от него мир.

Он лежал на склоне в теплых потоках солнечного света, любуясь чистого неба. И не было больше никакой Горы. Никакой головокружительной стеклянной башни, уходящей в зенит и бросающий бледную тень на весь мир. Кто-то склонился над ним, рас-

крив крылья, чтобы солнце не било ему в глаза. И крылья ее были светлые.

Для проверки он шевельнул своим крылом. А затем сила вернулась к нему, точно волшебный порыв ветра, и он расправил крылья, которые чуть не оторвали его от земли. Вокруг, в тени своих крыльев, на него смотрели улыбающиеся лица.

И Керн понял, что он, наконец, свободен, как свободен и весь крылатый мир. И в этом мире он больше не был чужим.

Way of the Gods, (Thrilling Wonder Stories, 1947 № 4), пер. Андрей Бурцев

THRILLING WONDER STORIES

15¢
AUG.

The
**DEADLY
DUST**
By WILLIAM
FITZGERALD

IN THE
CARDS
By GEORGE
O. SMITH

A THRILLING
PUBLICATION

ПОЛДЕНЬ

(под. псевд. Хадсон Гастингс)

КОГДА ОН поднял глаза от водоема, сад — изменился. Уэстон видел на воде отражение синего неба, закатных облаков и самолета в вышине. Затем негромкий гул моторов внезапно оборвался. Был закат, теперь стал полдень — и Уэстон был уже не в Версале.

На это потребовались месяцы. Но чудом явилось то, что это вообще случилось. Люди, ищущие чудеса, редко находят их. Но все же Джон Уэстон, может быть, потому что был он свободен, бездельен и достаточно богат, чтобы потакать своим порывам, приехал сюда в поисках призрака — и нашел его. Данн оказался прав, и теория многосерийного времени тоже оказалась права, а вполне достоверные истории о призраках из прошлого в Версальском саду были не просто рассказами.

В первый же день, приехав сюда, Уэстон испытал какое-то странное чувство сдвига, но оно быстро прошло. Однако этого было достаточно, чтобы он бросил здесь якорь и стал прогуливаться по старым дорожкам, не совсем веря в то, что когда-нибудь увидит лицо, мельком показавшееся ему в мерцающих брызгах. Путешествие во времени — это совсем не то, что можно оценить и уравновесить. Оно либо происходит, либо нет.

И вот теперь оно произошло.

Уэстон неподвижно стоял, озираясь. Деревья изменились и переменили свои места, а неподалеку виднелись низенькие синие постройки с коническими крышами. Под ногами вместо травы был толстый ковер мха. А у ног по-прежнему лежал водоем.

После того, как миновал первоначальный шок недоверчивого изумления, Уэстон пошел к домам с коническими крышами.

И тогда случилось второе чудо. Из одного здания вышли трое и направились к нему. Один из них оказался девушкой, лицо которой Уэстон уже видел. Два других были молодыми людьми, стройными, в рубашках яркого зеленовато-бронзового цвета, как и у девушки. И в их походке чудилось живое любопытством.

Пока Уэстон глядел на них, то все более убеждался, что очутился в ином мире, или отдаленной во времени эпохе. Все трое были невероятно стройными, но не неловкими или угловатыми, и нельзя было назвать худыми их тонкие, резные черты лиц. Зеленовато-бронзовые глаза уставились на него.

Уэстон открыл было рот. Одновременно ему пришло в голову, что они, скорее всего, не смогут понять друг друга. Но трое оставались и ждали.

– Привет, – заикаясь, выдавил Уэстон.

Все трое заулыбались и повторили его приветствие. Возможно, они просто из вежливости повторяли его слова. Слегка ошеломленный, Уэстон сделал еще одну попытку.

– Где я? – спросил он. – Что это за место?

– Это Джекир, – ответила девушка.

– О-о!.. А год... какой... сейчас?..

НА СЕЙ РАЗ они просто смотрели на него, все еще улыбаясь, но словно чего-то ждали. Было очень тихо, только где-то шелестели листья. Затем один из мужчин развернулся и медленно пошел назад.

– Его ждет работа, – сказала девушка. – А вы на время закончили свою работу? Меня зовут...

Имя прозвучало как-то вроде *Серена*.

Уэстон не ожидал такого спокойного отношения к себе. Он начал было что-то объяснять, но девушка прервала его.

– Я тоже должна вернуться к своей работе, – сказала она, повернувшись, а Уэстон беспомощно взглянул на оставшегося.

Но от него тоже явно не было никакой помощи.

Тогда Уэстон последовал за Сереной, чувствуя себя сбитым с толку. Она вошла в одно из зданий. Уэстон шагнул за ней и обнаружил, что это удивительное место. Там были коридоры и неправильной формы комнатки, и ярусы, похожие на балконы, и все это разделялось полупрозрачными стенами. И кругом были огни: зеленые, темно-синие и порфиновые, как океан.

Догнав девушку, Уэстон увидел, что она несет стеклянный шар. Но когда они вышли на дневной свет, он понял: шар, очевидно, полон дыма, струйка его то и дело появлялась из отверстия на вершине и тут же пряталась обратно, в такт походке Серены.

Серена положила шар на мох и принялась за работу, совершенно не обращая внимания на Уэстона. Она зажгла огонь – Уэстон не понял, как, он просто сел и принялся смотреть на пламя. Девушка тоже просто сидела и смотрела на огонь. И больше не было ничего.

Дважды Уэстон пытался заговорить с девушкой, но та не отвечала. Наконец, ему надоело, и он пошел исследовать здание. Под конец он по-прежнему ничего не понимал, причем не увидел ни одного из тех людей, что встретили его снаружи. Хотя он ожидал, что так оно и будет.

Почему они не удивились?
— подумал Уэстон. *Неужели путешествия во времени здесь настолько распространены? Или тут дело в чем-то другом?*

Миновал полдень, прошел день и начался голубой вечер, а Уэстон все шлялся, как призрак, по этому странному, непостижимому месту, слишком чуждому, чтобы он что-нибудь понял. Наконец, он увидел Серену и тех двоих парней. Они стояли на мху перед одним из зданий. Уэстон вышел к ним и увидел, что они едят. Тогда он к ним присоединился. Это была самая странная еда, какую когда-либо пробовал Уэстон. Его кормила сама земля! В газоне возле его ног, открылось, точно рот, отверстие. Оно было полным чего-то, напоминающего желе. Наблюдая за другими, Уэстон набрал пригоршню этого желе и осторожно попробовал его. Оно оказалось достаточно приемлемым на вкус.

Затем у водоема возникло кольцо зеленых растений, они быстро росли, прямо на глазах набухли и почти раскрылись цветы, которые стали потом круглыми фруктами, похожими на шарики, которые стали расти столько же быстро. Серена сорвала один такой фрукт и съела

его. Уэстон временно выбросил из головы все вопросы и тоже стал обедать.

Когда они закончили с едой, водоем закрылся, а растения обратились в яркую розовую пыль, осыпавшуюся на мох. Все трое местных сели на землю, не обращая внимания на Уэстона, и заговорили.

— Огни сегодня горели хорошо, — сказала Серена. — Глину обрабатывать было несложно.

— А у меня были небольшие затруднения, — пробормотал один из юношей.

— Вы скоро закончите? — спросил Уэстон, и все трое уставились на него со странным нетерпением.

— Я закончу, — ответила Серена. — Думаю, что закончу. А как далеко продвинулись вы?

— У меня здесь нет работы, — ответил Уэстон. — Я из другого времени. Это вообще не мой мир. Я... Я...

Он замолчал, потому что они смотрели на него с вежливой рассеянностью. А затем продолжили разговор, словно и не слышали его.

Начало темнеть. Время в этом мире явно было иное. Уэстон покинул Версаль на закате, а появился здесь в полдень. Серена, наконец, встала и направилась в рощицу высоких деревьев. С каждого дерева свисали четыре ветви, и на конце каждой ветви был огромный закрывшийся цветок. Причем цветы медленно раскрывались.

Серена шагнула в мягкое углубление ближайшего цветка и улеглась в нем. Оба юноши тоже залезли в такое же фантастические гамаки. Один цветок остался пустым.

Уэстон заколебался, оставшись один в сгущавшейся темноте. С тех пор, как он попал сюда, ему еще не ответили ни на один вопрос. Но его и не отвергли. Даже этот мир принял его без всяких вопросов. Вполне возможно, что вчера вечером было лишь три цветка, а теперь их стало четыре.

Серену и парней было не видно в гамаках, покачивающихся над головой Уэстона. Он глубоко вздохнул и отвернулся. Он направился к водоему, который был тем проходом, через который он мог попасть в собственное время, но что-то не давало ему вернуться. Такая возможность могла уже и не возникнуть. Уэстон получил, что хотел. Он хотел попасть в иное пространство-время. Но... откуда он знал, что за мир окружает его? И может ли он что-либо разузнать о нем?

В КОНЦЕ КОНЦОВ, он вернулся к четвертому цветку и лег. Лепестки сомкнулись вокруг него. В ноздри ударил сладкий, прохлад-

ный аромат, было тепло, его легонько покачивало... и это последнее, что он помнил. На следующий день...

А на следующий день двое парней попытались убить его.

На рассвете цветы раскрылись, и все четверо пошли купаться в водоеме светящейся воды, которая на ощупь была, точно шелк. Потом во мху открылось еще одно маленькое отверстие и накормило их всех. Впоследствии, игнорируя бесполезные вопросы Уэстона, Серена ушла к своей работе. Оба парня холодными глазами наблюдали, как Уэстон последовал за ней.

Теперь Уэстон уже понял, что должен скоро уйти отсюда. Если он быстро не получил ответы на свои вопросы, то сам никогда не отыщет их. Поэтому он продолжал приставать к Серене, спрашивая, что это за городок, чем она занимается, на что похож окружающий мир, и тысячи других вопросов, которые явно вообще ничего не значили для нее. Иногда она отвечала, но лишь раз оказала Уэстону настоящую помощь. Она сказала:

— Спроси об этом Знание.

И показала Уэстону направление.

Возможно, она попросту хотела избавиться от его назойливого присутствия.

Во всяком случае, он последовал указанному Сереной направлению, чувствуя себя невежественным ребенком в мире сверхумных взрослых. Но само слово Знание звучало весьма обнадеживающе. Библиотека аудио или видеокниг, или какой-то радио-атомный мозг. Уэстон чувствовал растущее волнение, пока шарил по тому зданию, на которое указала Серена.

Он не сразу нашел его. Комната выглядела обычной, если вообще могла показаться обычной любая здешняя комната, залитая глубоким холодным светом. Но через какое-то время один из молодых людей пронесся мимо Уэстона в дверной проем и прошел к дальней стене.

В стене возник яркий цветной овал. Человек стоял и, казалось, что-то слушал. Затем развернулся и ушел через другую дверь. Яркий овал погас.

Когда Уэстон подошел к тому месту, овал снова засветился. Да, это и было Знание. Эквивалент супербиблиотеки. Машина, радио-атомный мозг, механический коллоид, кульминация всех вычислительных машин эпохи Уэстона. Знание отвечало на вопросы. Раса Серены нуждалась в таком радио-атомном мозге, потому что давным-давно, многого веков назад, утратила определенный человеческий фактор.

Она утратила способность мыслить.

Да, у здешних людей была инициатива. Но таковая есть и у растений. У каждого цветка. Они могли оперировать неразумными вещами. Включать и выключать их по мере надобности. Знание объяснило это в ответ на тихий вопрос Уэстона.

Но Знание было всего лишь машиной – и она не понимала, что именно хотел узнать Уэстон. За этим ярким овалом Уэстон невольно представлял себе человека, одаренного сверхчеловеческой мудростью и одновременно дружелюбного. Но, разумеется, там не было ничего подобного. Только радио-атомный мозг, включающийся, чтобы выполнять определенные функции, но не имеющий инициативы давать людям те знания, которые были им необходимы.

Но наконец-то, Уэстон получил ответы на свои вопросы.

Потом он вышел на улицу подышать свежим воздухом. Он чувствовал, что задыхается. Вдалеке он видел Серену и молодых людей, работающих со своими неземными огнями, а наверху ярко светило солнце долгого полудня Человечества.

Да, это был полдень. И этот полдень длился уже тысячи лет!

Трудно сказать, что Уэстон ожидал найти в будущем. Но уж явно не то, о чем рассказало ему Знание. Он стоял, потев и странным образом не желая никуда идти. Не желая вообще двигаться. Вокруг что-то тихонько шелестело во мху. Он слышал что-то похожее на треск пламени, и дважды услышал глубокий вздох, словно какой-то гигант сделал свой первый в жизни глоток воздуха.

Вокруг стоял полдень. Это и было ответом на все его вопросы. Полдень, длившийся, возможно, уже миллионы лет. Уэстон попытался постичь это. Но это было все равно, что постичь поток. Ему трудно было осознать, что, когда вы достигаете совершенства в буквальном смысле этого слова, то дальше уже некуда подниматься, и невозможно упасть.

Раса Серены достигла совершенства. В полдень Человечества она остановилась. И никогда не будет ни продолжения дня, ни сумерек, но, холодно подумал Уэстон, в конце концов, настанет ночь!

Он знал, что подобное уже происходило прежде. Муравьев и пчел находили в окаменелостях миллионолетней давности, и это были точно такие же пчелы и муравьи, как и современные. А также обычные тараканы – сто миллионов лет они не меняли свой облик. Когда-то они достигли совершенства, абсолютной адаптации к своей среде, и – остановились. А теперь и род человеческий так же остановился.

Полдень...

УЭСТОН ОТПРАВИЛСЯ искать Серену. Он все еще не мог осознать, что она... кто она такая. Он нашел ее, работающую вместе с двумя мужчинами, а среди огней неподвижно стояла фигура гиганта. Уэстон позвал девушку.

Полдень!

Теперь он знал, какую работу они выполняли и почему она так поглощала их. Он знал, что они творили жизнь. Творили бесконечно, безнадежно, жизнь в нестабильных формах, которые исчезали или уничтожались, как только выходили из огней. Он также знал о бесчисленных экспериментах, которые они уже испробовали и сочли бесполезными. И также, возможно, каким-то образом догадывался, почему они работают и почему все время терпят неудачи.

По аналогии ему стало ясно, что произошло с человеческим родом в интервале между его собственным временем и нынешней эпохой. Для этого он и искал Серену. Он хотел как следует рассмотреть ее странную, волнующую, сверхъестественную красоту и убедить себя, чем она является... кем она является.

В этой девушке ощущалось нечто гипнотическое. Такой блеск, такое совершенство, такая невероятная уверенность во всем, что она делала, без единого лишнего движения или момента нерешительности. Конечно, в ней все это было возможно — как невозможно в обычных людях. Потому что она то, кем была. Однако, Уэстону нужно было поглядеть на нее.

Он нашел ее работающей с двумя парнями, а среди огней увидел неподвижную гигантскую фигуру, возвышавшуюся над ними.

— Серена! — позвал Уэстон.

Если бы я только мог сказать ей, подумал он, убедить ее в том, что происходит, то, возможно, она был все же обратила на меня внимание.

Она шагнула вперед, стряхивая с рук язычки пламени, точно воду. Взгляд ее был еще более яркий, чем обычно, на прекрасном, даже светящемся лице.

— На этот раз мы добьемся успеха, — заявила она, и по спине Уэстона пробежал холодок. — Теперь, когда появился ты, для нас доступным стал новый фактор. Ты сам. Ты нужен нам. Знание только что нам сказала, что если мы используем твой разум, то получим лучшую возможность успешно завершить свою работу.

Уэстон заглянул в ее глаза и увидел там лишь пустоту. Внезапно девушка схватила его за руку. Она была сильной — ужасно сильной. Оба парня оставили свои огни с гигантской фигурой и двинулись к Уэстону.

Он вырвал руку и пошел, погружаясь по щиколотки в мох, пошел как можно быстрее к двери во времени у водоема под ярким, бесконечным небом полудня.

Но тут во мху что-то тихонько зашелестело, и внезапно Уэстон почувствовал, что его ноги что-то поймало и не пускает. Он попытался рваться вперед – и растянулся на земле.

Когда он сел, то увидел, что находится в кольце невероятных крошечных существ – не людей, не животных и не насекомых. Ярко расцветенных маленьких существ, мерцающих по краям нереальным мерцанием. Пока он смотрел, двое из них распались и исчезли в воздухе. Другие, опустившись на мох, смотрели на него твердыми, блестящими самоцветами глаз.

Неудачные эксперименты... Он выбросил из головы эти мысли. Серена и оба парня стояли над ним, глядя сверху вниз с вежливым, но явным нетерпением... *Ждут, подумал Уэстон, чтобы потащить меня в пламя и перестроить мое тело в...*

Серена улыбнулась и протянула руку.

Если бы он только мог заставить ее понять! Его охватила сильнейшая паника. Нужно тянуть время! Он должен победить. Они ведь не были по-настоящему разумными. Теперь он знал это.

Уэстон встал.

– Погодите, – сказал он. – Я пойду с вами, но давайте сначала все проверим. Достаточно уже ошибок. Пойдемте со мной к Знанию и послушаем, что оно скажет, когда исследует это!

Они вполне охотно пошли вместе с ним. Вокруг, нереально мерцающая, крутилось скопление крошечных ярких существ. Уэстону пришла в голову мысль об Эдеме.

Открылось овальное окно в стене, Уэстон задал вопрос, и в голове у него, как и у остальных, появился неожиданный ответ.

– Да, – сказала Знание, – у тебя есть фактор разума, который может обусловить успех. Фактор, который я обнаружило в самом Золотом Свете, являющемся квинтэссенцией самого совершенства. Но у женщины есть нечто большее. Оно является рецессивным в ее мозгу, но гораздо сильнее, чем твой доминирующий фактор.

– Золотой Свет? – спросил Уэстон, стремясь выиграть время. – Что это?

– Я не могу ответить. Это неизвестно.

Серене надоело их слушать.

– Так мы добьемся успеха, если я использую в качестве рабочего материала себя? – спокойно спросила она.

– Серена, ты не можешь этого сделать! – воскликнул Уэстон.

НО ОНА НЕ слушала его. Она повернулась и вышла, а за ней и парни. Один из парней оглянулся на Уэстона, и в его глазах был холод смерти. Потому что Уэстон больше не имел значения. По крайней мере, для них.

Уэстон знал, что личная угроза для него миновала. Но теперь, когда он мог беспрепятственно отправиться к двери во времени, то не стал этого делать. Он должен быть увидеть, что будет с Сереной. Поэтому последовал за ними тремя.

На сей раз он лучше рассмотрел фигуру, формирующуюся в огне. Это был человек, гигант метра под два с половиной роста, высокий, прекрасный, как бог, дрожащий возрождающейся жизнью. Но глаза его были пусты.

Трое собрались возле нового огня. Уэстон смотрел на них. Они завершили приготовления. Затем Серена, держась за руку одного из парней, приготовилась шагнуть в огонь. Уэстон бросился к ним.

Он схватил девушку за плечи. Парни посмотрели на него спокойно и без малейшего любопытства. Впереди кипели языки пламени.

— Серена, ты не можешь! — закричал Уэстон. — Я не позволю тебе сделать это!

Она не ответила. Его слова ничего не значили для нее. Он чувствовал давление ее тела, она подалась вперед, к огню, и готова была войти в него в ту же секунду, как он отпустит ее.

Один из парней схватил его за руку и попытался освободить Серену. Уэстон рад был этому оправданию своих дальнейших поступков, теперь он стал уверен в себе. Он развернулся и свободной рукой с силой ударил парня в челюсть. Тот отпрянул и упал на землю, где и остался, глядя на Уэстона без удивления или гнева, но с ясным намерением в глазах.

Уэстон подхватил Серену, оторвал ее от земли и побежал тяжелой рысцей, неся ее на руках. Добравшись до угла ближайшего здания, он остановился и глянул назад. Парни вернулись к первому огню, где стояла гигантская фигура, и стали что-то делать с ним, быстро и ловко, без единого лишнего движения. Потом они дважды указали на Уэстона.

Он опустил Серену на землю, но не отпускал ее запястья. Она не сопротивлялась, но, как только оказалась на земле, тут же повернулась и попыталась вернуться к огням. Уэстон не отпустил, взял крепче и повел к двери во времени, ведущей в Версаль и двадцатый век.

Но дверь он не смог найти. А вскоре из-за здания с куполом вышел гигант и, пошатываясь, направился к ним, не сводя глаз с Се-

рены. Он был громадный. Он шел, шатаясь, потому что был только что создан, но неуклонно приближался к ним.

Огромные руки осторожно взяли Серену, освободили ее из захвата Уэстона и подняли, чтобы унести к ждущим парням.

Уэстон вскочил гиганту на спину и захватил его шею приемом дзюдо. Серена упала на землю, но Уэстон тут же понял, что не сумел причинить своему противнику боль. Гигант даже не пытался бороться с ним, он только стремился пойти дальше, и был чрезвычайно силен. Уэстон чувствовал, что его мышцы под бледной атласной кожей не были обычными человеческими, они были более твердыми, точно как сердечная мышца. И единственная причина, почему Уэстону вообще удалось захватить его, крылась в том, что гигант был только что сотворен и многого еще не умел. Он не научился координировать свои движения. К тому же, у него была единственная цель — принести назад Серену. И ничто в мире не могло помешать ему выполнить свое предназначение.

А Серена уже возвращалась к огням. Это было словно в кошмарном сне. Уэстон спрыгнул с гиганта, побежал за ней и снова поднял ее. Серена не сопротивлялась в его объятиях. Теперь бесполезно было пытаться отыскать дверь во времени, нужно было бежать. А гигант уже медленно шел за ними.

Уэстон понял, что должен увеличить разрыв между ними, чтобы потом вернуться к водоему и найти дверь во времени, прежде чем гигант научиться координировать свои движения. Стоял полдень. Уэстону показалось, что время проделывает какие-то странные фокусы. Через некоторое время он опустил Серену на землю, но руку ее по-прежнему крепко держал. У нее был словно какой-то инстинкт, заставляющий ее возвращаться, хотя огней к этому времени уже не было видно.

А через несколько часов Уэстон понял, что совершенно заблудился. Весь здешний мир был одним парком. Тут ничего не менялось. Весь мир, казалось, действительно был создан машинами для поддержания человеческого рода...

Когда Уэстон почувствовал голод, мох накормил его. Когда захотел пить, открылся крохотный водоемчик. И за все это отчаянное бегство, когда на горизонте то появлялась фигура гиганта, то вновь скрывалась с глаз, он не встречал ничего, кроме поросших мхом холмов... и еще кое-что.

Золотой Свет. Уэстон даже не понял, когда увидел его. Но это произошло позже, когда он уже лишился всех сил. Серена же была неутомима. Он пытался разговаривать с ней. Она отвечала, когда он касался нужных струн, и тогда она давала ответ, но это ничего

не значило. Уэстон не мог избавиться от мысли, что если бы ему только удалось заставить ее понять, вынудить ее постичь фантастические мотивации ее жизни, она могла бы проснуться.

ГИГАНТ ПОСТЕПЕННО нагонял их. Теперь он уже был в полукилометре позади. Солнце садилось. Скоро наступит темнота.

Здесь нет никаких сумерек, подумал Уэстон. Только что был яркий дневной свет, а затем — хлоп! — темнота. Словно по воле человеческой.

Уэстон все время разговаривал с Сереной.

— Послушай меня, Серена. Знание сказало мне — слушай! Я знаю, что ты не разумна, что у тебя есть всего лишь инстинкты. Но если бы я мог заставить тебя понять это...

Они брели наугад, И Уэстон все глядел на ее прекрасное, безмятежное лицо.

— Так воспользуйся тропизмом, Серена. Тропизмом, который заставляет растения поворачиваться к солнцу. Тропизмом, который ведет насекомых. Насекомые живут идеальной жизнью. Инстинкт подсказывает им, что надо делать, и они не могут сопротивляться ему, потому что хотят жить. Насекомых подгоняют определенные стимулы, и они реагируют на них инстинктивно. Послушай, Серена! Ваша раса — это все, что осталось от рода человеческого. Вы перестали мыслить. Вы можете только отвечать на определенные стимулы, как автоматы. Как само Знание! Если я задаю вам вопросы, на которые вы приспособлены отвечать, то вы ответите. Если же спрашиваю вас что-либо иное, то вы даже не слышите. Ты слышишь меня сейчас, Серена?

Стало темно. Не было никакой луны. Но на горизонте появилось золотое мерцание. Уэстон направился к нему. В темноте он не знал, насколько близок гигант. Но Уэстон все еще был способен идти быстро, потому что не было никаких препятствий, а мох под ногами был упругим и ровным. Золотое сияние стало ярче, когда они приблизились к нему. Но Уэстон уже лишился сил. Голова его шла кругом. Помолчав какое-то время, он снова стал разговаривать с Сереной.

— Вы не люди. Вы утратили человечность миллион лет назад. Абсолютное совершенство — да. Ваша раса достигла его за счет человечности. Вам теперь не нужны машины. Давным-давно вы научились использовать природную динамику, силу растений. И, в конце концов, в вас появилась способность владения этой силой. Но ведь это она есть у вас, а не вы у нее, Серена. Я видел, как вы используете ее. Но, постепенно, вам стала не нужна способность мыслить.

Вы построили вокруг себя Рай и адаптировали свой разум, чтобы соответствовать этому Раю. Таким образом на смену мышлению пришел тропизм беззаботного застоя. Но, Серена, разве ты не понимаешь, что Человечество еще не было готово к совершенству? Ему все еще нужно было многое сделать. Я не знаю, что именно. Но что-то точно осталось несделанным. Безделье в Раю, должно быть, показалось ужасным вашей расе, иначе им не пришлось бы пожертвовать разумом, чтобы вынести его.

Уэстон снова взглянул на словно вырезанный из камня, точеный профиль Серены, уже плохо различимый в темноте. Но никакого ответа он не услышал.

— Серена, ты должна понять, — продолжал он. — Когда-то, давным-давно, кто-то понял это. Об этом рассказало мне Знание. Великий ученый. Я думаю, областью его деятельности была психологическая биогенетика. Он понял, как Человечество вступает в Рай прежде, чем заслужило его, и таким образом было обречено, но он надеялся, что поиски выхода могут продолжаться. И он придумал работу, которую надо сделать людям. Он дал им задание создавать жизнь. Вот ваш тропизм, ваша ответная реакция. Твоя собственная раса, Серена, была проклята и погибла, но теперь, инстинктивно, вы, немногие оставшиеся, пытаетесь создать новую расу, расу, которая продолжит с того места, где остановились ваши предки. При помощи естественной динамики и тех огней жизни, которые вы разжигаете, вы уже тысячи лет пытаетесь создать более великую расу, чем была ваша собственная — влекомые стимулом, внедренным в вас, Серена! Как муравьи или пчелы. Чужие и чуждые. Я не могу понять тебя, Серена, твою расу и весь твой мир. У меня есть только мой разум! Но в этом и кроется ответ, Серена. Я не могу позволить тебе совершить самоубийство. Ты вернешься к огням и пойдешь прямо в них — точно мотылек на свет костра. Тебя это заставит сделать тропизм. Серена, Серена!

Он уже шал, как в бреду. И внезапно увидел Свет, поднявшийся прямо перед ними. Это был высокий, чуть колышущийся цветок холодного белого пламени. Золотой дождь, пролившийся на Данаю. И появились вросшие в мох руины, словно воздвигнутый вокруг Света храм. Возможно, когда-то ему действительно поклонялись. Цветок Света был высотой с человека, мерцал и, казалось, чего-то ждал.

Уэстон невыразимо устал. Но он знал, что последняя битва еще впереди. Или, скорее, позади, потому что именно там послышались тяжелые шаги, задрожала земля, и из темноты возникла новейшая форма жизни, которую создали последние люди.

Уэстон отодвинул Серену себе за спину. И стоял, ожидая, глядя на отсветы Света на великолепном белом теле гиганта, когда тот шел к ним.

И... торжественным шагом прошел мимо!

ИГНОРИРУЯ УЭСТОНА и Серену, гигант направился прямо к Свету! Уэстон стоял, разинув рот. Гигант не глядел по сторонам. Он попытался коснуться света большими, неуверенно протянутыми руками, но между ними и Светом, казалось, находился какой-то невидимый барьер. Гигант напрягся в тщетных попытках... по-прежнему не обращая внимания на Уэстона.

Серена выдернула руку и спокойно ушла в темноту, поскольку инстинкт гнал ее к оставшимся далеко позади, в темноте, огням. Уэстон чувствовал неимоверную усталость, у него кружилась голова. Но он поплелся за девушкой, оглядываясь через плечо на гиганта. А гигант все так же глядел на Свет, словно загипнотизированный, и все пытался коснуться его руками.

Уэстон понял, что гигант больше не станет гнаться за ними.

Он не запомнил пути назад. Должно быть, он уснул на ходу, спотыкаясь во мху и держась за руку Серены, которая шла все вперед, к ждущим ее огням. Шли они медленно, но терпение Серены было безграничным и казалось даже ужасным.

Лишь поздним утром они добрались до синих зданий. Парни на миг оторвали глаза от своей работы, но тут же снова наклонились над какой-то фигурой, которую они формировали.

— Уже почти все подготовлено, — пробормотала Серена. — В конце концов, мы даже не потеряли времени. Скоро, скоро все сбудется.

Затем продолжился кошмарный бред. Уэстону приходилось прилагать невероятные усилия только затем, чтобы не разжать пальцы и не отпустить ее запястье. Словно в бреду, он искал ворота, двери, проход, лазейку во времени. Но глаза у него закрывались сами собой, и сон захлестывал его мутным потоком, так что Уэстон дважды просыпался и видел, что серена уже идет к огням. Каждый раз он едва успевал догнать ее и снова схватить.

Возможно, проход перемещался вместе с потоком времени. А, может, он просто забыл его точное расположение. Уэстон искал и искал его, засыпая на ходу, практически валяясь с ног, а вокруг все стоял ужасающий полдень расы, который скоро уйдет в ночь, навстречу собственной гибели.

Внутри него рос какой-то неясный ужас. Парни, казалось, работали все быстрее и быстрее. Их подгонял слепой тропизм, древний,

врожденный инстинкт. Таща за собой Серену, Уэстон, спотыкаясь, все бродил вокруг этого чертова водоема...

И вдруг оказался в Версальском саду, снова у старого водоема, в небе гудел самолет, а он стискивал запястья Серены. Он перенес ее в свое время, из полудня в утро Человечества!

И это стало его проклятием, его – и ее.

К ЮГУ ОТ Сувы* лежит в море коралловый островок. Когда-то там жили туземцы-канаки, но теперь он заброшен. На островке есть окруженный стеной сад и пустынный дом. Панданы уже разрослись вокруг и постарели, а лишайники и стремительно растущие тропические лианы постепенно разрушали и их, и дом. И есть на острове кое-что еще, вечное и чужое, нетронутое ураганами, ежегодно пролетающими над островком и вымещающие на нем свою ярость.

Шкиперы малочисленных торговых судов знают, что когда-то там жил Джон Уэстон. Раньше они привозили ему товары, еду, оборудование и предметы роскоши, без которых не должен обходиться ни один богатый человек, даже если он живет посреди Юга Тихого океана. Но корабли больше не заплывают на этот остров, что же касается канаков, то кто обращает внимание на их пьяные бредни? Но они тоже не возвращаются на остров. Они боятся его, как огня.

Уэстон прожил на острове почти тридцать лет.

Видите ли, он любил Серену. Она была завершающим совершенным представителем рода человеческого. А поскольку человек борется за совершенство любым способом, то Серена всегда была с ним, и он грелся в ее ярком свете жизни, который она излучала.

Но понять ее Уэстон не мог. И, также, не мог от нее избавиться. Она не ведала ни горя, ни нерешительности, ни отчаяния. После Версаля, быстро поняв, что иного выхода нет, Уэстон привез ее на тихоокеанский островок. Там он построил окруженный стеной сад. Серена умела выращивать мох и деревья. Способность управлять природной динамикой была врожденной для всей ее расы. Она разожгла свои «огни жизни» и снова начала работать.

Уэстон жил на острове, наблюдал за Сереной и поклонялся ей. Он смотрел, как она творит жизнь и уничтожает ее. Год за годом он наблюдал, как ей управляет этот врожденный тропизм. Серена отвечала, когда Уэстон задавал правильные вопросы, но никаких настоящих контактов между ними не было, да и быть не могло.

* Сува – столица государства Фиджи, юго-западная часть Тихого океана (прим. перев.)

Слишком велика была между ними пропасть. Серена являлась совершенством, а у Уэстона был один только разум.

ИНОГДА ОН думал о том, чтобы вернуть Серену в ее собственный мир. Но он знал, что не сможет этого сделать. Те два парня будут вечно ждать ее, и огни будут ждать, когда Серена будет готова пожертвовать собой, чтобы создать новую расу, способную заменить Человечество...

Прошло почти тридцать лет. Серена не старела. В отличие от Уэстона. И вот однажды все кончилось.

Он отпер дверь в сад и вошел, зовя Серену по имени. Она всегда отвечала прежде. Но сейчас ответом была лишь тишина.

Уэстон прошел по извилистой дорожке и в конце ее увидел пламя, горевшее, как неземной цветок, высокий, золотисто-белый, чуть колышущийся под напором собственного огня. Он жил, горел и ждал. И тогда Уэстон все понял. Серена по-прежнему была в саду. Но ответить она уже не могла.

Она добилась успеха. Это и было то, чего Серена и ее раса пытались достичь бесконечно долго. Новая раса. Серена сама обладала любыми качествами, которые требовались и, наконец, она отыскала верную формулу для новой жизни. Она сама *стала* этой жизнью. Или частью ее.

Уэстон стоял и смотрел на Цветок. Он вспомнил, что уже видел его в далеком будущем, горящий в дикой местности среди поросших мхом холмов. Так вот почему гигант тогда забыл о Серене и пошел к Золотому Свету. Серена и была Золотым Светом. Это была уже новая раса. Серена использовала себя, чтобы сделать следующий шаг за пределы Человечества и человечности. И сделала она это за миллион лет до того, как родилась сама!

Целые нескончаемые эпохи ее народ тратил свою энергию, стремясь сделать то, чего Серена уже достигла в далеком прошлом!

Этот живой свет охранял барьер – в будущем. А сейчас? Барьер уже существует?

В зеленоватых сумерках горел Свет. Он был молодым. Это была первая ночь, озаренная им – и ум не мог осознать, сколько бесчисленных ночей будет пронизано этим Светом. Миллионы миллионов миллионов ночей и дней, в то время, как моря будут мелеть, а потоки времени неуклонно пронизать старую планету. В то время как Человек найдет свой рай и застынет на вершине долгого, ужасно совершенного полудня рода человеческого.

И после всего этого, когда-то, так или иначе, оно должно проснуться от бесконечно долгой спячки, поскольку уже появился пер-

вый представитель сверхчеловеческой, совершенно чуждой расы. Он прибыл после Человека. И частью его была Серена.

– Серена! – выдохнул Уэстон.

Затем он шагнул вперед, с вдохновенным лицом и горящими глазами, прямо в чуждую основу этого живого Света.

Сад был пуст, не считая огромного то ли Света, то ли Пламени. Ночи озаряла его яркая загадка. Ни единый человек не знал секрета его энергии или природы чужой жизни, горевшей в его основе, бездействуя, спя, но готовясь когда-нибудь проснуться, чтобы унаследовать Землю, проснуться и обратить вечный полдень Человека в новое яркое утро его невообразимого будущего.

Сад лежал тихий. Ни одна человеческая нога больше не ступала по нему. Только Золотой Свет горел цветком в темноте.

И он будет гореть и ждать целый миллион лет.

Noon, (Thrilling Wonder Stories, 1947 № 8), пер. Андрей Бурцев

THRILLING

FEB.

WONDER

STORIES

15¢

THRILLING
PUBLICATION

FEATURING

FRONTIER PLANET

An Astounding Complete Novel
By **MANLY WADE WELLMAN**

STAR ARROW

An Interplanetary Novelet
By **RAY CUMMINGS**

ВОЛК С УОЛЛ-СТРИТ

ДОКТОР ГОРАЦИО Майхейм, выдающийся создатель Кресла времени и исследователь неизбежных принципов Осознания Центрального Поясного Времени и Экстрасенсорной Центрифуги, сочувственно смотрел на своего гостя, Пита Мэнкса.

Сочувствие было отчасти направлено на дурной вкус в одежде Пита, который подвиг того на покупку весьма спорного костюма из плохой «шотландки» с полосками, а частично из-за подавленного поведения маленького человечка.

— Почему ты такой мрачный, Пит? Обычно твой дух пребывает в полном блаженстве. Финансовые проблемы? — высказал доктор самое очевидное предположение.

Пит хмуро кивнул, смахнул со стула плоскогубцы, моток проводов, болты и прочие доказательства технологической эволюции, а затем уселся.

— Да, — сказал он. — Я погряз в налогах.

Он глубоко вздохнул, и запах горелого пластика заставил его громко чихнуть.

— Ну-у, все мы должны чем-то жертвовать в эти тяжелые времена, мальчик мой, — напыщенно произнес Майхейм. — Война — это... э-э...

— Да все не так, док. Просто я не получаю ничего от своих жертв. Я попытался помочь военному ведомству, но это, как вы помните, не прокатило. Комиссия забрала меня для службы в армии. Так что мне остается? Только канючить «Дайте мне работу»? — Пит снова вздохнул. — Я бы с радостью помог финансами военной экономике, если бы таковые у меня были.

Майхейм задумчиво посмотрел на Мэнкса, затем на своего коллегу профессора Белли Акера. Последний презрительно фыркнул.

— Уж не думаешь ли ты снова использовать Кресло времени для каких-нибудь финансовых махинаций? Может, помнишь, что ты уже пытался делать так деньги. Но всегда был далек от успеха.

Тонкий сарказм Акера так и не дошел до Пита, который вскочил и энергично принялся рассказывать по лаборатории.

— Знаю-знаю. Но на этот раз у меня возник совершенно непогрешимый план. Абсолютно надежный! Вы можете снова запустить меня в прошлое, док?

Give me the works Pete Manx said gully

DE WOLFE OF WALL STREET

By KELVIN KENT

*Pete Manx Sells the Future
Short When New York's Bulls
and Bears Grab a Corner on
His Stock Market Career!*

— И сколько же денег ты собираешься там сделать? — снисходительно улыбнулся Майхейм.

Пит замахал руками.

— Док, этому нет предела! Миллионы! Половина, кстати, пойдет вам на эксперименты. А остальные я могу вложить в облигации военного займа — по крайней мере, большую часть, — тут же поправился он. — Это патриотично!

— И что ты... э-э... задумал на этот раз?

— Это сама простота, док! Настолько все просто, что даже красиво. Послушайте. Вы можете доставить меня в октябрь 1929 года?

МАЙХЕЙМ ВЗДРОГНУЛ, услышав эту ужасную дату.

— Да, мальчик мой, я могу это сделать. Ты, конечно, уже постигли мою идею Колеса Вре-

мени, как концентратора или Центра, через который сознание может быть направлена...

— Док, — умоляюще простонал Пит, — мы что, всякий раз должны все это проходить? Звучит все это логично, но все равно не укладывается у меня в голове.

— Но я только хотел пояснить, — печально сказал Майхейм, — что чем ближе к нам дата, тем точнее я могу тебя направить, а чем она дальше...

— Ладно-ладно! Вот в чем состоит мой верняк. Я возвращаюсь в 1929 год как раз перед обвалом фондового рынка. Парень, который заранее знает об этом, может ведь нажить огромное состояние быстрыми продажами, верно?

— Э-э...

— Ну, так это состояние получу я, док! Я быстренько обоснуюсь там, сыграю на бирже, зная о крахе, и — бинго! — я богат! А когда вы вернете меня, у меня уже будут на счетах миллионы. И я смогу купить на них бомбы для тех парней, что воюют сейчас в Японии!

— Хотел бы я посмотреть на это, — с насмешливой улыбкой встрял в разговор Акер.

Но Майхейм поднял брови в академическом восхищении.

— Ей-Богу, мальчик мой! У тебя может что-то из этого получиться. Это, как ты сказал, просто и красиво. И повод достойный. Но все же... э-э... могут быть сложности, которые всегда подкарауливали тебя во время предыдущих путешествий в прошлое...

— На сей раз я все продумал, док. Дело надежное. Я уже много дней изучал все газеты за 1929 год, чтобы освежить память. Так что, когда окажусь там, то смогу буквально прибить весь фондовый рынок. Ну и что с того, что во время моих прежних путешествий не все проходило гладко? Разве я не всегда одерживал победу в конце?

Акер захихикал.

— Победа — не совсем то слово, мне кажется...

Однако, Майхейм, какое-то время подумав, внезапно сдался.

— Может, ты и действительно сумеешь сделать удачный ход, мальчик мой. По крайней мере, попытаться стоит. Так ты готов?

Обычно Пит подходил к Креслу времени крайне неохотно. Однако теперь он нетерпеливо поерзал на блестящем сидении, закинул ногу на ногу и достал из кармана десятицентовую сигарету. Затем стал смотреть, как Майхейм возится со своим оборудованием, которое уже начало гудеть, и дает Акеру краткие инструкции по настройке.

Затем, с радостным «Поехали!», Пит снова ощутил вселенскую тошноту, когда его сознание полетело по волнам Моря Времени.

Вжииииик!

Вращающийся мир постепенно остановился, и Пит Мэнкс огляделся. Он был в Нью-Йорке, на Веселом Белом Бродвее с миллионами сверкающих огней. Мэнкс восхищенно усмехнулся. Цилиндры, шубы, выглядящие жутко старомодными огромные, блестящие машины. И все вокруг богатые, все счастливые. Пит широко раскинул руки и сделал глубокий вдох.

— Да-а... — протянул он. — Старые добрые времена!

И тут же поднявшаяся в груди волна ностальгии принесла в его горло комок, а на глаза навернулись слезы.

Полицейский подозрительным оком побудил Пита пойти дальше, но не смог омрачить его всеобъемлющее счастье. Октябрь 1929 года! Время богатства. Сухой закон и подпольные бары. Трансатлантические перелеты. Аль Капоне. Движущаяся реклама в пунктирных рамках афиш кинотеатров, звуковые фильмы. Люди, напевающие себе под нос «Счастливый день» и «Ого-го!»*.

Легкие атлеты Филадельфии — да возможно ли это? — только что завоевали Кубок во Всемирных Соревнованиях. Шотландец сэра Томаса Липтона** после оглушительного провала отказался от мысли завоевать Кубок Америки.

— Мистер, не дадите ли десять центов на чашечку кофе?

Пит нахмурился от того, что прервали его радужные мысли. И для утешения подумал, что скоро может стать владельцем ряда доходных домов и яхты.

НО ЭТО ВЕРНУЛО его мысли к делу. Пит осмотрел временное материальное убежище его сознания и нашел, что одето оно весьма хорошо, в короткие гетры, котелок, тесный костюм и с тросточкой в руках. Пощупал в кармане бумажник и обнаружил, что тот весьма пухлый. Все лучше и лучше. Он достал визитную карточку и прочитал: Питер де Вольф.

— Очень подходящее имечко, — решил Пит, — для парня, которому предстоит обвести вокруг пальца здешних «быков»! Это как волк с Уолл-стрит***.

* Знаменитые американские шлягеры конца двадцатых годов (прим. перев.)

** Томас Джонстон Липтон (1848—1931) — шотландский торговец и яхтсмен, создатель бренда чая «Липтон». Также он был самым стойким соперником в истории Кубка Америки (прим. перев.)

*** «Волк с Уолл-Стрит» — фильм 1929 года о циничном финансисте, зарабатывающем на биржевых махинациях и безжалостно разрушающем жизни и судьбы окружающих его людей. Одна из первых звуковых кар-

Усмехнувшись собственной шуточке, он направился к ближайшей стоянке такси. Примерно через час он уже был на Кони-Айленде, где, он знал, что найдет Пита Мэнкса, хорошо известную фигуру в мире развлечений. И действительно, он увидел искомое за стойкой большого тира в Аллее Атракционов.

— Стреляйте, народ! Стреляйте! — выкрикивал Мэнкс. — Шесть выстрелов всего за десять центов, ценные призы за меткую стрельбу!

Де Вольф некоторое время нежно наблюдал за Мэнксом, прекрасно зная, что маленький человечек сам был снайпером, но только иного рода. Мэнкс владел целой серией тиров на побережье, которые служили фасадом и ширмой для игорных заведений, которые и приносили настоящий доход. Когда Мэнкс, наконец-то, сменился, де Вольф последовал за ним в маленький офис на задах этого же тира и буквально сломился следом за ним.

Мэнкс вопросительно поднял во рту сигару под острым углом.

— Если вы хотели бы метнуть кости...

— Нет, — прервал его де Вольф. — Я хотел бы метнуть миллион баксов к тебе на колени.

— Чего же вам нужно? — фыркнул Мэнкс. — Опиума?

— Просто информации. Предварительной информации, которая поможет уничтожить фондовый рынок.

— Если это так легко, то почему вы не сделаете это сам? Зачем вам путаться с каким-то незнакомцем?

Де Вольф без приглашения сел на стул.

— Это сложно объяснить. Главное, что ты это должен сделать по моим указкам.

Глаза Мэнкса блеснули.

— Только без меня. Не желаю участвовать в каких-то хитрых махинациях. Кто вы вообще такой?

— Я — это ты, — весело заявил де Вольф. — Видишь ли, хотя технически я Питер де Вольф, но практически я — Питер Мэнкс.

Разинув рот, Пит Мэнкс образца 1929 года осторожно погасил сигару и не спеша убрал ее в ящик стола.

— Откуда вы сбежали? — жестко спросил он.

Де Вольф лучезарно заулыбался.

— Я знал, что вы будете удивлены.

— Удивление не совсем то слово, приятель. Если вы — Пит Мэнкс, то кто такой я, черт меня побери? Может, вы не будете возражать

тин «Paramount Pictures» с Джорджем Бэнкрофтом (1882-1956) и Ольгой Баклановой (1893-1974) в гл. ролях. (прим. перев.)

прояснить этот вопрос? — Несмотря на весь сарказм, маленький человечек явно взволновался.

Де Вольф подался вперед.

— На самом деле все просто, если уловить суть. Да, вы — Пит Мэнкс. Но и я тоже. Только я из будущего, на тринадцать лет опережающего этот момент. Из 1942 года, понятно? Я прибыл сюда при помощи машины времени, чтобы проинформировать тебя, что произойдет буквально в ближайшие дни. И на чем мы с тобой сможем нажить целое состояние!

Ноздри Мэнкса побелели, он весь сжался, не сводя пристального взгляда со своего посетителя. В его глазах явно мерцало сомнение в здравомыслии последнего.

— Послушайте, — отчаянно произнес он, — это как-то чересчур сложно для меня. Скажите, что все это — просто шутка!

Де Вольф нахмурился, теряя терпение.

— Разумеется, нет, идиот! Я говорю тебе чистую правду! Я — Пит Мэнкс из будущего. Я знаю, что здесь произойдет, и это принесет нам миллионы. И если ты сейчас думаешь, что я просто хочу выманить твои капиталы — хотя я знаю до последнего цента, что у тебя есть за душой, — то я сам дам тебе деньги. В конце концов, они же все наши, не так ли?

Мэнкс прижал пальцы к вискам, словно хотел удержать разлетающиеся мысли.

— Вы говорите, что дадите мне баксы, чтобы сделать миллионы? — с проблесками надежды спросил он. — Тогда что требуется от меня?

— Мы будем играть на фондовом рынке. Играть на понижение. Двадцать пятого октября будет биржевой крах, который за несколько дней уничтожит миллиарды — и начнется Великая Депрессия...

Мэнкс разразился диким хохотом.

— Крах фондового рынка! — прохрипел он сквозь смех. — Теперь я точно знаю, что вы просто псих ненормальный! Я ухожу!

НО ДЕ ВОЛЬФ поспешно перегородил дверной проем.

— Никогда бы не поверил, — с горечью сказал он, — что в молодости я был таким упрямым ослом. Но только чтобы показать тебе, что я знаю, что несет нам будущее, я заработаю несколько тысяч баксов. Какое у нас сегодня число, шестнадцатое? Прекрасно. Завтра акции «Долины Рейна» к моменту закрытия биржи поднимутся на тридцать пунктов. А в пятницу «Адамс Экспресс» подскочат на пятьдесят шесть пунктов. Наблюдай, что я стану делать. Мы встретимся здесь в субботу утром, и я предъявлю доказательства. Согласен?

Мэнкс кивнул в знак согласия, и Питер де Вольф ушел.

Следующие два дня стали легендарными в истории Уолл-стрит. Таинственный незнакомец, невозмутимо вежливый Питер де Вольф заработал несколько тысяч долларов в ряде молниеносных сделок на акциях, курс которых Пит вызубрил на память по газетам в Публичной библиотеке в свое время.

Имя нового торгового гения распространилось по финансовым кругам с быстротой лестного пожара, и к вечеру пятницы де Вольф стал не только богат, но и известен. Его брокер вел себя крайне униженно при каждом жесте и визгливо смеялся от тупых острот де Вольфа. Его поведение было весьма лестным.

Таким образом, немного утомленный де Вольф субботним утром со снисходительным видом зашел в контору Мэнкса на Кони-Айленде, и оглянуться не успел, как, крайне удивленный, был схвачен полицией и отвезен в тюрьму.

— Я хочу знать, — потребовал он у полицейского магистрата, — что значит все это?

И он кивнул в сторону Пита Мэнкса, беспокойно жавшегося в дальнем углу.

— Этот джентльмен написал на вас жалобу, — ответил магистрат. — Вы занимались предсказаниями судьбы.

Де Вольф неприязненно посмотрел на свою, так сказать, младшую копию.

— Ты жалкий, глупый тип, — сказал он. — Я тебе не пенсовый гадалщик из бульварного листка. Я — это ты, только я прибыл из будущего, чтобы помочь тебе нажиться на обвале фондовой биржи...

К нему вежливо подступили трое мужчин профессионального облика и принялись задавать всякие успокаивающие вопросы. Это были явно психиатры. Они исследовали странный бред де Вольфа относительно краха Уолл-стрит и его не менее странное утверждение, что он прибыл из будущего.

Стало ясно, что произошло. Пит Мэнкс, обычно самый бесстрашный из всех людей, до ужаса испугался безумной беседы с де Вольфом. Есть в безумии что-то такое, что пугает даже самых храбрых людей. И Мэнкс захотел избавиться от страшного незнакомца.

Де Вольф понял, что ему остается только одно: признать себя виновным и как можно быстрее выйти на свободу. У него еще было бы время изменить свою стратегию. Он неистово рванулся к Питу Мэнксу.

— Ты болван! — заорал он. — То есть, я хотел сказать, я — болван! Да ладно, мне отвратительны мы оба! Я предлагаю тебе возможность лучезарного будущего, А ты пытаешься засадить меня в кутузку!

Пара полицейских репортеров, почуяв скандал, направились к ним

— Если уж вы знаете все наперед, — сказал один из них, — то, как насчет предсказания результата сегодняшнего футбольного матча?

— Да ради Бога! — рявкнул ему де Вольф. — Корнелл выиграет у Принстона со счетом тринадцать : семь. Можете делать ваши ставки.

В ответ репортеры разразились бурным смехом. Корнелл не одерживал победу у Принстона уже целых двадцать два года. Де Вольф был доведен до бешенства, когда повернулся к судье и предложил признать себя виновным в нарушении закона о гадании.

— Слушание во вторник, — сообщил ему судья. — Залог в размете тридцати долларов.

Чтобы окончательно всех добить, де Вольф достал из кармана банкноту в тысячу долларов.

— Мельче нет, — заявил он. — Возьмите эту.

По крайней мере, он получил удовлетворения от своей потрясающей выходки.

Однако этот жест быстренько доказал, что он совершил ошибку. Это привлекло внимание репортеров, которые узнали имя де Вольфа из полицейского досье и написали о нем заметку. А уж когда Корнелл действительно выиграл матч, история начала приобретать реальные черты. И когда кто-то в редакционных помещениях связал, наконец, имя богатого провидца с Питером де Вольфом, сенсацией Уолл-стрит, статья была помещена на первой полосе.

КОГДА ДЕ ВОЛЬФ появился в суде утром во вторник, намереваясь заплатить небольшой штраф и вернуться к важному делу уговоров Пита Мэнкса-младшего, то обнаружил, что зал суда был набит народом до самых стропил. Самой зловещей была шеренга богато одетых людей, сидящих на первом ряду.

Де Вольф моментально узнал нескольких из них, включая и своего брокера. Это были известные биржевые дельцы, все как один миллионеры. Мэнкс-младший тоже был в суде, выглядя подавленным и приниженным.

Судья, явно находившийся под давлением и изрядно нервничающий, открыл слушание. Де Вольф быстро достал свой бумажник и признал себя виновным. Миллионеры окружили возвышение судьи и принялись что-то бормотать. Затем судья вынес решение:

— Штраф в тридцать долларов или тридцать дней заключения... Или и то и другое, если вы не сможете доказать свою способность предвидеть будущее.

И на лице у судьи появилась насмешливая улыбка. Зал захихикал. — Это все дурно пахнет, — озадаченно пробормотал де Вольф.

Он еще не вполне понял, в чем тут дело, но в этом деле чувствовался какой-то заговор. Он не мог позволить им засадить себя в тюрьму на тридцать дней. За это время произойдет крах фондовой биржи, а из тюрьмы он ничего не сможет сделать. Это был саботаж, словно какой-то нацистский агент прокрался в прошлое, чтобы разбить вдребезги благородный *мэнксианский* проект!

— Я думал, что будет просто штраф, — покорно сказал он, — поэтому не взял с собой адвоката. А посему я прошу отложить слушание дела.

Богатеи заворчали, судья стал им что-то твердить в свое оправдание, но де Вольф был в своих правах. Поэтому слушание дела отложили на четверг пополудни. Мгновение судья колебался, не стоит ли установить громадный залог, но вид толстого бумажника ответчика убедил его, что это было бы бесполезно.

Оставшись временно на свободе, де Вольф поехал в Бруклин, чтобы обдумать на досуге, почему всякий раз во время путешествия во времени он ухитряется вляпаться в какое-нибудь дерьмо.

В данном случае, бизнесмены с Уолл-стрит были впечатлены жуткой способностью де Вольфа бить в самое яблочко и несколько волновались от его прогнозов обвала фондового рынка. Не то, что бы они верили, что де Вольф действительно может предсказывать будущее, но...

В принципе, оставалось непонятным, почему крупные биржевые воротилы не попытались принять де Вольфа в свой круг, а напротив, отнеслись к нему, как к чужаку, как к опасному финансовому прокаженному, который, казалось, замахнулся на всю их систему, чтобы разнести ее вдребезги, а потом сообщить об этом всему свету. Но почему же они хотели заткнуть ему рот лишь на время?

Может быть, потому, что — неважно, финансовый де Вольф гений или экстрасенс, — но они хотели использовать его способности в будущем. Мошенники! Но что еще хуже, они действительно могли убрать его с арены на несколько решающих дней и не дать таким образом нажиться на крахе биржи!

Если, конечно, он не сумеет доказать, что может предсказывать будущее. И тем самым уйдет от закона...

По лицу де Вольфа медленно, как нефть по воде, разлилась улыбка. Есть идея! Он докажет это! Он посадит в лужу этих толстосумов! Больше того, одновременно он сумеет убедить в своей правоте и маленького упрянца Пита Мэнкса. Де Вольф мысленно воздержался от нелестных эпитетов. В конце концов, это же был

он сам. Но, конечно, стоит показать этим богачам парочку трюков. По сравнению с испытаниями, грозящими цивилизации, маленькая неразбериха будет мелочью. Сущим пустяком!

Он осторожно полез пальцами в рот, снял нижнюю зубную пластинку и нежно поглядел на нее. Постепенно до него дошло, что он держит в руке инструмент для финансового крушения тысяч состояний!

ОЖИВИВШИСЬ, де Вольф посетил крупнейшего в Нью-Йорке дантиста, у которого было много помощников. К замешательству этого господина, де Вольф купил два десятка таких пластин. Окончательная подгонка была ему неважна, лишь бы они имели те же размеры и очертания что и исходная пластина де Вольфа.

Затем он велел наполнить все коренные зубы пластин серебром. У дантиста было знакомое уже, дикое выражение лица, когда он смотрел на странного клиента. Но де Вольф предупредил звонок компетентным медикам совершенно иного профиля, взмахнув толстой пачкой долларов.

– Это просто шутка, док, – с улыбкой пояснил он. – Просто забавная шутка.

Затем, получив двадцать заполненных серебром зубных протезов, де Вольф добавил к своим трофеям маленький мешочек с карборундовым порошком. Усмехаясь, он вернулся в свой роскошный номер в гостинице и начал экспериментировать.

Сначала он нанес карборундовый порошок поверх зубов, с налитым в них серебром, затем сунул пластину в рот. Некоторое время он посидел неподвижно, затем вынул пластину и отбросил ее в сторону.

Девять раз он безрезультатно повторял свой эксперимент. Но на десятый добился успеха.

Когда де Вольф сунул пластину в рот, то услышал слабую, но весьма отчетливую музыкальную мелодию, идущую прямо ему в голову. Это было странное ощущение. Де Вольф восхищено рассмеялся, когда призрачный голос произнес:

– Вы слушаете радиостанцию Икс-В-Икс.

Де Вольф сделал то, что хотел – миниатюрный детекторный радиоприемник у себя во рту. Чтобы выключить его, нужно было просто очистить зубной щеткой карборунд. Эта идея пришла ему в голову, когда он вспомнил о вычитанном в газетах эксперименте, проведенном в далеком 1942 году. Де Вольф радостно потер руки. Ну, теперь он покажет этим мошенникам пару фокусов...

Когда было вновь открыто слушание по делу Питера де Вольфа, зал суда, в отличие от первого раза, был странно пуст. Де Вольф усмехнулся при таком подтверждении своих выводов относительно побуждений бизнесменов с Уолл-стрит. Очевидно, они не хотели зрителей или репортеров. В зале был только совершенно зашуганный судья, да мрачные миллионеры и вконец обезумевший Пит Мэнкс.

— Жалеешь уже, что заварил эту кашу, не так ли? — сказал де Вольф Мэнксу. — Ну, не волнуйся. Сейчас я все разрулю, причем так, что ты убедишься, что той ночью я сказал правду. Помнишь?

Мэнкс заломил руки в безмолвном замешательстве. Де Вольф повернулся к остальным.

— Я не привел с собой адвоката, Ваша Честь. Я *сам* буду защищать себя. Я не признаю себя виновным, так как могу доказать, что действительно знаю будущее.

Экономические роялисты возглавлял некий Бурже, который поднялся от хозяина маклерской конторы до «барона-грабителя», уничтожив всего лишь десяток своих лучших друзей. И этот вот экземпляр заговорил обворожительным голосом, поглядывая на спину де Вольфа, чтобы найти место, куда лучше воткнуть нож.

— Друзья, почему бы нам не обойтись без этой глупой позы. Мы все здесь разумные люди. Давайте ближе к делу, не так ли? У вас, кажется, есть некое опасно острое понимание тенденций рынка, и мы просто хотим услышать о вашей системе... и понять, действительно ли что-то стоит за вашим заявлением о том, что нас может ожидать резкий спад. Конечно, ваши фантастические прогнозы на счет полного краха рынка — полнейшая...

— Нет. Я просто знаю будущее, — упрямо повторил де Вольф. — И докажу это.

ВСТАВ НА ЭТУ позицию, де Вольф начал быстрый анализ всемирной истории с 1929 до 1942 года. Он описал крах биржи и последовавшую депрессию, Новый курс, приход к власти Гитлера, войну, автоматы для пинбола и уклоняющихся от службы — причем совершенно заворожил аудиторию, легко перескакивая с темы на тему и проявляя явное знакомство со всякого рода деталями. Целый час никто не произнес ни слова, за исключением де Вольфа.

Но когда он закончил, Бурже улыбнулся с полнейшим недоверием на лице.

— Ваше обозрение будущего весьма интересно, но нелепо во многих местах. Всем известно, например, что немецкий милитаризм был сокрушен раз и навсегда еще в 1918 году. И в любом случае, вы

не сможете доказать ни слова из сказанного, потому что мы не можем ждать месяцы, а то и годы, чтобы проверить ваши рассказы.

— Естественно, — удовлетворенно кивнул де Вольф. — Вам нужны доказательства, которые можно проверить. Например, сегодняшние события. Что происходит в мире сейчас. Что произойдет в следующий час. Ну, ладно.

Он взглянул на часы. Четыре пополудни. Он отлично протянул время. Тогда он рассеянно достал из кармана жилета щепотку карборунда и протер им зубную пластину, совершенно уверенный, что это ни у кого не вызовет ни малейших подозрений.

Затем настроился на регулярный выпуск новостей, и стал спокойно, слово в слово, повторять сообщение вслед за радио. Челюсти миллионеров отвисли, их владельцы с сомнением уставились друг на друга. Де Вольф перешел все границы, заявив, что Плата За Молчание выиграет пятый заезд в текущих бегах в Нью-Йорке.

Бурже срочно побежал покупать газету и вернулся, торжествуя размахивая ею. Разумеется, в газете не было ни слова о том, о чем говорил де Вольф.

— Конечно, нет, — кивнул де Вольф. — Это же еще не произошло. Или происходит прямо *сейчас*. Читайте вечерний выпуск, и все поймете. — Де Вольф замолчал, принимая заключительную часть последних известий. — Прочитайте спортивную страницу. Там написано о шестом заезде. В нем победит Ма Белл.

Бурже быстро просмотрел нужную страницу.

— Действительно, в шестом заезде заявлена лошадь по имени Ма Белл. Позвоните на ипподром. Она как раз должна бежать.

Кто-то побежал звонить и вернулся с выпученными глазами. Де Вольф правильно назвал победителей в обоих заездах. Он позвонил также в редакцию газеты, чтобы проверить парочку «прогнозов» де Вольфа, выбранных наугад. В газете подтвердили, что все так и есть, хотя выпуск с этими новостями еще не вышел из печатной машины.

Это был самый хрупкий момент. Если бы спросили, например, о седьмом заезде, де Вольф ничего бы не смог ответить, поскольку последние известия уже закончились и по радио транслировали танцевальную музыку. Фактически, если бы магнаты чуть-чуть подумали, то могли бы сообразить, что де Вольф рассказал о событиях, происшедших час-два назад.

Но де Вольф рассчитывал на то, что все это были события, о которых он никак не мог узнать заранее, и уж, тем более, не мог угадать.

Долгая, тяжелая тишина была, наконец, нарушена хриплым голосом Пита Мэнкса-младшего.

— Вот так штука! Да этот парень, действительно, знает будущее!

Де Вольф усмехнулся и стряхнул с плеча воображаемую пылинку. Он победил, потому что всегда добивался так успеха в прошлом.

Бурже конфиденциально наклонился к нему.

— Мистер... э-э... де Вольф. Я насчет вашего предвидения о крахе рынка. Вы хотите сказать, что *все* фонды резко падут? Я, например, имею сейчас на руках «Нью-Йорк и Гарлем»...

Де Вольф сочувственно улыбнулся ему. Это были как раз те акции, на которых он собирался сколотить себе состояние.

— Через пять дней «Нью-Йорк и Гарлем» упадет на сотню пунктов.

Наступило потрясенное молчание.

— Ну, разумеется, мои акции «Американского технического спирта» в полной безопасности, — раздался, наконец, чей-то неуверенный голос.

Это были как раз акции, выбранные де Вольфом во вторую очередь.

— Завтра — а этот день войдет в историю под названием Черной Пятницы, — ваши акции упадут на двадцать пять пунктов. И это только начало.

Он улыбнулся, вежливо и торжествующе, чувствуя, как вокруг, подобно дождевой воде в протекающем подвале, поднимается паника.

КУСОЧЕК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ценой в пятьдесят миллионов долларов — на бумаге — обступил судью и принялся что-то бормотать. Наконец, Бурже вновь повернулся к де Вольфу.

— Мы глубоко извиняемся, но вынуждены поступить так, чтобы ни слова не просочилось наружу, пока мы... э-э... не примем меры для охраны своих интересов. А вы, — Бурже смахнул рукавом пот со лба, — слишком любите распускать язык. Боюсь, вы все же должны отсидеть свои тридцать дней.

— Что?! — взорвался де Вольф. — Вы не можете так поступить со мной! Судья сказал, что я буду свободен, если докажу, что действительно знаю будущее! И вообще, кто вы такие, что приговариваете меня? Это же нонсенс!

Но судья, с крайне виноватым видом, подтвердил слова Бурже.

— Тридцать дней тюрьмы. Дело закрыто.

— Кто мы такие? — мрачно усмехнулся Бурже. — Мы представители значительного политического влияния. Уловили смысл?

Де Вольф смысл уловил. Но не все еще было потеряно, если он сумеет убедить Пита Мэнкса-младшего разделить с ним судьбу. И он повернулся к маленькому человечку, но Бурже не дал ему ничего сказать.

— Что же касается истца, — заявил этот уважаемый представитель влияния, указывая на Мэнкса, — то я не думаю, что мы можем доверять и его языку. Ваша Честь, нельзя ли задержать и его за какое-нибудь нарушение закона?

— Гм-м... Может, он станет важным свидетелем. Кто знает? — и судья осветил лучезарной улыбкой всю компанию дельцов. — Лучше поддержать его под замком двадцать четыре часа, просто на всякий случай. Этого вам хватит?

Бурже согласился, что этого будет вполне достаточно. И двери тюрьмы закрылись за де Вольфом и Питом Мэнксом-младшим. У последнего был вид человека, который дернул за хвост кошку, а та оказалась вдруг тигром. Он был слишком напуган происходящим вокруг, так что даже не потрудился протестовать против явно сфабрикованного обвинения.

И это был уже далеко не первый раз, когда злополучный путешественник во времени вкушал горький плод лишения свободы. Он побывал и в более старинных тюрьмах, но нигде еще не встречал более твердых тюремщиков. Де Вольф угрожал, бушевал, подлизывался и даже попробовал предложить тюремщику взятку, но все без толку. Стало очевидно, что самые критические часы своей жизни оба Мэнкса потратят в мерзком заточении.

— Ну, погодите! — закричал де Вольф голой стене. — Это еще не конец! Я всегда в последний момент находил выход при помощи моего острого ума!

Единственным ответом на эти слова было издевательское эхо.

Де Вольф с презрением и отвращением посмотрел на Пита Мэнкса-младшего, из-за недоверчивости которого и произошли все эти неприятности. Мэнкс, неправильно поняв значение взгляда своего товарища по камере, угрожающе оскалился.

— Если вы можете так легко видеть будущее, — проворчал он, — то должны знать, что с вами будет, если вы поднимете на меня руку.

Де Вольф только пожал плечами и в отчаянии отвернулся. Будущее было слишком ясным. Завтра наступит двадцать пятое октября. Черная Пятница! Акции рухнут за четыре часа до закрытия биржи. А во вторник все увидят, как четырнадцать миллиардов долларов превратились в прах, и начнется общенациональная паника продажи оставшихся фондов.

И все начнет окончательно рушиться. Рокфеллер потратит сотни тысяч в попытке стабилизировать рынок. Томас В. Ламонт объявит о сложившейся ситуации, и его услышат все, потому что к этому времени вся страна уже будет настроена на финансовые новости. Но ничего не поможет. Финансовый крах будет расти. О, да, де Вольф прекрасно знал будущее.

Но каким же образом начался этот крах? И тут у де Вольфа помутилось в глазах от ужаса. Крах произошел потому, что он только что убедил кучку весьма значительных владельцев акций, что они должны мгновенно ликвидировать свои фонды! Именно эта группа финансистов, во главе с Бурже, и начнет срочную продажу акций, что вызовет последующую снежную лавину. Мэнкс... э-э... точнее, Питер де Вольф — был ответственен за самый ужасный финансовый крах в истории!

ДЕ ВОЛЬФ ГОРЬКО жалел о том, что зря тратит тут время, и страстно хотел оказаться в другом месте. В любом. Где угодно. Но прошло целых три дня до того, как его желание было исполнено одновременно с головокружительным чувством падения в бездну...

Вжииииик!

Оказавшись в лаборатории, Пит Мэнкс оттолкнул нюхательную соль, которую доктор Горацио Майхейм держал у него под носом, и вскочил на ноги. Он дико поглядел на Кресло времени, которое так повело его, и издал ужасный вопль.

— Никогда больше, — проревел он, задыхаясь. — На сей раз я твердо это обещаю!..

Майхейм сочувственно закудахтал.

— Насколько я понял, твои планы не вполне удались, мальчик мой. Но что... э-э... произошло?

Пит вздрогнул от простой мысли.

— О, ничего! Вообще ничего. Просто Великая Депрессия случилась по моей вине! Я обрушил фондовый рынок, а также, кажется, и Республиканскую партию. Банкротство банков, очереди за хлебом, Новый курс, пособия по безработице, может, даже Гитлер... И все это случилось лишь потому, что я совершил маленькую экскурсию в прошлое! — Он содрогнулся, представляя себе все эти ужасные подробности.

Доктор Майхейм печально покачал головой.

— И в итоге ты не сделал себе состояние. Что ж, я этого... гм... ожидал. Я всегда чувствовал, что наши проникновения в прошлое, хотя и весьма интересные, никак не могут изменить неизменное настоящее. А знаешь, что ты должен был сделать?

— Застрелиться месяц назад, — мрачно проворчал Пит.

— Нет-нет, мальчик мой. Вместо того, чтобы пытаться заработать состояние самостоятельно — при помощи ранней версии тебя самого, — тебе нужно было лишь взять свой первоначальный выигрыш и положить его на целевой вклад на имя Пита Мэнкса, с условием неприкосновенности до 1942 года. Ты это легко мог сделать в образе де Вольфа. И в наше время ты мог бы легко забрать эти деньги. А знаешь, сколько набежало бы по процентам?

Пит взмолился, чтобы небеса удержали его от поспешных действий.

— Только не говорите мне *ничего!* — взревел он.

Но Майхейм, не слушая его, принялся развивать свою идею.

— Это ведь очень просто сделать. Если ты ненадолго вернешься в 1929 год, то...

Он замолчал, изумленный и разочарованный. Потому что единственным ответом ему последовал стук захлопывающейся парадной двери и убегающие шаги...

*De Wolfe Of Wall Street, (Thrilling Wonder Stories, 1943, № 2), пер.
Андрей Бурцев*

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕМЛЯ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ. Роман	5
Lands of the Earthquake, (Startling Stories, 1947 № 5), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим	
ПУТЬ БОГОВ. Повесть	107
Way of the Gods, (Thrilling Wonder Stories, 1947 № 4), пер. Андрей Бурцев	
ПОЛДЕНЬ (под. псевд. Хадсон Гастингс).....	163
Noon, (Thrilling Wonder Stories, 1947 № 8), пер. Андрей Бурцев	

ПИТ МЭНКС

Келвин Кент (Артур Барнс).	
Пит Мэнкс. ВОЛК С УОЛЛИ-СТРИТ.....	181
De Wolfe Of Wall Street, (Thrilling Wonder Stories, 1943, № 2), пер. Андрей Бурцев	

Читайте в
следующем томе:

Кейт Лаумер

Дорогие друзья. Следующим будет первый том из двухтомника Кейта Лаумера. В него войдут повести «Бомба времени», «Машина грез», «Чудесный секрет», посвященные любимым темам этого великолепного писателя: времени, параллельным мирам и, конечно же, головоломным, захватывающим приключениям его героев. Приятного вам ожидания!

БААКФ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕНРИ КАТТНЕР

Путь богов